ДОСЬЕ ЭПОХИ

Р.К. Баландин

МАЛЕНКОВ

Третий вождь Страны Советов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Георгий Маленков — едва ли не самая загадочная личность в отечественной истории XX века. Всем остальным руководителям России — СССР посвящены многочисленные статьи, обстоятельные монографии, художественные биографии, а то и целые книжные серии. О Маленкове — почти полное молчание. Почему же так произошло? Неужели этот государственный деятель, о котором в народе долго сохранялись хорошие воспоминания, недостоин внимания? Ведь Г. М. Маленкова с полным правом можно назвать третьим вождем Страны Советов после В. И. Ленина и И. В. Сталина. Маленков имел свое политическое лицо, собственные идеи и концепции развития правящей партии и страны. Но его короткое правление необоснованно «затерялось» в нашей историографии между сталинской и хрущевской эпохами.

- Р. К. Баландин
  - Введение
  - Глава 1
    - Предполагаемый наследник
    - Великое наследство
    - Личное и общественное
    - Сталинская система
    - Искусство управлять
    - Зачем бороться за власть?
  - Глава 2
    - Последнее выступление Сталина
    - Бессилие диктатора
    - Многопартийность по Сталину
    - О голубях и ястребах
    - Главный завет Сталина
    - Объявление войны коррупции
    - Покушение на партократию
    - Охота на Большого Мингрела
    - «Аппаратные войны»
  - Глава 3
    - Смерть как освобождение
    - «Дело врачей»
    - Череда странных совпадений
    - Последние дни хозяина
    - И все-таки убийство?
    - Кому это выгодно?

- Конец великой эпохи
- Глава 4
  - Два года, выпавшие из истории
  - Начало реформ
  - Второе лицо в государстве
  - Устранение Лаврентия Берии
  - Продолжение реформ
  - Роковые решения
- Глава 5
  - Родословная
  - Большевик
  - Опасные годы
  - Война
  - «Маленковский циркуляр»
  - Опала
  - «Ленинградское дело»
  - Выходцы из народа
- Глава 6
  - Тайна особняка Берии
  - Корпоративное единство партократии
  - Антипартийная группа
  - Смертельная опасность
  - В дальних краях
- Глава 7
  - Сокровенная тайна
  - Когда побеждает подлейший…
  - Торжество партократии
  - Извращение и опошление истории
  - О культе и личностях
  - История в сослагательном наклонении
  - «История нас рассудит»
  - О тоталитарном режиме
- Заключение
- Приложение

- notes
  - 1
  - 2

Р. К. Баландин
МАЛЕНКОВ. Третий вождь Страны Советов

Введение
Самый таинственный лидер

1

Георгий Максимилианович Маленков — едва ли не самый загадочный персонаж в отечественной истории XX века. Всем остальным лидерам России — СССР посвящены многочисленные, более или менее обстоятельные и преимущественно необъективные работы, монографии, а то и книжные серии. О нем — почти полное молчание.

Почему так произошло? Неужели этот государственный деятель, о котором в народе долго сохранялись хорошие воспоминания, недостоин внимания?

Обратимся, например, к главе о Маленкове из книги «Ближний круг Сталина» современного историка Роя Медведева. Он счел нужным назвать ее: «Человек без биографии». Нелепая характеристика, если учесть, что даже у вымышленного поручика Киже из сатирического рассказа Юрия Тынянова кое-какая биография со временем возникла. А ведь тут речь идет о человеке, считавшимся наследником Сталина! К тому же, даже из необъективных писаний Медведева, следует, что у Георгия Маленкова была достаточно интересная и поучительная судьба.

Свое мнение Рой Медведев обосновал так: «О Маленкове трудно написать даже самый краткий очерк. В сущности, это был человек без биографии, деятель особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина. И когда Сталин умер, Маленков сумел удержаться у руководства страной и партией чуть более года. Наследство Сталина оказалось чрезмерно тяжелой ношей для Маленкова, и он не смог сохранить его в своих, как обнаружилось, не слишком сильных руках».

Что тут скажешь? Какое-то на удивление упрощенное объяснение отстранения руководителя страны от кормила власти. Или это плохо завуалированный уход от серьезного обсуждения проблемы? Неужели не нашлось других слов и мыслей? Выходит, у милого сердцу Медведева Хрущева оказалась более цепкая хватка? Да еще вдобавок — отменная изворотливость? А главное, быть может, — сказалась поддержка многорукой партийной номенклатуры?

«Интеллигенция в отличие от крестьянства, — пишет Р. Медведев, — которое конечно же ничего не знало о прежней деятельности Маленкова, относилась к нему с недоверием или даже с неприязнью. В стихотворении «О России», оправдывая эти настроения, поэт Наум Коржавин тогда писал:

В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче вся твоя судьба?»

Признаться, меня не очень-то умиляют радетели за Россию типа Коржавина, пусть даже употребляющие натужно простонародное «неужто». Зачем понадобилось противопоставлять советскую интеллигенцию крестьянству (почему не рабочим)? Среди первых встречались убежденные сторонники советской власти, а среди вторых — ее противники. И разве служащие, или, говоря по-западному, интеллектуалы, не знали о кровавых расправах Хрущева на Украине и в Москве? И как поэт высмотрел взгляд Маленкова, никогда с ним не встречаясь? На всех публиковавшихся портретах у Георгия Максимилиановича взгляд ясный и умный. Конечно, на то и парадные портреты. Но вот признание посла США Чарльза Болена, приводимое все тем же Медведевым:

«В бытность мою послом я значительно улучшил мнение о Маленкове, чему способствовали наши встречи на кремлевских банкетах. Его лицо становилось очень выразительным, когда он говорил. Улыбка наготове, искры смеха в глазах и веснушки на носу делали его внешность обаятельной… Его русский язык был самым лучшим из тех, что я слышал из уст русских лидеров. Слушать его выступления было удовольствием… С другими лидерами, особенно с Хрущевым, не было никаких точек соприкосновения, никакого общего языка…»

Между прочим, Хрущев писал, будто Сталин так отозвался о Маленкове: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен».

Занятно, что такому убогому «писарю» Сталин поручил важнейшую функцию подбора руководящих кадров, а со временем сделал, в сущности, своим преемником. А уж о самостоятельных мыслях Никиты Сергеевича вспоминать приходится подчас с отвращением…

Так-то оно так, да ведь в борьбе за власть именно Хрущев оказался в итоге победителем…

2

Маленкова нередко называют наследником Сталина. И в этом есть определенный резон. Во всяком случае, чрезвычайно показательно и даже символично, что именно он в 1952 году подготовил и огласил Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б).

Почему Сталин доверил Маленкову столь ответственное дело? Чем заслужил Маленков доверие и уважение вождя? На каких основаниях Иосиф Виссарионович считал его своим преемником и соратником, наиболее последовательным проводником своих идей?

Эти вопросы порождают новые вопросы. Они связаны главным образом с оценкой государственной и партийной деятельности Сталина. Если он был злодеем, то и его доверенное лицо, преемник — того же поля ягода. А может быть, он был выдающимся и достойнейшим вождем? Так считало подавляющее большинство советских людей и сторонников соцсистемы всего мира (среди которых было немало подлинных интеллигентов, включая выдающихся ученых и писателей). Если они были правы, то и наше отношение к Маленкову должно быть по меньшей мере уважительным.

…Вот я написал о «нашем отношении» и подумал: даю повод для обвинений в необъективности, предвзятом подходе к историческим личностям. Явное признание в отходе от принципа научной беспристрастности, служения истине и т. п. Ведь задача историка — изложить факты и сделать на их основе стройные выводы. А лучше предоставить это читателю, ведь он умен, образован и проницателен, а потому способен выработать собственное мнение без подсказок.

С подобными доводами хотелось бы согласиться, но не получается.

Во-первых, историография жизни страны даже за одно десятилетие накапливает великое множество фактов. Из них неизбежно приходится выбирать те, которые выглядят наиболее важными для тех или иных поставленных целей. Уже одно это в корне противоречит принципу объективности, которым — в идеале — руководствуются представители естественных и «точных» наук.

Во-вторых, история любого государства или народа не существует сама по себе. Пишут ее заинтересованные лица. Одни явно (или тайно, что значительно хуже) оценивают происходившие события положительно или отрицательно, в определенном политическом ракурсе. Он определяется

убеждениями, мировоззрением автора. Абсолютное равнодушие тут невозможно.

В-третьих, отношение к прошлому меняется со временем. Не только потому, как писал Сергей Есенин, что большое видится на расстоянии (вот и фигуру Сталина многие видят не выше сапог). Накапливается исторический опыт. Если бы не победила в России вторая буржуазная революция Горбачева — Ельцина, если бы не удалось врагам расчленить Советский Союз и уничтожить народную демократию, то и оценка прошлого была бы иной.

В-четвертых, множество документов, относящихся к интересующей нас эпохе, остается в засекреченных архивах. Оттуда извлечено и обнародовано все, что могло бы очернить СССР и деятельность Сталина. Подброшены соответствующие фальшивки. Тиражируются совершенно фантастические, лживые цифры о репрессированных, расстрелянных чекистами, погибших на фронте наших военнослужащих. Нетрудно догадаться, что скрываются от народа сведения, обличающие подлинных врагов народа и свидетельствующие о величии нашей страны, руководимой Сталиным. Уже одно это заставляет с подозрением и брезгливостью относиться к сочинениям антисоветских историков.

В-пятых, честному человеку невозможно равнодушно взирать на позор, унижение и уничтожение Отечества, деградацию и вымирание своего народа. То же относится и к современной античеловечной технической цивилизации. Она обречена. Ее раздирают внутренние противоречия. Но самое безнадежное — утрата смысла существования человечества на планете и ориентация на удовлетворение самых низменных потребностей малой части населения Земли. Это вызывает усугубляющийся конфликт со средой обитания, где победить суждено только природе. И это не страшилка, не старческое брюзжание, а научно установленное, основанное на фактах эмпирическое обобщение…

Надо лишь оговориться: подобные общенаучные и философские проблемы мы будем затрагивать лишь косвенно. Наша главная задача — вести историческое исследование, а отчасти даже расследование (тем более, когда речь зайдет об убийстве Сталина и Берии). Наша цель — не оправдание или осуждение прошлого. Необходимо осознать то, что произошло для лучшего понимания настоящего и для возможности более или менее надежного предвидения будущего.

3

Обстоятельное изучение того или иного объекта предполагает несколько правил. С одной стороны, он рассматривается как бы изнутри, как нечто, состоящее из составных частей (от частного к общему). С другой — как часть какой-то цельной системы (от общего к частному). Желательно провести обзор с различных позиций, обдумывать несколько вариантов объяснений.

Необходимо опираться на факты. Отбор их следует производить не ради утверждения своего мнения, неизбежно предвзятого, а для выяснения истины. Надо обращать внимание прежде всего на факты, опровергающие данную концепцию. Не следует забывать об ограниченности знаний не только собственных, но и всеобщих. Полезно прислушиваться к мнениям авторитетных специалистов, но не доверяя им слепо.

Особенно опасен самообман. Делая обобщения, каждый из нас, любой исследователь исходит из определенного мировоззрения. Исключение составляют откровенные компиляторы или ловкие пройдохи, работающие на своих «заказчиков». Откровенная продажность на интеллектуальном рынке стала одним из принципов эпохи капитализма.

Ныне общественное мнение формируется техногенным образом, т. е. искусственно («технэ», в переводе с греческого, — искусство, ремесло). Для этого используются психотехнологии, чаще всего не слишком изощренные. Еще Геббельс учил, что пропаганда должна быть наглой, постоянной, всеохватывающей, примитивной. Так оболванивают миллионы.

Большинство из тех, кто подвергся такой обработке, искренно утверждают, что скептически относятся ко всему, что сегодня вещают или пишут: мол, у меня своя голова на плечах, сам делаю выводы. Голова-то действительно своя, только вот выводы такой гражданин делает именно те, которые заложены в подсознание психотехнологиями. Именно такова их главная задача.

Впрочем, об этом я не раз писал в своих книгах. Четверть века назад предложил развивать науку *психоэкологию,* изложив ее основы. Недавно была издана моя «Наркоцивилизация», посвященная средствам воздействия на сознание и подсознание человека. А одна из главных тем, которую я разрабатываю более четырех десятилетий, — история цивилизаций в их взаимодействии с окружающей природой и переход области жизни (биосферы) в область господства техники (*техносферу*).

Привожу эти сведения для того, чтобы пояснить свое отношение к теме данной книги. Она интересует меня прежде всего как гражданина России. Но исходить приходится из некоторых общих принципов развития (или деградации)

общества, цивилизации, культуры. Вот они.

Идеального государственного устройства нет и быть не может. Это предопределяет сама суть государства, где правят отдельные группы или партии. Народовластие осуществимо лишь в ограниченных масштабах. Буржуазная демократия не имеет ничего общего с народовластием, что подчеркивает уже одно ее название.

Идея всеобщего неуклонного прогресса ошибочна и ложна в своей основе. Это доказывает деградация и гибель множества народов, государств, цивилизаций. Глобальная техническая цивилизация современного типа обречена. Ее раздирают внутренние противоречия, а грядущий крах предопределяется непримиримым конфликтом с природой. Нет сомнений, что она останется победителем, ибо вечна, исполнена жизненных сил и могущества, тогда как цивилизации бренны, как и род человеческий.

Не только наша страна, но и все остальные вместе взятые, увеличивающие материальное производство и техническую мощь, усугубляют экологическую ситуацию, истощая природные ресурсы и загрязняя окружающую среду. Одновременно формируются новые типы людей, которые я называю *техногенными*: разновидности неутолимых потребителей материальных ценностей, приспособленных к условиям существования в техносфере. Таков объективный процесс. Преодолеть его необычайно трудно. Тем более что ему соответствуют идеалы буржуазной «демократии», нацеленные наличную выгоду, максимальный комфорт при ничтожных духовных потребностях.

Не хотелось бы признавать неизбежность постыдного краха человечества. Должна оставаться надежда. Были и есть замечательные представители рода человеческого, остаются великолепные памятники культуры и творческого энтузиазма.

Впрочем, довольно рассуждений. Речь пойдет о конкретных датах, людях, событиях. Какими бы ни были общие соображения, они остаются за пределами повествования.

4

Мы постараемся по мере возможности восстановить и обдумать деятельность третьего вождя Советского Союза на фоне его эпохи. Следовательно, придется достаточно детально проследить соответствующие периоды отечественной истории. Особое внимание будет уделено четырем «роковым» годам: с

1952-го по 1955-й.

Возможно, именно в то время определялся дальнейший путь развития (или медленной деградации) СССР. И хотя говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, это справедливо лишь по отношению к свершившимся событиям. Действительно, их невозможно изменить (хотя очень легко исказить). Но всегда есть возможность поразмышлять, почему было принято то или иное решение, чем оно определялось и какие были альтернативы.

Данная работа будет опираться на *документы*, а не мнения. Хотя требуется оговорка: многие важные материалы до сих пор остаются в засекреченных архивах. Хуже того: немало документов было уничтожено или сфальсифицировано в период правления Хрущева.

Безусловно, я могу ошибаться, да и знания мои ограниченны (как, впрочем, у любого другого). Только не следует думать, будто существуют какие-то необычайно ценные новейшие сведения, материалы из секретных или личных архивов, раскопав которые, можно постичь истину.

Главные документы истории доступны всем. Это — реальные свершения, победы и поражения, созданные или погубленные материальные и духовные ценности, героический энтузиазм или бездарное и постыдное прозябание.

Многое, если не самое главное, определяется теми целями и идеалами, на которые ориентируется общество и человеческая личность, — не на словах, а на деле. Как говорил Иисус Христос, обличая лицемеров и лжепророков: «По делам их узнаете их».

…Время правления Маленкова внешне было спокойным. Потрясенная смертью Сталина страна постепенно приходила в себя. Где-то на вершине власти потерпел полное фиаско Берия, недавно еще занимавший видное место в советском руководстве. Но все это, казалось, было далеко от жизни народа. Меня тогда удивило высказывание одного пожилого человека: «Вы еще поймете, еще поплачете». Вроде бы ничего особенного не произошло.

Однако в обществе начались великие внутренние изменения, внешне неприметные, но в конце концов разрушившие всю государственную систему.

Глава 1
Сталинское наследство

Власть портит даже самых лучших людей. Вот почему мы ненавидим всякую власть человека над человеком и стараемся всеми силами… положить ей конец.

П. А. Кропоткин

Предполагаемый наследник

В наиболее популярном массовом журнале «Огонек» в 1952 году было опубликовано немало портретов, занимающих целую полосу. Среди них преобладали передовики промышленности и сельского хозяйства, а также Ленин, Сталин (в форме генералиссимуса и только со Звездой Героя Социалистического труда). А еще — фотография Георгия Максимилиановича Маленкова, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Вряд ли можно было сомневаться, что именно этого человека следует считать не только заместителем главы правительства, но и его преемником. Маленкову исполнилось лишь 50 лет; он был наиболее молодым членом Политбюро. Еще сравнительно недавно он пребывал в опале, а потому его быстрое возвышение выглядело особенно впечатляюще.

Нам еще предстоит подробно ознакомиться с жизнью и деятельностью Георгия Максимилиановича. А пока ограничимся самыми общими характеристиками.

Итальянский историк Джузеппе Боффа представил его так: «Он был энергичным организатором, обладал живым, но холодным умом; это не был человек сильной воли, способный наличную храбрость. В качестве секретаря партии он в разное время осуществлял верховный надзор за рядом важных секторов экономической и политической жизни, но никогда на нем не лежала прямая ответственность за работу какого-либо оперативного подразделения (руководство республикой, министерством, военным соединением). Его стартовой площадкой явилось в свое время управление отделом кадров Центрального Комитета, в обязанности которого входил тщательный отбор людей для всех других руководящих должностей. Это был отдел, работу которого Сталин контролировал с особой подозрительностью и вниманием. Таким образом, из всех сталинских руководителей Маленков был тем человеком, который наиболее тесно сотрудничал с вождем, ближе всех к нему находился, скрываясь в тени его величия».

Упрек за отсутствие опыта руководством каким-либо оперативным подразделением можно было бы с не меньшим основанием адресовать Сталину. А ведь его никто, кроме не слишком умных и слишком лживых врагов, не упрекал в бездарности. Все, кто так или иначе был приближен к нему, обязательно занимались конкретной государственной деятельностью.

Маленкову, в частности, пришлось нести ответственность за конкретные ошибки в авиационной промышленности. И хотя он не был министром, однако курировал эту отрасль и ракетостроение. Боффа не учел существование системы по меньшей мере тройного контроля над работой наиболее ответственных министерств. Помимо непосредственного руководителя назначался куратор со стороны ЦК партии; кроме того, Сталин старался сам вникать в наиболее важные проблемы отрасли. При необходимости, он устраивал коллективные обсуждения, приглашая ведущих специалистов, а порой и рядовых исполнителей.

Интересные свидетельства о работе Отдела руководящих партийных работников (ведомство Маленкова) приводит П. А. Судоплатов. В конце 1940-х годов он познакомился с заместителем заведующего этим отделом Анной Цукановой. По ее словам, «линия товарища Сталина и его соратника Маленкова заключается в постоянных перемещениях партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, чтобы не привыкали к власти».

Объяснение выглядит слишком наивным. Что значит «не привыкать к власти»? Разве этих деятелей переводили на «низовую» работу? Лишали руководящего поста? Выводили из рядов номенклатуры?

Нет. Речь идет о перемещениях, скажем так, по «горизонтали власти», на прежнем уровне, но только в новой обстановке, в другом коллективе. Сама по себе такая перетасовка вредит делу: только лишь человек освоился на новом месте, познакомился с подчиненными, сумел вникнуть в текущие проблемы и наметить перспективы, как его перебрасывают на другое место. Зачем?! Ведь он сохраняет свои должностные позиции!

Можно, конечно, и тут сослаться на бредовые подозрения параноика-вождя и безропотное повиновение его «безвольного» соратника Маленкова. Но такое объяснение удовлетворит разве только тех, кто не имеет понятия о правилах подбора и расстановки кадров. А уж Сталин таким искусством владел в совершенстве. Его «назначенцы» работали с полной отдачей и, как показывает опыт военных побед и трудовых успехов, хорошо, а то и отлично. (Первые серьезнейшие сбои начались в период хрущевского правления, а завершились катастрофами при Горбачеве и Ельцине.)

Кадровая политика Сталина в общем себя оправдывала. Но почему же тогда те же самые номенклатурные работники без Сталина и Маленкова резко переменились? И зачем все-таки

нужны были постоянные перестановки кадров, похожие на тасование одной и той же колоды карт?

Это может быть связано с желанием проверить возможности работника на той или иной должности. Однако наиболее разумное объяснение мне представляется другим: так осуществлялась профилактика коррупции или, как еще называли, местничества.

Для того чтобы установились сколько-нибудь надежные коррупционные связи, требуется достаточно продолжительное время. А искушение установить такие связи — немалое. Да и складываются они исподволь, как бы сами собой. Ты кому-то помог, тебе отплатили тем же; подружились, а то и породнились семьями; получил ценные подарки; обнаружил возможности иметь дополнительные доходы…

Итак, сделаем вывод, о котором почему-то не догадался Судоплатов: периодическая ротация кадров препятствовала налаживанию коррупционных связей. Лучше предупредить преступление, чем его расследовать и наказывать виновных. При Сталине наказание за подобные преступления были суровыми, хотя и не всегда неотвратимыми. Порой кое-кому некоторые злоупотребления прощались.

«Сильное впечатление на меня произвели слова Анны, — вспоминал Судоплатов, — о том, что ЦК не всегда принимает меры по фактам взяточничества, «разложения» и т. п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников. Если же они причислялись к соперникам, то этот компромат сразу же использовался для их увольнения или репрессий».

Замечу, кстати, что какое-то странное объяснение дает Судоплатов этим откровениям Цукановой. Мол, «оба мы имели доступ к секретным материалам, так что могли свободно обсуждать нашу работу». Не думаю, что все так просто.

Кто-то может назвать подобные беседы обычной болтовней или простой любознательностью. Трудно в это поверить. Кадровые вопросы затрагивали интересы и самого Судоплатова, и его начальника Берии, а также знакомых, друзей. Интересная деталь: сначала с Цукановой познакомилась его жена. Каким образом? Почему? Или даже — зачем? Вряд ли случайно.

Что касается наказаний для провинившихся «номенклатурщиков», то и тут не все так просто и ясно, как представил Судоплатов. Во-первых, хотелось бы знать, кто мог быть соперниками Сталина и Маленкова? Вроде бы таковых в природе не существовало. Во-вторых, никогда и нигде не бывало,

чтобы наказывали всех без разбору. В-третьих, и это самое главное: почему-то уважаемый генерал КГБ не обратил внимания на то, что уже при Сталине среди номенклатуры распространены были взятки, злоупотребление властью, моральное разложение.

Возможно, тогда коррупция существовала, можно сказать, в зародыше. Но Маленков, которому приходилось внимательно просматривать личные дела номенклатурных работников, не сомневался, что в дальнейшем этот зародыш может превратиться в чудовищного монстра. Как мы потом убедимся, он даже попытался бороться с этой напастью.

Так мы коснулись одной очень важной темы. О ней позже придется поговорить серьезнее. А пока примем к сведению: в середине XX века в нашей стране борьба с коррупцией стала одним из важнейших направлений кадровой политики. Значит, это явление принимало угрожающие масштабы.

Итак, сделаем вывод и повторим: Сталин не мог доверить руководство державой, созданию и укреплению которой посвятил всю свою жизнь, случайному человеку, способному лишь ему угождать и его восхвалять. Не был же вождь до такой степени туп и бездарен.

Рой Медведев со своей позиции антисоветчика утверждает, будто Маленков был, как бы выразился бессмертный Паниковский, жалкой, ничтожной личностью. Мол, «Сталин плохо переносил присутствие возле себя истинно талантливых людей».

Немецкий автор Георг Бартоли в книге «Когда Сталин умер» высказал другое мнение о способностях Маленкова: «Он умен и осторожен, как дикий кот. Один французский политик, который встречался с Маленковым в период его подъема, говорил мне: «Он напоминает мне юного Лаваля». Подобно последнему он соединял в себе острый ум с величайшей осмотрительностью. Джилас, который его раньше встречал, выразился о нем в таком смысле: «Он производит впечатление скрытного, осторожного и болезненного человека, но под складками жирной кожи, казалось бы, должен жить совсем другой человек, живой и умный человек с умными, проницательными черными глазами».

Вот ведь как получается. Неглупый и весьма осведомленный югославский бывший крупный партийный работник, а затем антисоветчик и приверженец буржуазной демократии Милован Джилас упорно называет Маленкова умным, исходя из личных наблюдений при непосредственном общении, наш историк утверждает нечто прямо противоположное, опираясь на зыбкое основание своих общих соображений и политических пристрастий. Кому доверять?

Повторю: не следует тем, кто выступает в роли историков,

брать на себя роль судей. Не их дело — осуждать. Надо стараться осмыслить исторический процесс. К сожалению, с главной задачей историософии — познанием исторического процесса — подобные историки, журналисты, писатели, политики не в силах справиться. Обсуждаются в основном перипетии борьбы отдельных личностей или групп, находящихся в верхних этажах власти, словно все остальные факторы второстепенны. Выносятся оценки государственным деятелям с противоположных позиций: или пропагандиста буржуазной демократии и капитализма, или сторонника народной демократии, социалистической системы.

В результате возникают безумные контрасты. Одни клеймят Сталина и его соратников как закоренелых преступников, необразованных и неумных людей. По мнению других, эти люди обладали незаурядными личными качествами, а их вождь был поистине гениальным руководителем государства.

Некоторым кажется, будто надо ориентироваться на «золотую середину». Однако в подобных сложных вопросах среднеарифметический подход недопустим. Гёте мудро заметил: «Говорят, что посредине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема». Именно ее требуется обозначить и исследовать, не увлекаясь примитивными поисками усредненных вариантов, которые способны удовлетворить лишь посредственные умы.

Великое наследство

Во втором томе книги «Россия. Век XX» В. В. Кожинов писал: «Едва ли будет преувеличением сказать, что один из самых *загадочных* периодов (или, пожалуй, самый загадочный) — *послевоенный* (1946–1953). Казалось бы, явления и события этого сравнительно недавнего времени не должны быть столь мало известными и понятными. Ведь согласно переписи населения 1989 года, — когда началась «гласность», — в стране имелось около 25 млн людей, которые к концу войны были уже взрослыми и могли свидетельствовать о том, что происходило в послевоенные годы. Однако сколько-нибудь определенные представления о том, что совершалось тогда в стране, начинают понемногу складываться лишь в самое последнее время — с середины 1990-х, то есть через полвека после Победы…»

Полностью соглашаясь с Вадимом Валерьяновичем, приходится признать: вся история России прошлого века ныне представляется как сплошной клубок тайн и загадок. Происходит это по нескольким причинам. Одни — субъективные — связаны с разнообразием высказываемых нередко противоположных мнений почти по всем проблемам данного периода. Многие историки вольно или невольно, по заказу «свыше» или по своей инициативе подбирают факты выборочно и выстраивают свои концепции, подчас нелепые, пошлые, фальшивые, но на поверхностный взгляд обоснованные.

К сожалению, именно такие, «исторические поделки» получают массовое распространение, звучат по радио и ТВ. Для серьезных, честных и умных исследователей типа В. В. Кожинова в этой системе информирования места нет.

Но есть и объективные трудности познания новейшей истории. Многие важные документы остаются в секретных архивах; немало выпущено фальшивок и подделок. Например, В. Е. Семичастный, назначенный в 1961 году председателем КГБ, позже свидетельствовал, что к его приходу «многие документы уже были уничтожены или подчищены, вытравлен текст. Это мне сказали и показали архивисты».

Более существенно, когда свидетельства очевидцев и собственные впечатления искажают, в ущерб правде. Ведь переход от частных, даже весьма важных событий к обобщениям не так прост, как нам кажется. Трудно отрешиться от своих эмоций, переживаний, личного опыта. Поэтому осмыслить исторические события сравнительно недавнего прошлого не так просто, как кажется на первый взгляд. Тут основой упор приходится делать

на статистические материалы, а исходить из общих соображений, касающихся развития технической цивилизации в ее глобальных и локальных проявлениях.

Одно из наиболее широко распространенных мнений высказал французский советолог (антисоветских убеждений) Н. Верт. По его словам: «Политическая жизнь СССР в послевоенные годы была отмечена не только идеологическим ужесточением контроля над обществом, но также…»

Прервем цитату. Автор, возможно бессознательно, вводит читателя в заблуждение. Не поясняет, в чем о суть такого контроля, почему и с какими целями он осуществлен. Нетрудно признать, что любое государство как система, стремящаяся к самосохранению, осуществляет достаточно жесткий идеологический контроль над обществом. В условиях спокойствия и благоденствия он может быть ослаблен. Однако в любой крупной державе он при малейшей угрозе усиливается. Достаточно обратить внимание на поведение правителей США после крупного теракта в сентябре 2004 года. Это же не была угроза уничтожения страны, тем не менее тотчас полицейский режим в стране усилился до небывалых для мирного времени размеров.

Итак, вопрос не в том, что идеологический контроль существует, а в том, ради чего он осуществляется и в чем выражается. В прерванной цитате Верт связывает его с «политическим принуждением (прежде всего в отношении ключевого вопроса обновления и ротации партийных кадров) 30-х гг.». О каком политическом принуждении идет речь? Если заставляли партийные кадры поддерживать существовавшую государственную систему, то в этом не было никакой необходимости. По крайней мере, формально все партийные работники клялись строить социализм и коммунизм. А вот другого рода принуждение действительно было актуально, играя решающую роль: максимальное ограничение коррупционных связей, борьба с казнокрадством.

Верт с подозрительной наивностью «вворачивает» в свой учебник истории все идеологические штампы антисоветских политологов о состоянии руководства СССР в послевоенный период. В частности, ссылается на некоторые свидетельства Хрущева, которого не раз уличали во лжи и клевете серьезные и честные исследователи (сошлюсь хотя бы на В. В. Кожинова и С. Г. Кара-Мурзу). Французский советолог говорит об ультранационализме и шпиономании Сталина, якобы заставлявшего «старых членов партийного руководства… по любому поводу пить ночи напролет до полного изнеможения».

Если бы СССР был построен на основах анархии, то безумие вождя и беспробудное пьянство высшего руководства ни на чем, кроме их здоровья, не сказывались (кстати, почти все эти люди прожили более 80, а то и 90 лет). Но ведь страна, как утверждают те же антисоветчики, была централизована до предела, едва ли не до идиотизма. Как же она могла существовать при такой бездарной, изнемогающей от пьянства центральной власти?! Впрочем, тот же Н. Верт пишет о том, что Маленков получал ответственные назначения «благодаря своим бесспорным организаторским способностям»…

Наконец, еще одно высказывание того же автора. Ссылаюсь на него не потому, что он авторитетен, а по причине широкой популярности его «Истории Советского государства». Итак, по его словам: «Смерть Сталина произошла в то время, когда созданная в 30-е гг. политическая и экономическая система, исчерпав возможности своего развития, породила серьезные экономические трудности, социально-политическую напряженность в обществе».

Вот, значит, какое тяжелейшее наследие вынужден был принять его преемник. Да тут впору любому благоразумному человеку отказаться от сомнительной чести возглавить страну, пребывающую в тяжелейшем положении. Правда, никаких подтверждений своему диагнозу состояния советского общества Н. Верт не приводит. И правильно делает.

По личному опыту и статистическим данным могу свидетельствовать: либо он лжет, либо серьезно заблуждается. Общественно-политическая и государственная система, созданная Сталиным, доказала свою необычайную, можно даже сказать, невиданную в истории прочность прежде всего в период Великой Отечественной войны. Такое испытание не выдержала ни одна развитая капиталистическая держава.

Не менее показательно и даже удивительно послевоенное возрождение нашей страны, которая, вдобавок ко всему, оказывала помощь многим дружественным государствам. Уже одно это неопровержимо доказывает необоснованность и ложность выводов, сделанных Н. Вертом и теми, кто разделяет и тиражирует данное мнение.

После смерти Сталина его общественная система, которую усиленно расшатывали внутренние и внешние враги, просуществовала 35 лет. Погубили ее именно те, кого он считал опаснейшими и ловко замаскированными врагами народовластия.

Послевоенная ситуация для нашей страны чрезвычайно осложнялась враждебной политикой Соединенных Штатов, которые были готовы сбросить атомные бомбы на крупнейшие

города СССР. Вскоре после окончания Второй мировой войны в Объединенном комитете начальников штабов США такая чудовищная акция предполагалась «не только в случае предстоящего советского нападения, но и тогда, когда уровень промышленного и научного развития страны противника даст возможность напасть на США либо защищаться от нашего нападения». Для этих целей они имели в 1948 году 56, а в 1950-м — 298 бомб.

Подумать только: подвергнуть страну атомной бомбардировке только потому, что возрос ее промышленный и научный потенциал, да еще прежде, чем она сможет предотвратить такой удар! Советское правительство вынуждено было затрачивать колоссальные средства, чтобы создать в противовес американцам атомную и водородную бомбы, а также межконтинентальные ракеты. А ведь если США обогатились за счет войны, то нам приходилось восстанавливать разрушенное.

На Западе ссылались на то, что коммунистическая идеология мечтает о мировой революции. Хотя в действительности поборником мирового революционного пожара был Троцкий, тогда как Сталин взял курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. Он был искренним сторонником мира и сделал так, чтобы в странах Восточной Европы «существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу». Так он писал, подчеркивая, что в этом нет ничего удивительного: страна должна «обезопасить себя на будущее время».

Даже ставший недругом Сталина Милован Джилас свидетельствовал, что Иосиф Виссарионович был убежденным противником развязывания какой-либо войны. В феврале 1948 года на обсуждении в Москве текста югославско-болгарского договора Сталин резко выступил против обязанности сторон «поддерживать всякую инициативу, направленную… против всех очагов агрессии». Он возразил: «Нет, это превентивная война — самый обыкновенный комсомольский выпад! Крикливая фраза».

Авторитет СССР и его вождя во всем мире, а особенно в развивающихся странах был необычайно высок. Ни одно государство и ни один лидер не имели тогда столько сторонников.

Но, может быть, ситуация внутри нашей страны к концу сталинского правления стала критической?

Сразу после войны в Советском Союзе начался голод. Его связывают с небывалой засухой. Но все-таки более всего сказалась на этом послевоенная разруха. Ведь по западным регионам, где жило около 40 % населения, прокатилось два огненных вала войны. Миллионы голов скота были угнаны в Германию,

обширные сельскохозяйственные угодья были заброшены… Тем не менее затем год от года благосостояние советских людей улучшалось.

Нередко пишут и говорят, будто война выкосила у нас целые поколения. Это ложь. Если не считать угнанных на Запад, на войне погибло менее пяти миллионов молодых людей.

Наиболее общие показатели жизни народа — демографические. Прежде всего смертность и естественный прирост. Сейчас можно услышать, будто в царской России народу русскому жилось прекрасно, а в сталинском СССР — ужасно. В действительности было иначе.

В 1913 году смертность в России составляла 30,3 человека на 1 тыс. при естественном приросте 16,8. В 1950 году эти показатели составили соответственно 9,7 и 17,0. Можно возразить: зато рождаемость снизилась с 47,0 до 26,7. Но это показывает лишь то, что в царское время была высока детская смертность. Надо еще учесть, что низкая смертность в нашей стране по сравнению с дореволюционным прошлым наблюдалась всего лишь через 5 лет после страшной войны!

Сошлюсь на высказывание историка и социолога С. Г. Кара-Мурзы:

«Война усилила т. н. «морально-политическое единство» советского общества (*тоталитаризм*), символом которого продолжал быть культ личности И. В. Сталина. Поскольку речь идет именно о *культе*, то есть явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала XXI века столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление реально существовало полвека назад и оказывало огромное влияние на деятельность государства и бытие народа. К тому же похоже, что «количество культа» есть в каждом поколении величина постоянная (например, в 40-е годы никто не верил астрологам и доллару).

Как бы в вознаграждение за перегрузки двух десятилетий, государство постоянно, хотя и скромно, улучшало благосостояние населения. Это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел втрое, а мясо — в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: *уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться.*

Условием для этого было усиление финансовой системы государства в тесной связи с планированием. Для сохранения

этой системы СССР пошел на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 г. вообще вышел из долларовой зоны, переведя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, рубль был неконвертируемым, что позволяло поддерживать очень низкие внутренние цены и не допускать инфляции».

С. Г. Кара-Мурза справедливо отмечает, что основная тяжесть послевоенного восстановления и развития народного хозяйства легла на плечи сельских жителей. (По этой причине Г. М. Маленков, придя к власти, постарался облегчить жизнь крестьян, о чем у нас еще будет идти речь.) И все-таки, несмотря на огромное напряжение и материальные лишения, наш народ за считанные годы вновь воссоздал великую сверхдержаву. Как мы уже говорили, смертность продолжала снижаться. По сравнению с 1940 годом — почти в два раза, а с 1913-м — более чем втрое!

Итак, Сталин оставлял в наследство своему преемнику могучую державу, находившуюся на подъеме. Только за такое наследство имело смысл сражаться. Но — не только за него. Кое у кого это была борьба за место под солнцем, а то и за жизнь. Многих тысяч из тех, кто занимал более или менее важные должности в партийных, государственных и хозяйственных органах, беспокоил вопрос: какая часть из этого наследства — в виде материальных ценностей — достанется (или не достанется) ему, его семье.

О том, насколько был высок потенциал социалистической системы в то время, свидетельствует несколько весомых фактов. В нашей стране была запущена первая в мире атомная электростанция. Мы первыми создали водородную бомбу (именно бомбу, а не наземное взрывное устройство). Наконец, успешно осуществлялась наша космическая программа, в результате которой первым на околоземную орбиту был выведен советский искусственный спутник, а первым человеком, побывавшим в космосе, стал гражданин Советского Союза Юрий Гагарин. Само слово «спутник» (его первым в смысле искусственного подобия Луны использовал Ф. М. Достоевский) стало международным.

Кстати, можно услышать, будто в нашей стране была запрещена кибернетика. Это чепуха. Без использования информационных систем и кибернетических машин было бы невозможно проводить космические полеты. Ведь не на счетах и логарифмических линейках вычисляют орбиты ракет. Другое дело, — некоторые философские рассуждения западных кибернетиков, например Норберта Винера (между прочим, некоторые свои идеи он, не делая ссылок, позаимствовал у

Александра Богданова). Они действительно вызывали немало вопросов и были далеко не безупречны. В частности, они грешили в немалой степени политизацией, восхвалением буржуазной и критикой народной демократии.

Итак, Сталин оставил после себя не только мощную, но и уверенную в своих силах, развивающуюся державу. Никаких кризисных явлений в экономике не было и в ближайшем будущем не предвиделось.

Личное и общественное

Историки, политологи, журналисты и писатели, анализируя борьбу за власть, обычно уподобляются более или менее опытным шахматистам, оценивающим сложившуюся на доске позицию. Вот тут король, тут ферзь, а затем и менее крупные фигуры. Число их весьма ограниченно. Они-то и представляют главный интерес.

Скажем, на тот период, который мы рассматриваем, учитываются положение и действия Маленкова, Берии, Молотова, Булганина, Хрущева, а также нескольких высокопоставленных лиц, которым они покровительствовали. Все прочие — многие тысячи! — представители партийной и государственной номенклатуры остаются вне внимания, как некая серая инертная масса. А уж о народе и вовсе речи нет.

Это совершенно недопустимое упрощение. Современные аналитики, зацикленные на представлении о чудовищной централизации власти в СССР и демоническом господстве Сталина, отрешаются от реальности. Ни при какой диктатуре нечто подобное невозможно в принципе.

Как может руководить, да еще чрезвычайно успешно, огромной державой группа бездарных и трусливых граждан, похожих на шайку уголовников, сплотившихся вокруг своего атамана, к тому же психически больного? Каким же чудом тогда удалось возродить страну после страшной разрухи, создать вторую в мире по мощи сверхдержаву, победить в самой жестокой и разрушительной войне в истории человечества, а затем в считанные годы восстановить разрушенные войной города и села, фабрики и заводы?! Ничего подобного никогда не удавалось сделать ни одному государству в мире, ни одному народу. Значит, СССР, советский народ и руководители страны заслуживают самых высоких похвал.

Плохо осведомленные аналитики ссылаются на успехи США. Мол, они тоже развивались, и по многим показателям (но только не по темпам роста) превосходили СССР. Средний уровень жизни населения там был существенно выше, чем в Советском Союзе (если не учитывать большое число деклассированных элементов).

Так-то оно так, да ведь известно, что Соединенные Штаты в XX веке разбогатели и окрепли за счет экономической эксплуатации других стран, а главное — благодаря двум мировым войнам.

Вдумайтесь. Не вопреки, а благодаря мировым войнам! Больше всех пострадала Россия — СССР. Даже Германия понесла значительно меньший ущерб, потому что фашисты убивали и

вывозили в рабство мирное население, грабили, разрушали города и села на оккупированной территории…

Нет, не по темноте и невежеству советский народ воздавал должное Сталину, славил его (порой чрезмерно, но тут нередко усердствовали его скрытые враги, как он признавался немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру). Для народа Сталин давно уже превратился в символ своей — народной! — власти. Считалось, и справедливо, что он не только руководит страной, но и опекает свой народ, оберегая, избавляя от внешних и внутренних врагов. Отсюда и популярность клейма «враг народа» (другой вопрос, всегда ли оно применялось оправданно).

Было Отечество, был и Отец. Ничего дурного или постыдного в этом нет. Таков извечный принцип народного единства и патриотизма. Подобная персонификация власти нравилась, безусловно, далеко не всем. Она возмущала прежде всего тех, кто сам претендовал на власть, а также многих интеллигентов. (Должен признаться, что и меня, воспитанного — благодаря русской литературе — в духе анархии, свободолюбия, культ вождя коробил, хотя и не возмущал.)

Теперь представим положение тех государственных деятелей, которым суждено было продолжать руководить страной после смерти Сталина. Они не имели такого авторитета в народе, как он. А приходилось брать на себя ответственность за все происходящее. Конечно, можно было, по примеру Сталина, декларировать как продолжателя дела своего великого предшественника. Но это не избавляло от внутренних разногласий. Каких?

Если бы противоречия существовали только между несколькими лидерами, то никаких острых и тем более кровавых конфликтов не могло быть. Всегда можно принять компромиссные решения, согласиться с мнением большинства, в крайнем случае, уйти в отставку. Разве были у тех лиц, кто тогда находился на вершине власти, такие неистово сильные и принципиальные теоретические убеждения, за которые стоило пожертвовать жизнью? Таких убеждений у них не было.

Полагаю, вообще вряд ли кто-либо, находясь в здравом уме, отдаст жизнь за какую-либо теорию. (В связи с этим стоит напомнить судьбу Джордано Бруно, якобы казненного за то, что он не пожелал отказаться от теории Коперника. Но в действительности коперникианцем Бруно не был. Он верил в существование множества обитаемых миров; в то, что центр мира везде, а окружность нигде. Так считал, в частности, епископ Николай Кузанский. Бруно предлагали покаяться и отказаться от своих трудов, убеждений, не сводимых к астрономическим

концепциям.)

Итак, у «наследников Сталина», продолжателей его дела не могло быть непримиримых теоретических разногласий. Если и были какие-то споры, то они не затрагивали чувства собственного достоинства, не касались конкретных личностей, а относились к поиску путей развития державы, то есть к вопросам дискуссионным, отчасти даже футурологическим.

Однако есть один аспект теории государственного устройства, который имеет непосредственное отношение к судьбам и благосостоянию многих тысяч или даже сотен тысяч людей, занимающих более или менее крупные государственные, хозяйственные, партийные должности. О том, что в данном случае речь идет именно о кровных интересах, свидетельствуют реалии последних двух десятилетий, когда у нас восторжествовала буржуазная идеология (принцип: обогащайтесь кто как может!) и сложились капиталистические отношения, неизбежно сопряженные с коррупцией. Сразу же начались массовые «отстрелы», связанные с дележом национальных богатств.

Следовательно, дело не в том, кому принадлежит власть как способ управления, а в том, кому и как она, эта власть, предоставляет возможности для нетрудового обогащения. И это понимал Сталин. Он на собственном примере, отчасти даже, пожалуй, назидательно демонстрировал свое неприятие богатства и роскоши. И это определялось не только его коммунистическими убеждениями и привычками, но также государственными интересами.

Сталин хорошо знал труды теоретиков анархизма, а потому вряд ли не отметил мысль, высказанную М. А. Бакуниным в связи с разложением российской аристократии: «Героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, разврат и бессилие».

Запомним эти слова. И учтем, что Сталин не только теоретически, но и наделе убеждался, что привилегии номенклатурных работников создают условия для злоупотребления властью и стремления к обогащению максимальному, сверх всякой меры. Не он один это понимал. В частности, Фейхтвангер отмечал (в книге «Москва, 1937»), что в среде советских граждан «развивается известное мелкобуржуазное мышление, весьма отличное от пролетарского героизма». Сталин читал эту книгу и, безусловно, обратил

внимание на это предупреждение.

Как видим, Маленкову было доверено серьезнейшее, ответственное дело: подбор высших партийных и государственных кадров, а также их проверка и ротация с целью профилактики коррупции. Стало быть, в его честности и добросовестности Сталин не сомневался. И для этого имелись веские основания: ведь поведение каждого крупного руководителя контролировали не только органы внутренних дел, партийные организации, но и личная разведка вождя. Кроме того, в те времена очень внимательно относились к «сигналам прессы» и к письмам трудящихся, вскрывающим недостатки советской власти на местах.

Позже, когда власть в стране безраздельно перешла к номенклатуре, было распространено мнение, будто при сталинизме все только и делали, что строчили доносы друг на друга, в результате чего создавалась обстановка политического террора и необоснованных репрессий. Однако опубликованы достоверные сведения, показывающие, что число репрессированных граждан по политическим мотивам было сравнительно невелико, не более трети всех осужденных (в 1937 г. — 12,8 %, а в 1938–18,6 %). То есть речь идет о 100–150 тыс. человек. Массовым политическим террором для страны с населением в 150 млн человек это считать никак нельзя.

Коррупция как духовная коррозия способна в считанные десятилетия разрушить общественные устои. Но такое возможно лишь в том случае, если для нее существуют благоприятные условия. При сталинизме их не было: слишком суровая грозила кара. В особой опасности находились работники высших этажей власти. За ними шел постоянный контроль. Провинившихся не всегда карали. Однако на них заводили дело, и при повторном нарушении они рисковали головой.

Сейчас, имея опыт социалистического строительства и капиталистической деградации в России, любой, кто не утерял ум, честь и совесть, мог убедиться, насколько опасной была коррупционная зараза в нашем государстве. Как только с ней перестали бороться (это произошло после свержения Маленкова), участь СССР была решена.

Сталинская система

Вспомните детское английское стихотворение «Дом, который построил Джек». В нем постепенно складывается все более сложная система взаимосвязей, приковывающих, присоединяющих к этому «объекту» все больше и больше действующих лиц, расширяющих связанное с ним пространство.

Примерно так выстраивается любая общественная структура. Вдобавок ко всему приходится учитывать и историческую цепочку, ибо любое государство, даже возникшее в муках революционного переворота, сохраняет генетические связи с предшествующим строем.

В нашей стране после победы большевиков была попытка установить совершенно новую общественную систему. Как обычно бывает в таких случаях, началось с переименований организаций, государственных учреждений, городов и сел, даже наречения детей невиданными доселе именами.

Но в период экономического кризиса пришлось сделать уступки в пользу капиталистических отношений (под вывеской «новой экономической политики» осуществили частичный возврат к прошлому). Во время Великой Отечественной войны Сталин ввел старые военные звания и погоны; наркоматы получили название министерств. Даже неистовый воинствующий атеизм был осужден (до хрущевского времени), а православие получило, в сущности, право гражданства.

Вновь и вновь приходится повторять: необычайные, невиданные в истории достоинства созданной Сталиным социалистической системы были неопровержимо доказаны в период Великой Отечественной войны и последующего восстановления страны. Такова правда истории, которую упорно извращают враги нашей отчизны.

Предположим, войну можно считать экстремальным событием, заставившим народ подняться на борьбу с врагом. Но ведь защищали советские люди вполне конкретную общественную систему. А шла страна к победе под руководством вождя. Все остальные лидеры, даже непомерно прославляемый Г. К. Жуков, имели по сравнению с ним даже не второстепенное, а третьестепенное значение, хотя и их вклад был велик. Заметим, что некоторые антисоветчики упрекают победителей: мол, способствовали укреплению «тоталитарного режима» и культа Сталина.

Ну хорошо, лозунг «Отечество, в опасности!» сплотил народ, вдохновил на подвиги. А что произошло затем? Об этом хулители

системы стыдливо умалчивают. Надо хотя бы попытаться представить себе, в каком состоянии находилась послевоенная Россия (СССР). Вот некоторые цифры.

За пять военных лет население страны сократилось с 196,8 до 162,4 млн человек (почти на 18 %); осталось 2,5 млн инвалидов войны. Погибло преимущественно мирное население. Было разрушено 6 млн зданий (вдумайтесь в эту цифру!), 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень. Без крова осталось 25 млн человек. Немцы уничтожили или забрали в Германию 7 млн лошадей и 17 млн голов крупного рогатого скота.

Помимо всего прочего, надо было в кратчайшие сроки перевести промышленность на выпуск мирной продукции. За первую послевоенную пятилетку было восстановлено и построено 6,2 тыс. крупных промышленных предприятий.

Уже в 1948 году был превзойден в промышленности уровень производства 1939 года, а к 1952 году он возрос вдвое!

Наибольшие лишения пришлось испытать крестьянам. А ведь сельское население резко сократилось: со 131 млн в 1940 году до 98 млн в 1946-м. Говорят, именно их эксплуатировали больше всех. Отчасти это верно. Хотя и рабочим приходилось несладко. Говорят, при Хрущеве стало жить легче. Хотя именно он, а вовсе не Сталин, старался, можно сказать, придавить крестьян к земле и сделать бесправными.

В июле 1948 года Н. С. Хрущев написал Сталину о необходимости окончательной коллективизации: «Наиболее радикальным путем, на мой взгляд, является проведение полного и единовременного обобществления крупного рогатого скота с компенсацией колхозникам за проданный на фермы скот. При этом надо отказаться от помощи колхозникам в ликвидации бескоровности и принимать меры к удовлетворению их потребности в продуктах животноводства через колхозные фермы». Вдобавок: «сократить размеры приусадебных участков колхозников» и «повысить установленный уровень трудодней».

Как видим, «наш дорогой Никита Сергеевич» оставался на позициях троцкизма и архиреволюционности. Правда, Сталин счел эти бредовые предложения излишком усердными при недостатке ума (позже, придя к власти, Хрущев постарался отчасти реализовать свои планы, чем заслужил ненависть крестьян).

Говорят, после такой инициативы Хрущева Сталин на одном из заседаний подошел к нему, погладил по плешивой голове и пошутил: «Наш маленький Карл Маркс». Можно предположить, что Никита Сергеевич при этом стыдливо улыбался, поклявшись в душе отомстить вождю. В феврале 1952 года Сталин писал о

«горе-марксистах», которые «думают, что следовало бы… пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществить их средства производства… Этот бессмысленный и преступный путь… подорвал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата». В данном случае речь шла о ленинских идеях, но в аспекте актуальных современных проблем.

Как видим, Иосиф Виссарионович сознавал, в каких невыносимых условиях вынуждены трудиться сельские жители, и не желал усугублять их трудности для наибольшего удовлетворения потребностей горожан.

А вот по мнению Н. Верта (и не только его), Сталин был занят лишь интригами, пребывая в паранойе: «Изолировавшись из-за своей подозрительности от всех, избегая церемоний и приемов, зная о жизни страны только по разукрашенным картинкам официальных докладов, стареющий Сталин проводил теперь большую часть времени на своей даче в Кунцево…» Тут верна только последняя часть тирады. Церемоний и приемов Сталин избегал всю жизнь. А вот каких-либо «разукрашенных картинок» (нелепое выражение) в официальных докладах он не терпел и карал за них сурово.

Сталинская общественная система вряд ли укреплялась только под воздействием его воли и какого-то таинственного конструкторского гения. На мой взгляд, он действовал как реалист и прагматик, а не как революционный романтик, обуреваемый бредовыми идеями о скороспелом построении идеального общества. Он весьма основательно изучал социально-экономические теории. Но это вряд ли заставило его довериться этим знаниям. Тот, кто занят практической деятельностью, быстро понимает, насколько она далека от теоретических концепций. Не случайно же их существует множество, тогда как реальность единственна и неповторима.

Сталин полагался в первую очередь на действительность. Управление обществом в чем-то подобно попытке управлять природной стихией. Тут главная задача — избежать опасности, не идти стихии наперекор, осмысливать или частично даже ощущать ее поведение. Как говаривал английский философ Френсис Бэкон: «Природа побеждается только подчинением ей». Вот и Сталин старался предлагать и осуществлять действия, соответствующие естественному процессу общественного развития. В противном случае под его «волюнтаристским» руководством страна бы развалилась в считанные годы (что и случилось после того, как ее стали «перестраивать» деятели горбачевско-ельцинского призыва).

Можно возразить: а разве другие лидеры государств, диктаторы не старались обдуманно или интуитивно действовать таким же образом? Кто кроме «твердокаменных революционеров» стремится переиначить мир радикально? Ведь существуют принципиальные консерваторы, сторонники медленных эволюционных изменений. Они стараются поддерживать существующий порядок и улучшать его по мере надобности. Чем отличался от них Сталин, которого если и можно считать консерватором, то лишь с серьезными оговорками?

А тем, что создавал общественную систему небывалого типа, возникшую не стихийно, а в результате насильственных мероприятий по определенным теоретическим схемам, главным образом Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Но умозрительная концепция конечно же не могла отвечать реалиям конкретной страны в конкретной исторической обстановке. Это вынужден был признать уже Ленин. Он предложил некоторые свои теоретические идеи, дополняющие марксизм, но и ему не удалось — что вполне естественно — предвидеть дальнейшее развитие событий и предложить единственно верный план строительства нового общества.

Нередко не слишком компетентные авторы иронизируют по поводу того, что Сталин в конце жизни написал две теоретические работы: «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». (Признаюсь, я тоже тогда, по молодости лет, недоумевал: зачем пожилой и загруженный текущей работой государственный деятель занимается совершенно необязательным для него теоретизированием.) Однако известный физик, будущий Нобелевский лауреат Петр Капица счел нужным написать Сталину: «Вы так четко и убедительно выделяете и устанавливаете законы природы, которые лежат в основе функционирования нашей социалистической структуры общества, что даже неспециалисту они интересны и понятны». И посетовал на то, что так поздно марксисты занялись такими разработками.

Надо лишь уточнить: Иосиф Виссарионович категорически отрицал возможность «устанавливать законы природы», хотя бы даже в сфере общественных отношений. По его словам: «Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить». При этом он исходил из общего положения: «Люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление,

обратить разрушительные силы природы на пользу общества».

Ясно, что не для самоутверждения писал он эти работы, не ради славы (ему вообще честолюбие было чуждо, как всякому человеку дела). Он пытался поделиться своим опытом с преемниками. И у него действительно было, чем поделиться.

Хотелось бы предложить вам, читатель, представить себя на месте руководителя такой сверхдержавы, какой был СССР, в страшнейшие годы войны и послевоенного возрождения народного хозяйства. Если Сталин смог создать, отстоять и возродить за кратчайшие сроки страну, то одно уже это бесспорно свидетельствует о великом государственном уме и гигантской работоспособности. Власть была для него не льготой или выгодой, не возможностью красоваться на массовых мероприятиях и дипломатических приемах, а чудовищным грузом ответственности.

Могли он доверить свой пост посредственности, способной лишь услужливо поддакивать Хозяину? Неужели его можно было легко обмануть с помощью лести и угодничества?

Вновь вспомним утверждения некоторых антисоветских публицистов, будто Иосиф Виссарионович не мог терпеть возле себя честных талантливых людей. Что же получается? Сплошной набор глупцов, бездарностей и параноиков, а страна крепнет, возрождается после разрухи, становится сверхдержавой, побеждает фашистов…

Что касается Сталина, то ему собственная жизнь была дорога лишь при условии исполнения его главной цели: построение социализма в России и путь к коммунизму. Он понимал, что после его смерти подлецы и бездари могут погубить созданную его трудами державу. Он не был подобен Людовику XV, изрекшему: «После нас хоть потоп». (Есть мнение, что высказывание принадлежит его фаворитке маркизе Помпадур, но это дела не меняет.)

Сталину было необходимо передать страну в надежные руки. Но проблема заключалась не столько в личных качествах его преемников, сколько в объективных социальных и психологических факторах.

И все-таки, отдавая должное мощным общественным движениям, определяющим ход истории, приходится иметь в виду и проявление личных качеств тех или иных государственных и общественных деятелей. Тем более что в наше время слишком часто крушение сталинской системы связывают с недостатками ума и характера конкретного человека.

Подобное суждение, каким бы нелепым оно ни казалось, обрело широкую популярность. Такого же уровня штамп, будто

большевики победили во время Октябрьского переворота и в Гражданской войне потому, что на немецкие деньги в пломбированном вагоне приехал в Россию Ленин, поднялся на броневик и произнес: «Революция свершилась!»

Такую пошлейшую «философию истории» вколачивают в головы миллионов обывателей, преимущественно из числа интеллектуалов. Радио и телевидение — мощнейшие средства оболванивания масс.

Однако нельзя и напрочь отрицать роль личности в истории. Она наиболее ярко проявляется во времена бурных общественных процессов.

Искусство управлять

Когда в 1924 году умер Ленин, определилось два претендента на роль вождя: Сталин и Троцкий. В таком порядке назвал их сам Владимир Ильич в своем письме XII съезду партии. Первому он отдавал предпочтение, однако оговаривался: «груб с товарищами». Предлагал поискать кого-нибудь с достоинствами Сталина, но без этого недостатка. Сам, однако, такого человека не назвал и на примете не имел.

Сейчас некоторые «властители дум» договариваются до того, что если бы к власти пришел Троцкий, в России наступили бы прекрасные времена подлинной демократии. Ссылаются на какие-то необычайные таланты Льва Давидовича. Хотя в действительности под его руководством страна и русский народ в считанные годы потерпели бы полный крах. Ведь он призывал к мировой революции. В этом всемирном пожаре русскому народу была определена роль основного «горючего материала», средства для достижения Троцким и тем, кто стоял за ним, мирового господства.

Так что вопрос был не столько в личных достоинствах и недостатках определенного руководителя, а в их программах, намеченных ими генеральных линиях развития общества. Сталин ориентировался на строительство социализма в одной стране. Вдобавок, по деловым качествам, а не по ораторским способностям, он явно превосходил Троцкого.

Не случайно, а вполне закономерно и продуманно делегаты следующего съезда партии, которых ознакомили с «политическим завещанием» Ленина, оставили Сталина на посту Генерального секретаря партии. Решение было совершенно верным. Анализируя последующие события, можно лишь удивляться столь верному выбору. Партия и страна были спасены от раскола и развала. Открылся путь к созданию великой державы.

Для наших целей наиболее целесообразно обратиться к свидетельству людей, непосредственно знавших Сталина, общавшихся с ним. Но тут убеждаешься, что никаких сложностей не возникает. Сталкиваешься с удивительным единодушием.

Практически все свидетельства (за исключением М. Джиласа, который резко переменил свое мнение с изменением политической конъюнктуры) говорят в пользу Сталина. При этом можно сослаться на врагов народной демократии (типа Черчилля), выдающихся полководцев, инженеров, писателей, мыслителей. Но я хочу напомнить высказывания И. А. Бенедиктова, который с 1938 по 1958 год занимал руководящие

посты в наркомате и министерстве сельского хозяйства СССР (обширные интервью с ним опубликовал журналист В. Литов). Ведь эта отрасль народного хозяйства у нас была одной из наиболее проблематичной, трудной.

По словам Бенедиктова, именно благодаря сталинской системе к концу 50-х годов «Советский Союз был самой динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлениям научно-технического прогресса вырвавшейся вперед… Ошибаются те, кто думает, что мы добились всего этого за счет экстенсивных, количественных факторов. В 30-е, 40-е, да и 50-е годы упор, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, делался не на количество, а на качество; ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и снижение себестоимости продукции».

Кто-то предположит, что таково мнение «сталинского кадра», не желающего признавать недостатки системы, в которой он работал. Но, внимательно ознакомившись с его суждениями, нетрудно заметить: рассуждает умный, честный и компетентный человек, которых в нынешнем руководстве страны нет. А его «путь наверх» был так своеобразен, что заслуживает подробного рассказа. Этот яркий пример показывает, в частности, атмосферу 1937 года, когда Сталин перешел к жестокой «чистке» партийного и государственного аппарата от троцкистов и прочих оппортунистов.

Тогда Бенедиктов занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Его неожиданно вызвали в НКВД. Там следователь, вежливо поздоровавшись, спросил его мнение о двух его друзьях и сотрудниках.

— Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, товарищу Сталину коммунисты.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно, ручаюсь за них так же, как и за себя.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, — протянул ему следователь несколько листков бумаги.

Это было заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.» Там перечислялись ошибки в руководстве отраслью, которые квалифицировались как подрывная деятельность по заданию германской разведки (Бенедиктову приходилось закупать там технику), а также отдельные предосудительные высказывания в узком кругу. Подписали донос трое. Один — известный в наркомате кляузник

(позже он был осужден за клевету и, по-видимому, выставлял себя жертвой сталинских репрессий). А двое других — те самые его друзья, о которых он только что отозвался как о людях честных, идейных.

— Что вы можете сказать по поводу этого заявления? — спросил следователь.

Бенедиктов признался, что факты верны, но это были его ошибки, а не вредительство. А от своей характеристики двух «подписантов» он не отказался. На что следователь ответил:

— Это хорошо, что вы не топите своих друзей. Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о вас — они неплохие… А вот о ваших друзьях, «честных коммунистах», отзываются плохо… Понимаю, вам сейчас сложно, но отчаиваться не надо — к определенному выводу мы пока не пришли.

На том и расстались. Дома Иван Александрович понял, что его мнимые друзья, неплохие специалисты, завидовали его более высокой должности. Но от этого было не легче. Ведь расследуется его дело как врага народа!

Через день его пригласили в Центральный комитет партии. Он пришел с небольшим узелком, где лежали вещички на случай ареста. Думал: сначала исключат из партии, а потом — под суд.

Оказалось, началось заседание, где обсуждались, в частности, проблемы сельского хозяйства. Присутствовал Сталин. Обескураженный Бенедиктов не слышал ничего, ожидая разноса. Наконец, его фамилию назвал Сталин.

— Бюрократизм в наркомате не уменьшается, — медленно и веско сказал он. — Все мы уважаем наркома… старого большевика, ветерана, но с бюрократией он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Когда все стали расходиться, к Бенедиктову подошел Ворошилов:

— Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин.

В просторной комнате сидели члены Политбюро.

— Вот и наш нарком, — сказал Сталин. — Ну, как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин… Во-первых, я слишком молод. Во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро… Опыт и знания — дело наживное, была бы охота

учиться, а у вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь, шишек мы вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный…

И тогда Бенедиктов рассказал про вызов в НКВД. Тот нахмурился, помолчал и сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

Действительно, разобрались. По мнению Бенедиктова, ему повезло, что его дело взял под личный контроль Сталин, который всегда исходил из интересов дела и считал, «что даже с врагами народа надо бороться на почве законности, не сходя с нее», а потому в Политбюро слыл либералом.

Правда, можно возразить: разве не Сталин создавал в стране обстановку доносительства, поисков врагов народа? Разве не было это одним из чудовищных проявлений его системы?

На это Бенедиктов отвечал: «Репрессии 30-х и отчасти 40-х годов вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротивлением явных и особенно скрытых врагов Советской власти… В середине 30-х годов я лично был свидетелем случаев сознательного вредительства в химической и кожевенной промышленности. Да и в Наркомате совхозов РСФСР, Наркомате земледелия СССР, где мне довелось работать, некоторые специалисты из числа дореволюционных интеллигентов не упускали случая подставить нам подножку… Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе».

Большинство недовольных остерегались выступать открыто. Но когда обстановка изменилась, они проявили свои антисоветские убеждения в полную силу.

Бенедиктов привел убедительные примеры кадровой политики тех времен, когда выдвигались наиболее деятельные и талантливые люди, а не серые службисты, приспособленцы, умело угождающие начальству, как началось с хрущевских времен. Упадок нашей страны он объяснял отсутствием «порядка и должной организации дела, когда нет подлинно большевистской системы выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей».

Его возмущали «фальшивые фразы, услышанные от озлобленных, сбитых с толку, потерявших способность здраво рассуждать людей», будто при Сталине был уничтожен «цвет нации».

«Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, — говорил Бенедиктов, — видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выходы из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и страны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны».

По его словам: «Потому и шли вперед, потому и преодолели испытания, которые не выдержала бы ни одна страна в мире, что удалось раскрепостить, выдвинуть на первый план все талантливое, смелое, творческое и честное в нашем народе… Что бы ни говорили о том времени, его атмосферу, его настрой определяли не страх, репрессии и террор, а мощная волна революционного энтузиазма народных масс, впервые за много веков почувствовавших себя хозяевами жизни, искренне гордившихся своей страной, своей партией, глубоко веривших своим руководителям».

Безусловно, террор был. Вопрос лишь в том, против кого он был направлен. Как справедливо сказал Бенедиктов: «В партийном аппарате, органах НКВД были как затаившиеся враги Советской власти, так и разного рода карьеристы, честолюбцы и проходимцы. Исходя из своекорыстных личных интересов, они зачисляли в разряд «врагов народа» честных и талантливых людей… Трагизм обстановки состоял в том, что очищать, укреплять страну приходилось с помощью засоренного аппарата как партийного, так и НКВД, другого просто не было. Поэтому за одной волной чистки следовала другая — уже против тех, кто допустил беззакония и злоупотребления должностью. Кстати, в процентном отношении больше всего, пожалуй, пострадали органы госбезопасности. Их «вычищали» регулярно и радикально… Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период хрущевской «оттепели» на волю, стали громче других трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!»

И вот, казалось бы, странное или даже чудовищное, диаметрально противоположное общепринятому, мнение о сталинском терроре: «Теперь о мерах по недопущению репрессий. Они были приняты XVIII съездом ВКП(б) в 1939 году. Съезд отменил практиковавшиеся до того регулярные массовые чистки партии. Лично я считаю, что это было ошибочное решение. Обеспокоенный ущербом, нанесенным партии массовыми репрессиями, Сталин ударился в другую крайность и явно

поторопился. Ленин был куда ближе к истине, когда подчеркивал, что правящая партия должна постоянно чистить себя от «шкурников» и «примазавшихся». Забвение этого завета обошлось и обходится нам страшно дорого. Правда, это стало очевидным лишь сейчас — тогда я не сомневался в правильности принятого решения».

Да, много из того, что прежде могло раздражать или возмущать, что казалось ошибками Сталина и созданной им системы, со временем приходится обдумывать заново. Для правящей партии в мирное спокойное время наступает пора самых тяжелых испытаний. К ней примазываются пройдохи, карьеристы, бездари. И здесь многое зависит от руководителя.

«Именно Хрущев, — утверждал Бенедиктов, — начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял…

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолюбливал малодушных, угодливых…

Приходилось, правда, довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глубоко и всесторонне обдумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь «самому», наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия».

Такой была обстановка на вершине власти в СССР во время сталинского руководства.

Тому, кто никак не способен отрешиться от внедренных в сознание антисоветских стереотипов, остается посоветовать обратиться к неопровержимым фактам. Сталинское умение управлять партией и государством доказало свою эффективность и в мирное, и в военное время.

Сейчас принято сваливать все недостатки СССР на Сталина и созданную им партийно-государственную систему. Но, может быть, следует, хотя бы ради исторической справедливости, обратить внимание прежде всего на достоинства? Не потому ли наша страна потерпела сокрушительные поражения, когда отрешилась именно от всего наилучшего, что было достигнуто в сталинскую эпоху?

Хотелось бы выяснить, как и почему так произошло. Необходимо извлекать пользу из уроков истории. А для этого наилучший материал предоставляет недолгий, но чрезвычайно важный «переходный» период, когда верховная власть в стране перешла от Сталина к Хрущеву. А между ними было время правления Маленкова.

Зачем бороться за власть?

Что происходило с 1952 по 1955 год в руководстве СССР? Главнейшие события: XIX съезд ВКП(б), возвышение Г. М. Маленкова, смерть Сталина, борьба за власть отдельных групп и личностей, поражение Маленкова и победа Хрущева.

А теперь — простой вопрос, который почему-то обсуждается редко и вяло: чем объяснить жесточайшую борьбу за власть в тот период? А ведь она стоила жизни немалому числу людей, сокрушила отдельные судьбы. Но ради чего? Чем уж так привлекательна эта самая власть в конкретных условиях конкретной страны?

Расхищать и присваивать национальные богатства в тех условиях было трудно и опасно: существовал достаточно строгий партийный, общественный и государственный контроль над их использованием. Коррупция если и существовала, то в ничтожных масштабах (по нынешним меркам), а видимая разница между богатыми и бедными была невелика.

Современный гражданин буржуазно-демократической России скорее всего ответит: они дрались прежде всего за привилегии и всяческие блага, положенные высшей номенклатуре. К тому же среди них, мол, были честолюбцы, которых привлекала роль вождя народов и связанные с ней непомерные восхваления, а то и поклонение масс.

Действительно, как показали последующие события, Н. С. Хрущев упивался властью со всей страстью (чем способствовал своему свержению). Но в период, о котором идет речь, ни он, ни кто-либо другой не имели ни малейших оснований претендовать на тот авторитет, который приобрел Сталин за долгие годы управления страной. Во всяком случае, ни Маленков, ни Берия не отличались болезненным честолюбием. Оно характерно для тех, в ком развит комплекс неполноценности и затаенных обид. Подобному деятелю приходится ради карьеры унижаться, лицемерить, играть роль простачка, в душе накапливая злобу. Так было с Хрущевым. Но это лишь частный случай, только и всего.

О привилегиях партийно-государственной номенклатуры в сталинское время могу с полной определенностью рассказать, ссылаясь на свой опыт. После Великой Отечественной войны я, школьник из подмосковного Монино, приезжая в столицу, заглядывал в гости (подгадывая на обед) в семью Н. М. Шверника, старого знакомого моего отца. Николай Михайлович занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Принимали они (жена Мария Федоровна и дочь Людмила) меня,

как родного, непременно угощали.

Жили они в доме на Берсеневской набережной. Его называли Домом правительства. Там обитали многие высшие номенклатурные работники страны. Во двор вход был свободным. В подъезде сидела консьержка. Ей надо было сказать, к кому идешь. Она справлялась по телефону и пропускала. На этаже дежурили двое в штатском. Квартира «президента страны» (если говорить по-нынешнему) состояла из трех просторных комнат. Убранство простое, без особых украшений. Помню, с большим удовольствием ел куриный бульон с пирожками, глодал куриную ножку, заедая картошкой, пил компот.

Конечно, мы ели скромнее (время было голодное), а жили втроем в небольшой комнатке (в нашей тесноватой четырехкомнатной коммуналке размещалось три семьи, всего — 9 человек). Однако я прекрасно понимал, что по своему положению в обществе Николай Михайлович по праву занимает хорошую квартиру и питается лучше нас.

Вот какие привилегии были у тех, кто стоял на высших ступенях власти в Советском Союзе. В те времена у немалого числа крупных ученых, военачальников или руководителей среднего звена бытовые условия были не хуже, а то и лучше, чем у Шверников. Кстати замечу: его жена оказывала помощь детским домам (в прессе об этом не писали), а дочь работала инженером-радиотехником, а позже налаживала в нашей стране цветное телевидение.

Итак, борьба за власть не определялась ни материальными интересами, ни честолюбивыми устремлениями отдельных личностей. Существовали отдельные группировки партийных и хозяйственных руководителей, связанных или многолетней дружбой, или землячеством, или родственными отношениями. Но и тут вроде бы делить было нечего. Любая крупная должность была сопряжена с большой ответственностью и необходимостью работать по меньшей мере 10–12 часов в сутки. Даже ночные застолья у Сталина были, в сущности, почти всегда неформальными деловыми собраниями.

Чем же тогда можно объяснить борьбу за власть? Разве Маленкова, Берию и Хрущева (главных «фигурантов») не устраивало их положение на верхних ступенях партийно-государственной иерархии? Разве им было невдомек, что они лишь купались в отражении его света, подобно планетам Солнечной системы?

При жизни вождя им был смысл «проталкиваться» поближе к нему. Но после его смерти простое и разумное решение — объединиться, разделить полномочия и установить коллективное

управление страной. Неужели они этого не понимали? Зачем им было сражаться порой не на жизнь, а на смерть за высший пост?

Кстати, именно Маленков в 1952 году стал наиболее приближенным к Сталину членом правительства. И он же после смерти вождя отказался от высокой партийной должности, оставив себе лишь пост Председателя Совета Министров. Казалось бы, очевидный шаг к разделу власти. Маленков сделал его первым… и последним. Почему остальные не пошли аналогичным путем?

Существовал вполне реальный триумвират: Маленков — Берия — Хрущев. Он олицетворял единство государственного, карательного и партийного аппаратов. Можно было бы соорудить более сложную структуру типа пятиконечной звезды, добавив еще Молотова (внешняя политика) и Булганина или Жукова (вооруженные силы), а Ворошилова определить Председателем Верховного Совета СССР. Тогда объединились бы старая «сталинская гвардия» и новые выдвиженцы.

На XIX съезде ВКП(б) Сталин сделал попытку снять с себя излишний груз властных полномочий и установить нечто подобное коллегиальному руководству страной. Некоторые современные «аналитики» склонны расценивать это как чрезвычайно коварный ход диктатора, пожелавшего узнать, кто претендует на его место, чтобы уничтожить такого смельчака.

В книге бывшего и весьма осведомленного помощника Берии генерал-лейтенанта КГБ П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль» высказана подобная версия о поведении Сталина в послевоенные годы. «Этот старый, больной человек с прогрессирующей паранойей (! — *Р. Б.),* но до своего последнего дня он оставался всесильным правителем.

Он дважды открыто заявлял о своем желании уйти на покой, первый раз после празднования Победы в Кремле в 1945-м и еще раз на Пленуме Центрального комитета в октябре 1952-го, но это были всего лишь уловки, чтобы выявить расстановку сил в своем окружении и разжечь соперничество внутри Политбюро».

Трудно поверить, что эти суждения принадлежат такому многоопытному разведчику, проницательному человеку, как П. А. Судоплатов. То ли на него подействовало сложившееся в период горбачевской перестройки общественное мнение, голи сказался его преклонный возраст. Пожалуй, наиболее правдоподобно, что его воспоминания «подредактировали» некоторые заинтересованные лица.

Как можно, не являясь ни психиатром, ни лечащим врачом Сталина уверенно ставить ему диагноз «прогрессирующая паранойя»?! Сам Судоплатов в ходе своей книги опровергает

опрометчивый диагноз. С его слов возникает образ умного, рассудительного, компетентного, очень сдержанного человека с отличной памятью и «железной» логикой (это мнение разделяли все, кто общался с Иосифом Виссарионовичем). А ведь обсуждались непростые вопросы внешней разведки, которыми Сталин занимался в ряду множества других, порой значительно более сложных проблем.

К чему были «всесильному правителю» жалкие уловки, имеющие целью «разжечь соперничество внутри Политбюро»? Разве только из-за паранойи, каких-то бредовых идей, не поддающихся нормальной логике. Любой, даже самый заурядный правитель (прежде таких было мало, а ныне — в избытке) заинтересован в спокойном и сплоченном окружении. Разжигать междоусобицу может только или умственно неполноценный (а такие не пробиваются к вершинам власти), или неуверенный в своих способностях руководитель, желающий избавиться от конкурентов. Но ведь и сам Судоплатов признает, что таковых у Сталина не было.

Вывод, как мне представляется, простой и наиболее убедительный: вождь действительно слишком устал от чудовищных перегрузок военных лет. Будет ли заниматься мелкими интригами человек, находящийся на вершине мировой славы? Подобные желания приписывают ему те, кто именно так действовал бы из карьерных соображений. У Сталина таких соображений быть не могло.

Следует признать нелепой и лживой версию о болезненном коварстве вождя, боявшегося потерять власть. В то время она принадлежала ему бесспорно, не давая ничего, кроме постоянных забот и громадной ответственности. У него не было конкурентов, кто мог бы претендовать хотя бы на часть его славы.

Порой в связи с этим упоминают Г. К. Жукова. Мол, его лавры победоносного полководца не давали Сталину покоя. Полная чепуха! Еще одна явная ложь врагов Сталина и СССР.

Кто выдвинул Жукова на руководящие должности? Кто поручил именно ему возглавить штурм Берлина, когда были и другие не менее достойные кандидаты? Кто назначил Жукова нашим представителем, принявшим безоговорочную капитуляцию Германии?

Никто, оставаясь в здравом уме и твердой памяти, при жизни генералиссимуса и руководителя страны Сталина не считал Г. М. Жукова «маршалом Победы». Маршалов Победы было немало, еще больше — генералов и офицеров, и несравненно больше солдат и работников тыла. Победил советский народ во главе со своим вождем. Такова правда.

Отношение Сталина к Жукову резко изменилось после того, как стало известно о значительных богатствах, вывезенных маршалом из Германии… Было, пожалуй, еще одно обстоятельство, на которое никто не обратил внимания.

Дело в том, что Иосиф Виссарионович безусловно подумывал о своем уходе или на заслуженный отдых, да и мысли о бренности земной жизни посещают каждого человека. Смерти он не боялся, а вот заботы о преемнике и о будущем страны у него были немалые. Он отдавал преимущество молодым партийным работникам типа Маленкова. Но существовала опасность прихода к власти представителя военной элиты. Наиболее подходил на эту роль Г. К. Жуков.

В СССР после войны сохранялся мощный военно-промышленный комплекс и был высок авторитет Советской армии, ее маршалов. Поэтому власть после смерти Сталина (а то и при его жизни) вполне могла перейти к военным.

Может показаться, а что в этом плохого? Разве военные не могут установить порядок? Это же образованные, опытные люди, а не полуграмотные солдафоны. Они бы не стали претендовать на руководство всеми министерствами. На таких постах остались бы компетентные специалисты. А вот сильная армия нам была необходима и после войны.

Однако в действительности не все так просто. Беда не в том, что возникло бы нечто подобное военной диктатуре. Наше общество и без того было достаточно военизированно. И нельзя было усомниться в организаторских способностях и патриотических чувствах советских военачальников. Однако вне зависимости от их желания СССР тогда превратился бы в милитаристское государство. Чрезмерное усиление военно-промышленного комплекса грозило бы соответствующими изменениями и в политике.

Под руководством Сталина Советский Союз не только на словах, но и наделе проводил политику укрепления мира во всем мире. Без него, под руководством, предположим, маршала Жукова (а у него, по-видимому, были претензии на верховную власть), наша страна воспринималась бы на Западе — по крайней мере об этом позаботились журналисты — как новая фашистская империя.

При жизни Сталина об этом никто не мог всерьез говорить. Он в глазах мировой общественности был победителем фашизма. После него, как мы уже убедились, советскую систему на Западе действительно стали позиционировать как «закрытое общество фашистского типа», а советских людей, освободивших ценой огромных жертв Европу от фашизма, называют теперь

оккупантами.

Каждый, кто мало-мальски знаком с отечественным и мировым общественным мнением в послевоенное время, должен знать или помнить, каким авторитетом пользовался Сталин. Это признавали все, даже давний враг советской власти Уинстон Черчилль. Придется снова повторить: никто из руководителей СССР, какую бы должность он ни занимал, при жизни Сталина не мог никоим образом затмить его. Так что нет никаких оснований предполагать, будто он опасался какого-то конкурента.

Предложу астрономическое сравнение. Когда говорят о солнечном затмении, это вовсе не означает, будто светило померкло. Оно остается все тем же, хотя для землян (точнее, некоторой их части) его прикрывает Луна. Но даже такого частичного «затмения» культа Сталина не могло быть. Какой бы пост ни занимал Иосиф Виссарионович, прижизненная слава ему была обеспечена. Понижение его в официальной должности могло бы бросить тень на других руководителей государства, но только не на него.

Сошлюсь на мнение писатели-эмигранта Марка Алданова (Ландау). Он был откровенным врагом советской власти, не теряя разума и проницательности. В частности, он предвидел приход Гитлера к власти, не отказывая ему в уме и политической дальновидности. Вот как описывал он свои впечатления от увиденного в Париже документального кино.

«На площадке Мавзолея, — писал он, — стеснившись вокруг Сталина, стоят сановники. Красная площадь залита народом. Картина получается символическая: скала на море. Вдруг буря? Что останется на скале?

Быть может, поэтому они все так льнут к Сталину, так раболепствуют, так унижаются перед ним… Нет, тут не только боязнь репрессий. Тут психология людей, ждущих бури на окруженной морем скале. Какие уж внутренние ссоры! У кого воля и нервы крепче, тому и подчиняются беспрекословно остальные. А этот человек, повторяю, природный атаман. Все они его ненавидят, но чувствуют: если он не спасет, то уж другой не спасет никто».

Не со всеми суждениями Алданова можно согласиться. Скажем, немногие из соратников раболепствовали и унижались перед Сталиным, а тем более ненавидели его. Но общее впечатление от увиденного верное (он комментировал фильм о параде и демонстрации на Красной площади в 1933 г.). Неистовая буря Отечественной войны с полной очевидностью доказала это. Правда, геббельсовская пропаганда утверждала, будто Сталин в первые дни после вторжения вермахта находился в полной

прострации (эту ложь повторил Хрущев в своих «воспоминаниях» о том, чего не было). Но в действительности во многом именно благодаря сталинской воле нашей стране тогда удалось остановить и разгромить врага…

Но что могло произойти после его смерти? Сам он предполагал, что для страны настанет нелегкое время и вряд ли какой-то один деятель сможет нести, как он, бремя власти. Оставалось надеяться, что это будет под силу обновленному правительству и Политбюро, ЦК КПСС.

Почему же очевидное стремление Маленкова к коллегиальному руководству страной после смерти Сталина не нашло поддержки? Казалось бы, это была возможность «мирного сосуществования» на верхней ступени власти. Но вскоре последовали арест и убийство Берии, затем — смещение Маленкова. Триумфатор «подковерной борьбы» Хрущев, правда, продержался 10 лет, но и он был свергнут. Кому и зачем потребовалось обострять ситуацию? Неужели нельзя было обойтись без этого?

Безусловно, ни Маленков, ни Берия, ни Молотов, да и никто другой не могли претендовать на место вождя. О Хрущеве и говорить нечего: его популярность в народе и партии была невелика (пропорционально его заслугам). Можно вообразить его честолюбивым злодеем, готовым рваться к вершине власти, шагая по трупам. Да, он был чрезвычайно жесток и коварен. Но вряд ли его можно считать зловещей фигурой, достойной трагедии Шекспира…

Вопросов возникает немало, они взаимосвязаны и образуют запутанный клубок. Его нам предстоит распутать. Не могу гарантировать единственно верного решения столь сложной головоломки. Перед нами, как говорят математики, уравнение со многими неизвестными. Не будем торопиться. В подобных случаях почти неизбежна подгонка под заведомо желаемый или предполагаемый ответ.

Проще всего опуститься на обыденный уровень, утверждая, что определенными людьми овладевает демон властолюбия. Он-то и превращает их в маньяков, обуреваемых манией величия. Ну а всякая мания, как известно, не подчиняется нормальной логике.

На мой взгляд, подобное суждение — либо заблуждение наивного ума, либо примитивная ложь, как водится в наше время, рассчитанная на далекую от здравого смысла публику. Не надо быть опытным психологом, чтобы понять: люди, многие годы находящиеся на высоких постах в государстве и партии, меньше всего похожи на маньяков. Они привыкают сдерживать свои чувства, продумывать свои и чужие действия. Некоторые из них

упиваются властью, но тайно.

Вспомним, что даже свержение Хрущева прошло практически бескровно. После него сменились Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин — тоже более или менее естественным образом. (Только смерть Андропова вызывает определенные сомнения, да и то не в аспекте борьбы за личное господство.) Почему-то кровавая схватка за власть произошла только после смерти Сталина. Да и сама эта смерть весьма похожа на насильственную.

Итак, остается предположить, что противоречия на верхней ступени советской власти в 1952–1955 годах имели какую-то принципиальную идеологическую основу. Возможно, были и какие-то другие не менее веские причины, вынудившие некоторых участников схватки желать смерти своим конкурентам. Все это мы постараемся выяснить. Но, конечно, не сразу. Немало серьезных (не говоря уж о легкомысленных или нечестных) исследователей старались распутывать узел проблем, возникших в середине XX века в СССР. Постараемся учесть их выводы, вырабатывая собственное мнение.

Вновь повторю: после смерти Сталина никто не мог предположить, что вскоре на его место (а по сумме должностей — даже на более высокое!) поднимется ничем особо не примечательный партийный функционер Н. С. Хрущев. Какие социальные катаклизмы и столкновения в борьбе за власть неожиданно вознесли его так высоко? В ту пору все понимали, что после ухода вождя оправданно только коллективное руководство страной. Однако вышло иначе, и это стало началом заката так и недостроенного социализма в СССР.

В нашем исследовании мы не станем исходить из каких-либо предвзятых или необоснованных мнений. Есть немало любителей объяснять происходившее происками закоренелых злодеев, заговорами международного сионизма и/или империализма, глупостями выживших из ума стариков, случайными совпадениями. Увы, подобные убогие версии находят отклик в тех или иных кругах, сказываются на общественном мнении. Отчасти такое помрачение умов происходит стихийно, а отчасти — результат целенаправленных действий определенных влиятельных групп.

По моему твердому убеждению, решающие для судеб стран и народов исторические события определяются в первую очередь объективными обстоятельствами. Так мощные ураганы или землетрясения возникают не вдруг, а в результате более или менее долгого накопления внутренней энергии соответствующих систем, где противоборствуют разнонаправленные силы. Именно их столкновение вызывает революционные изменения в природе

и обществе (да и в обыденной жизни тоже).

Исходя их этих соображений можно предположить, что воцарение Хрущева явилось результатом скрытной, но мощной революции. В СССР произошел крупнейший общественный переворот, который до сих пор остается недопонятым и недооцененным.

До правды не удалось докопаться ученым-исследователям, погрязшим в трясине противоречивых фактов. Правда была прочувствована интуицией, коллективным подсознанием народа, который воспринял уход Сталина как событие трагическое для общества, переломное в истории России.

Глава 2
Роковые противоречия

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса.
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

М. А. Волошин

Последнее выступление Сталина

Завершая помпезный XIX съезд партии, Сталин произнес небольшую речь, обращенную главным образом к представителям братских партий. Есть весьма распространенная версия, возникшая в хрущевское правление, будто это свидетельствует о плохом физическом и умственном состоянии вождя. В действительности, ничего подобного не наблюдалось.

Как вскоре выяснилось, он просто не захотел, как говорится, выносить сор из избы. Потому что вскоре на закрытом Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года последовало его принципиально важное и, как оказалось, последнее крупное его выступление.

Об этом событии следует рассказать подробно. Оно проясняет многое, происходившее в последние годы жизни Сталина, и, возможно, помогает понять причины его смерти, всего лишь через 4 месяца после этого события.

Сталин говорил около полутора часов без перерыва. Он не читал заранее написанный текст, а именно говорил, обращаясь в зал и не сбиваясь. Одно уже это убедительно свидетельствует о том, что он был здоров и, во всяком случае, никакими умственными и психическими расстройствами не страдал. Он сразу же взял деловой тон:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства…

Обратимся к воспоминаниям присутствовавшего на пленуме писателя Константина Симонова, члена ЦК партии:

«Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению…

Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается то время, когда другим придется продолжить делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Эго и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствовавших, что, в свою очередь, было связано с темою собственной старости и возможного ухода из жизни.

Говорилось все это жестко… За всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки».

Написано это было спустя 27 лет после пленума, но общее впечатление и некоторые детали писатель запомнил, по-видимому, хорошо. К сожалению, отсутствует стенограмма выступления Сталина. Сошлюсь на запись Л. Н. Ефремова, приведенную в книге В. В. Карпова «Генералиссимус». Сталин объяснил некоторые свои предложения, сказав:

— Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Говорят, для чего Мы расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед?..

(Нашлись комментаторы, излагавшие — изолгав — его слова в том духе, что коварный диктатор захотел под благовидным предлогом избавиться от конкурентов. Такова точка зрения тех, кто привык строить каверзы, лгать и клеветать ради своей карьеры или по заказу своих «спонсоров». На мой взгляд, Сталин говорил то, что хотел сказать. Он не привык унижаться, лицемерить, хитрить.)

Он постарался объяснить причины кадровых перестановок:

— Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе. Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их переводим на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей…

Однако оказалось, что дело не только в возрасте ветеранов партии. Сталин перечислил несколько серьезных ошибок Вячеслава Михайловича. На одном из дипломатических приемов Молотов дал согласие английскому послу издавать у нас буржуазные газеты и журналы. «Такой неверный шаг, если его допустить, — сказал Сталин, — будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной».

Судя по всему, вождь знал о влиянии последней на умы не столько рядовых советских граждан, сколько на тех, кто причисляет себя к элите общества. Ведь рекламируется под видом буржуазного образа жизни благосостояние наиболее обеспеченных слоев западного общества, но вовсе не того большинства, которое едва сводит концы с концами.

Оказывается, Молотов предложил сделать Крым еврейской автономией, а также делился со своей женой (еврейкой) секретной информацией. «Получается, — говорил Сталин, — будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять». Среди них были Голда Меир, сотрудник посольства США и т. п.

«При всем гневе Сталина… — вспоминал Симонов, — в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной.

В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица…»

Но самый большой удар по нервам присутствовавших был нанесен в заключение пленума. Вот как описал это К. Симонов:

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу… Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание.

И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, — а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем

присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: «Нет, просим остаться!», или что-то в этом духе, зал загудел словами: «Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!» Не берусь приводить всех слов, выкриков, которые в этот момент были, но, в общем, зал что-то понял и, может быть, в большинстве понял раньше, чем я. Мне в первую секунду показалось, что это все естественно: Сталин будет председательствовать в Политбюро, будет Председателем Совета Министров, а Генеральным секретарем ЦК будет кто-то другой, как это было при Ленине».

Тут писатель позволил себе сомнительную вольность: заговорил о мыслях малоизвестного ему человека, политика и государственного деятеля, соображения которого в тот момент могли быть совершенно иными. (Учтем, что написан этот отрывок в 1979 году, когда был осужден «культ личности Сталина» и много клеветы говорилось в его адрес.)

По мнению Симонова, Маленков «понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что эта просьба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу — как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря, потому что он стар, устал и не может нести еще эту, третью свою обязанность…

И почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

Увы, печальными бывают результаты даже искренних попыток писателей, не относящихся к числу крупных мыслителей, думать за выдающихся государственных деятелей. Как говорится, не по Сеньке шапка.

Пожалуй, Маленков, как многие другие, был обескуражен прежде всего неожиданностью предложения Сталина. Он просто не знал, что предпринять в такой экстремальной ситуации. Поэтому обратился в зал:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Последовали бурные аплодисменты. Сталин:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя

Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Встал маршал С. К. Тимошенко и пробасил:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя поддержали его слова аплодисментами. Сталин постоял, глядя в зап, потом махнул рукой и сел.

Бессилие диктатора

Принято считать, будто в последние годы жизни Сталин обладал абсолютной властью. Ничего подобного не было ни тогда, ни раньше.

Он занимал ключевые посты в партии и правительстве, участвовал в обсуждении множества вопросов, пользовался огромным авторитетом. Его основные указания и рекомендации принимались к сведению и, чаще всего, исполнялись. Его имя стало культовым. Однако система власти в огромной державе нигде и никогда не концентрируется в одной личности, пусть даже столь уважаемой, прославленной и любимой (немало было у него и ненавистников).

Есть сказка дореволюционного публициста Власа Дорошевича, где говорится о добром китайском императоре, увидевшем из окна своего дворца, что во время дождя многие бедные люди ходят без зонтиков. Он дал распоряжение, чтобы с такой несправедливостью было покончено. И пока его приказ дошел до конкретных исполнителей, они приняли простое решение: рубить головы тем, кто выйдет в дождь без зонта. Так что в другой раз, глядя из окна своего дворца, добрый император с удовлетворением отметил, что нет ни одного человека, кто бы шел под дождем без зонтика.

Увы, сказка — всего лишь отражение действительности. Верховная власть лишь отдает распоряжения, а в дальнейшем слишком многое зависит от исполнителей, везде и всегда.

Конечно, Сталин создал систему, в которой для самоуправства местных начальников оставалось слишком мало возможностей. И это многих из них раздражало. В некоторых случаях они получали возможность расправиться со своими недругами или конкурентами. Со временем у них быстро росли материальные потребности. Но в любом случае большинство из них тяготилось суровой «опекой сверху».

Что же могло подвигнуть вождя на решение снять с себя обязанность быть Генеральным секретарем КПСС и даже отойти от непосредственного руководства страной?

Наивная и неумная хитрость, которую приписал ему Симонов (возможно, с чужих слов), далека от истины. Ни наивностью, ни глупостью Сталин не страдал. Любые даже значительно менее крупные, политические деятели чего-чего, а уж таких изъянов не имеют, ибо с ними в политике делать нечего. Подобные персонажи умеют притворяться глуповатыми, но это уже совсем иное дело.

Писатель Константин Симонов цепким взглядом заметил и четко запомнил то, что происходило на судьбоносном заседании ЦК партии. Но спустя многие годы анализировал все это не слишком проницательно. Приходится учитывать и то, что его книга «Глазами человека моего поколения» была издана после смерти автора, в период горбачевской перестройки, текст подготовил к печати другой человек.

У нас теперь есть возможность осмыслить события полувековой давности на основе жизненного опыта и, отчасти, дополнительных документов. А история последних двух десятилетий неопровержимо свидетельствует: советское общество не было столь монолитным, как провозглашали наши продажные идеологи, призывавшие строить коммунизм, а мечтавшие о личном благополучии.

В советском обществе зрела духовная эпидемия, поразившая в первую очередь наиболее привилегированные и материально обеспеченные слои общества. Это понимал Сталин. Однако в нем постоянно росло чувство бессилия в борьбе с этой разъедающей нашу страну напастью.

Репрессии второй половины 1930-х годов были отчасти такой жестокой — в революционном духе — профилактикой. Уже тогда существовала опасность буржуазного переворота, поддержанного западными державами, а также всеми антисоветскими силами в стране и за рубежом. Те, кому такой вариант представляется фантастичным, либо не знают обстановки того времени, либо сознательно лгут.

Ну а как мог в 1952 году Сталин укрепить коммунистическую идеологию, доказать преимущества для народа и для государства социалистической системы в сравнении с капиталистической? Репрессиями? Бессмысленно. Никакой гласной оппозиции в стране и в партии не было. На словах все номенклатурные работники целиком и полностью поддерживали сталинскую генеральную линию.

Официальная пропаганда была в значительной степени примитивной, лицемерной, однообразной и не слишком убедительной. Многие партийные идеологи, журналисты, писатели (не говоря уже об их родных и близких) сами мечтали заполучить как можно больше именно материальных ценностей, жить как богатые буржуа или получать максимальную плату за минимальный труд.

Сознавал ли Сталин существование таких проблем? Судя по всему, сознавал. Ведь у него кроме официальных источников секретной информации была даже своя личная агентурная сеть. К нему поступали от «компетентных органов» достаточно

объективные сведения о настроениях в разных слоях общества. Он руководил страной не вслепую, не руками многочисленных помощников, составляющих для последующих руководителей страны тексты выступлений и аналитические материалы. Он всегда старался разбираться во всем самостоятельно и ответственно.

Можно предположить, что он собирался основательно заняться теоретическими работами на основе своих обширных знаний и богатейшего жизненного опыта. Не потому ли в последние два года жизни он написал «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР»? (Последняя работа была переиздана в 1992 году; редактор И. Трояновский, критикуя — не убедительно — ее содержание, счел все-таки нужным отметить: «Писал И. В. Сталин ярко и хлестко. Ума и таланта ему не занимать. И писал все сам, собственной рукой».)

Вновь и вновь повторю: сама по себе власть для Сталина была совершенно не нужна. Для него она была тяжелой обязанностью, а не приятным времяпрепровождением. Ничего, кроме забот, постоянных проблем и трудной ответственной работы, она ему не давала. У него не могло быть даже малейших опасений утратить ее. Зато были веские основания желать от нее, хотя бы частично, избавиться.

Почему он позволил себе прилюдно резко критиковать Молотова? Через несколько минут выяснилось. Ведь он заговорил о своей отставке с поста Генерального секретаря. А кто стал бы первым и, пожалуй, единственным претендентом на это место? Безусловно — Вячеслав Михайлович Молотов.

Обратим внимание на официальный отчет о первом дне XVIII съезда партии: «Семь часов вечера. Появление на трибуне товарища Сталина и его верных соратников тт. Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Берии, Кагановича, Хрущева, Андреева, Микояна, Косыгина делегаты встречают долгими аплодисментами… По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии съезд открывает вступительной речью тов. В. М. Молотов».

Было принято перечислять фамилии руководителей по их положению в партии и/или в правительстве. Как видим, первым после Сталина стоит Молотов, а Берия значительно опережает Хрущева. (Можно вспомнить, что во время войны в состав Государственного Комитета Обороны СССР входили кроме Сталина Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов.)

Можно не сомневаться, что, если бы не сокрушительная сталинская критика, Генеральным секретарем партии был бы

избран Молотов. Но когда его кандидатура отпала, члены ЦК, включая Маленкова, пришли в полное замешательство.

Кто еще мог бы возглавить партию? Берия? Это означало бы победу «ястребов» и, возможно, начало новых репрессий среди руководящих работников. Хрущев? Но его авторитет был слишком мал.

Казалось бы, Маленков мог надеяться на то, что ему предложат занять освободившийся пост. Но, как показали более поздние события, в отличие от Хрущева он не стремился стать вождем, единовластным правителем. По-видимому, он понимал (опять же, в отличие от Хрущева), что не годится для такой ответственной роли. Его вполне удовлетворяла должность Председателя Совета Министров.

Мне кажется, верную мысль высказал Юрий Мухин:

«Без Сталина на посту Генерального секретаря, без Сталина как вождя партии партноменклатура теряла ту власть, которая дает материальные выгоды». Точнее — и власть, и авторитет. Они теряли возможность использовать в личных, корпоративных и клановых интересах свое особое положение в государстве. Ведь они были представителями единственной ведущей и организующей общественной силы.

Иначе говоря, Сталин попытался существенно понизить социальный статус КПСС. Для чего? Ведь именно партия была проводником его идей.

Но ведь он и без того мог влиять на экономические, социальные, общественные процессы как руководитель государства или через Маленкова. А главное — уже не было секретом, что в партию и руководящие комсомольские органы пробираются те, кто желал бы иметь больше привилегий и меньше ответственности.

Как очистить партийные ряды от этой скверны? Единственная возможность — сделать пребывание на партийных должностях менее престижным и выгодным. Надо было сделать так, чтобы в партию вступали люди по идейным, а не карьерным соображениям.

Вот для чего требовалось снизить статус партийной номенклатуры.

О своих возражениях против Молотова как Генерального секретаря партии Сталин сказал заранее с полной определенностью и без сомнений в его личных достоинствах: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков…»

Повторюсь, враги Сталина утверждают: он сам виноват в том,

что не имел достойных наследников. Мол, не терпел возле себя умных, талантливых людей, уничтожал интеллектуальную элиту.

Это, конечно, полная чепуха. Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что при Сталине наша страна по общему уровню образования и культуры поднялась если не на первое, то на одно из первых мест в мире. Он поощрял наградами и премиями всех мало-мальски талантливых представителей науки, техники, литературы, искусства, производства и т. п.

Кто-то припомнит не без злорадства: а разве не расстреляли писателя И. Бабеля? Или не погибли в заключении замечательный поэт О. Мандельштам и выдающийся ученый Н. И. Вавилов? (Список можно продолжить.)

На первый взгляд, возразить нечем. Однако если обратиться к фактам, то картина получается непростой.

Например, Бабель был другом семьи Ежова и сотрудником НКВД, а о его конкретной вине сведения, насколько мне известно, не опубликованы. Существует версия: он пал жертвой мстительности С. М. Буденного за то, что без прикрас показал нравы в Первой конной армии. Никаких доказательств этому нет.

Осипа Мандельштама первый раз репрессировали за пасквили на Сталина в 1933 году. Понять поэта можно: его возмутили бедствия деревни (страшный голод был вызван главным образом засухой и тем, что крестьяне уничтожали собственный скот, не желая отдавать его в коллективное владение). За антисталинские и антисоветские стихи его сослали… в Воронеж. А вот когда он в 1937 году, видя, как улучшилась жизнь народа, искренне прославил Сталина в нескольких стихотворениях, то стал узником ГУЛАГ а и вскоре умер. Кто написал на него донос, кто и почему осудил, замалчивается.

А Н. И. Вавилов был едва ли не самым привилегированным ученым в мире. При Сталине он стал академиком АН СССР и АН УССР, академиком и первым президентом ВАСХНИЛ, Президентом Всесоюзного географического общества, членом ВЦИК и ЦИК СССР, директором двух всесоюзных институтов… Репрессировали его вовсе не из-за козней Т. Д. Лысенко (которого он сам предложил в академики), а из-за неосторожных высказываний во время встреч с иностранными учеными, когда он с небольшой группой сотрудников совершал кругосветное научное путешествие. Даже богатые страны не тратили денег на такие исследования! Россия тогда еще не оправилась от разрухи и голода, но Вавилову были все-таки выделены немалые валютные средства.

Общая государственная политика в СССР не на словах, а на

деле поощряла творческих и талантливых людей. (К сожалению, исключение делалось для философов и философии.) Только этим можно объяснить замечательные успехи страны во всех областях культуры. И если у Сталина не нашлось достойного преемника, то лишь потому, что не только в нашей стране, но и во всем мире не было политического и государственного деятеля его уровня.

Быть может, главный изъян созданной им и Лениным системы заключался в том, что она предполагала во главе страны выдающуюся личность, одухотворенную высокой идеей. Так обычно бывает после крупных социальных потрясений, на волне революционного подъема масс.

Противоположная ситуация — в странах буржуазной демократии. Здесь во главе государства желательно, весьма полезно и выгодно иметь именно посредственность. Такая личность отвечает уровню большинства избирателей. Она вполне управляема теми, кому реально принадлежит власть: олигархами, капиталистами. И когда подобные деятели захватили власть в СССР, он был обречен на упадок, развал и деградацию.

Сталин предвидел такую возможность. Он пытался предотвратить ее всеми доступными ему возможностями.

Кто-то скажет, не задумываясь: а почему же он тогда не настоял на своей отставке? Выходит, он сам пошел на поводу у партийной номенклатуры, авторитет и власть которой хотел резко снизить? Неужели у него не хватило воли и решимости настоять на своем? А может быть, все-таки ему в глубине души не хотелось расставаться с почетным постом?

Да в том-то и дело, что для него это был не пост, а обязанность. И не привык, не имел права — согласно партийной этике и уставу — противиться воли большинства. Не мог он пойти против тех правил, которые установил.

Надо лишь уточнить. У членов ЦК не было единого мнения в оценке ситуации. Скажем, К. Симонов и многие другие искренне верили, что только Сталин достоин высшего поста в партии. Кто-то из тех, кто привык лицемерить, могли подозревать в его поступке коварный замысел. Но из крупных руководителей большинство должно было сознавать, что Сталин замыслил урезать их права и возможности. Ведь об этом можно было догадаться по докладу Маленкова на съезде.

Сталин не мог противиться воле подавляющего большинства. Он остался на своем посту. Но те, кто понимал подтекст его заявления об отставке, должны были сделать вывод: такого строптивого вождя лучше всего видеть не на, а в Мавзолее, рядом с Лениным.

Многопартийность по Сталину

Исходя из высказанных выше соображений, нетрудно ответить на вопрос, почему Маленков не смог удержать власть.

Кому-то покажется, что Георгия Максимилиановича нельзя ни в коей мере считать талантливым и умным политическим и государственным деятелем. Ведь его сумел «обыграть» Н. С. Хрущев! Не означает ли это, что Никита Сергеевич оказался значительно умней, проницательней, дальновидней, чем Маленков? Он сумел захватить все высшие должности в государстве и партии, хотя и не пользовался особенной любовью и уважением ни в народе, ни среди руководителей партии и государства.

При Сталине Хрущев никогда и ни кем не считался его преемником. Какие же могучие силы взметнули его на вершину власти в СССР, свергнув Маленкова? Нельзя же удовлетвориться пустышкой, ничего не объясняющей: мол, не удержал рычаги управления страной в своих слабых руках…

К сожалению, история давно превратилась в идеологическую дисциплину. Здесь под видом ученых подвизаются пропагандисты и агитаторы. Они выполняют политические задания — осознанно или бессознательно. То хором восхваляют социализм и лично товарища Сталина, то, при смене хозяев, столь же усердно или даже с удвоенным рвением поносят СССР и его создателя.

Вот и теперь мне приходится вроде бы заниматься далеким от темы данной работы делом: «реабилитацией», а то и восхвалением Сталина.

Обращаю внимание на один знаменательный демографический показатель, который почему-то упускают из виду и не комментируют специалисты. Начиная с 1960 года в СССР постепенно, хотя и медленно, росла смертность вопреки обычной для всех более или менее развитых стран закономерности. Она увеличилась в период горбачевской перестройки и резко возросла в ельцинский период. Как объяснить столь удивительный феномен? Ведь за эти годы замечательных успехов добилась медицина, затраты на здравоохранение были немалыми, а для нашего народа результаты этого оказались отрицательными. А вот в сталинскую эпоху смертность в СССР неуклонно снижалась (за исключением периода Великой Отечественной войны).

В самом общем виде можно задать некрасовский вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?» Ответ: только не народным массам. А кому? Тем, кто приобрел неограниченную власть в стране и

получил доступ к ее материальным богатствам, используя их главным образом в своих целях.

Но разве у Сталина не было неограниченной власти? Можно сказать, была, но использовалась не в личных корыстных целях, а в интересах народа. При его единоличной власти, которую не зря приветствовал народ, ограничивались притязания «третьего эксплуататорского класса», которым упомянутый выше М. Джилас не вполне справедливо назвал партийную номенклатуру.

(Необходимо сделать существенную оговорку. Сами по себе крупные чиновники, номенклатурные работники, имеющие определенные льготы, в любом государстве необходимы. Вопрос лишь в том, насколько успешна их деятельность и не склонны ли они к коррупции, хищениям. Иначе говоря, что для них главное: личные интересы или общественные.)

Наследнику Сталина досталась не только могучая сверхдержава, находившаяся на подъеме, но и серьезнейшая социально-политическая проблема. Она заключалась в том, что требовалось сдерживать непомерно растущие материальные потребности этого самого «третьего класса». Как справлялся с этой непростой задачей Сталин?

По моему мнению, ему удалось создать своеобразную многопартийную систему. В буржуазных демократиях декоративно и демонстративно конкурируют политические партии. В СССР существовали, можно сказать, государственные партии «по интересам». Власть делили ВКП(б), органы госбезопасности, армия, хозяйственники, местные советы. Сталину приходилось так регулировать эти рычаги власти, чтобы ни один из них не стал главенствующим. В этом случае руководители такого ведомства обрели абсолютное господство. А это создает наилучшие условия для всепроникающей коррупции.

Когда непомерно усиливалась партийная номенклатура, происходили «чистки», осуществляемые органами безопасности. Если чрезмерно усиливались последние, претендуя на абсолютную власть, начинались репрессии в их среде. После Великой Отечественной войны необычайный авторитет приобрели высшие военачальники. Пришлось ограничивать их властные притязания. Только местные советы нигде, пожалуй, не главенствовали. В этом смысле понятие «советская власть» весьма условно отражало действительность.

Была ли абсолютная власть у Сталина? Если была, и он управлял страной только по своему разумению, своей волей, то его следовало бы считать гением из гениев, поистине сверхчеловеком, наделенным какой-то божественной или демонической силой. К такому выводу приходишь, читая

публикации тех, кто делает его ответственным то за все победы страны, то за все ее беды.

Сам он не был лишен самоиронии. Нередко говорил о себе в третьем лице, как бы отделяя свою личность от того образа, который сформировался в народе отчасти под воздействием официальной пропаганды, но главным образом как признание его заслуг в управлении страной. Любил называть себя всего лишь учеником Ленина.

Главной его задачей, как мне представляется, было следить за тем, чтобы общество не попало под власть какой-либо из «государственных партий» (будем их так называть). В этом ему в последние годы помогал Маленков. Трудно сказать, насколько ясно сознавал он принцип руководства, осуществленный Сталиным. Но в любом случае он не обладал ни таким авторитетом, ни таким опытом (не говоря уж об уме и знаниях), как Сталин.

Маленкову как наследнику вождя оставалось только одно: разделить власть с Берией (Министерство внутренних дел), Булганиным (Министерство обороны) и Секретариатом ЦК КПСС, наиболее бойким представителем которого был Хрущев. Оставалась еще ленинско-сталинская «старая гвардия»: Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян, Шверник. Но они уже не претендовали на место «рулевого», понимая, что пришла пора смены кадров. Это дал понять и Сталин, отдалив от себя даже Молотова, который долгие годы считался вторым лицом в государственной иерархии.

Казалось бы, Сталин должен был ясно понимать, что должно произойти после его ухода. И он, судя по всему, отдавал себе отчет в том, что осуществится коллегиальное руководство. Почему же он оставался чрезвычайно озабоченным? Почему не раз повторял в последние свои годы: «Пропадете вы тут без меня, как слепые котята»? И почему, в сущности, так и произошло?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к последнему при жизни Сталина XIX съезду ВКП(б).

О голубях и ястребах

Речь пойдет, как вы понимаете, не об орнитологии. Принято называть политиков, стремящихся к мирному сотрудничеству государств «голубями», а сторонников военных действий — «ястребами». Какому из этих двух направлений внешней политике отдавало предпочтение руководство страны после Великой Отечественной войны?

На этот вопрос дал ответ Маленков в своем докладе на XIX съезде партии. Он говорил: «Позиция СССР в отношении США, Англии, Франции и других буржуазных государств ясна и об этой позиции было неоднократно заявлено с нашей стороны. СССР и сейчас готов к сотрудничеству с этими государствами, имея в виду соблюдение мирных международных норм и обеспечение длительного и прочного мира… Советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны».

У кого-то может возникнуть сомнение: а не похоже ли это на громкие слова, демагогию? Ведь существовал железный занавес, опущенный… якобы СССР, а конкретнее — Сталиным. Хотя в действительности все было не так.

Вот что сказал Уинстон Черчилль в марте 1946 года, обращаясь к слушателям Вестминстерского колледжа (США), так, чтобы слышал весь мир: «От Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатике, через всю Европу опустился железный занавес». (Впервые это понятие использовала бельгийская королева Елизавета в 1914 г., затем в феврале 1945 г. — Геббельс.)

Как видим, Маленков предлагал западным политикам отказаться от железного занавеса. Но в то же время преемник Сталина понимал, что объединение Западной и Восточной Европы чрезвычайно беспокоит правительство США, взявшее курс на мировое господство под извечным лозунгом агрессоров «Разделяй и властвуй!».

«Уже сейчас, — говорил Маленков, — более трезвые и прогрессивные политики в европейских и других странах, не ослепленные антисоветской враждой, отчетливо видят, в какую бездну тащат их зарвавшиеся американские авантюристы, и начинают выступать против войны. И надо полагать, что в странах, обрекаемых на роль послушных пешек американских диктаторов, найдутся подлинно миролюбивые демократические силы, которые будут проводить свою самостоятельную, мирную

политику… Встав на этот новый путь, европейские и другие страны встретят полное понимание со стороны всех миролюбивых стран».

Нетрудно догадаться, что это был призыв к созданию своеобразной «объединенной Европы» на основах торгового, технического, экономического сотрудничества, невзирая на социально-политические различия. (Заметим, что Сталин всегда выступал за объединенную Германию.) По словам Маленкова, мирное сосуществование наиболее желательно для СССР, ибо «прекратит неслыханное расходование материальных ресурсов на вооружение и подготовку истребительной войны и даст возможность обратить их на пользу народов». И тогда можно будет сосредоточить усилия на главном направлении внутренней политики: «На основе развития всего народного хозяйства обеспечить дальнейшее неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни советских людей».

Всели руководители СССР были согласны с такими, казалось бы, очевидными положениями? Нет, не все. Были у нас не только «голуби» типа Маленкова, но и «ястребы». От имени их выступали Берия и Булганин. Можно сказать, к этому обязывало их положение. Первый курировал проекты создания атомного оружия и межконтинентальных ракет, а также органы государственной безопасности, второй был министром обороны.

По словам Берии, развязав новую войну, США «только ускорят свой крах и свою гибель». Это можно было понимать так, что победе во всем мире коммунистических идей будет способствовать вооруженное столкновение между социалистическими и капиталистическими державами.

Булганин вполне определенно заявил, что Соединенные Штаты и НАТО готовят войну против СССР. И заверил, что в результате они получат «могучий отпор всех миролюбивых народов, которые не пожалеют своих сил, чтобы навсегда покончить с капитализмом». Следовательно, нам необходимо «всемерно укреплять нашу армию, авиацию и военно-морской флот. Постоянная боевая готовность наших вооруженных сил и вооруженных сил всего демократического лагеря — самая надежная гарантия от всяких случайностей».

А на каких позициях в вопросе войны и мира стоял Сталин? Можно предположить, что он предпочитал положение «над схваткой». Отчасти это, пожалуй, было так. Но все-таки, судя по тому, что Маленков делал доклад от имени ЦК партии, Сталин поддерживал его точку зрения.

Нет сомнений, что выступления Булганина и Берии тоже были не спонтанными и не полностью самостоятельными. Однако

следует учитывать бесспорный факт: у них были вполне определенные ведомственные интересы. Они высказывали не просто личные взгляды, что в принципе невозможно, а выступали от имени множества влиятельных организаций и заинтересованных лиц, в частности генералитета.

Совершенно не соответствует фактам такая версия: мол, в Политбюро и Правительстве СССР все безропотно поддерживали любые предложения Сталина. Напротив, там шли серьезные обсуждения, сталкивались разные мнения. Он обычно выступал одним из последних, чтобы его мнение не довлело над подчиненными, подводил итоги. Как любому мало-мальски серьезному и неглупому руководителю ему было важно, чрезвычайно полезно выслушать мнения разных людей, всесторонне обсудить проблему. Он почти никогда не прерывал выступающих, не давил на них своим авторитетом, а старался доходчиво и убедительно изложить свою позицию.

После войны военное ведомство, например, обладало колоссальным влиянием. Неслучайно во главе его Сталин поставил ничем особо не примечательного Булганина, а не прославленных полководцев — Василевского, Жукова, Малиновского, Рокоссовского, Конева… Можно назвать еще десяток фамилий людей, более достойных, чем Н.А. Булганин, возглавлять вооруженные силы.

Почему же был выбран Булганин? На мой взгляд, по трем основным причинам. Во-первых, чтобы несколько понизить статус данного министерства. Во-вторых, чтобы показать Западу, а прежде всего США, что СССР не намерен готовиться к войне. В-третьих, в связи с твердым намерением Сталина проводить политику мира.

В общем, отечественные «ястребы» были, конечно, более или менее «ручными», не имевшими возможность при Сталине всерьез заявлять о своих агрессивных убеждениях. Да и вряд ли Берия или Булганин были по взглядам своим агрессорами, жаждущими войны.

Как во всех крупных странах, в Советском Союзе имели особое значение два ведомства: обороны и госбезопасности. А после войны они превратились поистине в монстров, требующих львиной доли национального бюджета (с учетом атомного и ракетного проектов). Нет никаких сомнений, что едва ли не все руководящие работники соответствующих министерств желали сохранить свое положение и укрепить подведомственные им организации, предприятия.

Были ли роли «голубей» и «ястребов» распределены искусственно, по желанию «режиссера»? Ведь ему надо было

заявить о своей мирной политике, одновременно показав противникам, что наша страна готова дать отпор любому врагу. Как показали дальнейшие события, Маленков оставался принципиальным приверженцем политики мира и сотрудничества со всеми странами, увеличения производства товаров широкого потребления. Подобно Сталину, он старался облегчить жизнь народа, измученного страшным военным и послевоенным лихолетьем.

В этом отношении противниками Маленкова выступали представители могущественных ведомств. Но все-таки это противостояние не было слишком напряженным. Значительно существенней был другой скрытый, но чрезвычайно острый конфликт, определивший в конечном итоге смещение Маленкова. Не потому, что он не смог удержать власть (ему, так же как Сталину, было чуждо маниакальное властолюбие). Все значительно серьезней и объективней: у него не оказалось надежной опоры в системе государственной и партийной власти.

Главный завет Сталина

В начале 1952 года Сталин и Маленков, судя по всему, нередко обсуждали положение в стране и партии. К сожалению, о содержании их бесед можно судить лишь приблизительно. Сталин редко стал посещать свою кремлевскую квартиру и вести «протокольные» встречи. На его кунцевской даче разговоры обычно не фиксировались и даже, по-видимому, не отмечались посетители.

Что могло беспокоить Сталина? Некоторые авторы фантазируют на тему «осень патриарха», упирая на его паническую боязнь смерти. Такое предположение совершенно безосновательно. Как революционер, да еще и террорист (в молодости), он смерти не боялся. Тут можно вполне согласиться с мнением серьезного писателя М. Алданова. Но, чувствуя ее приближение, Иосиф Виссарионович все больше беспокоился о судьбе страны.

Полагаю, именно этим объясняется его желание уйти в отставку. Тогда он получал возможность спокойно контролировать как бы со стороны, а точнее с высоты своего непререкаемого авторитета, положение в стране и в ее руководстве. Все-таки он сильно устал после чудовищного напряжения военных лет. А дело своей жизни теперь мог считать завершенным: наша держава за послевоенные годы окрепла и была окружена дружественными государствами.

Сталин не полагался только на политические или культурные связи между странами, а тем более не возлагал никаких надежд на установление оккупационного режима. Он был убежден: наиболее прочные скрепы — экономические, а также идеологические и культурные. Ими он связал все республики Советского Союза, а затем и страны народной демократии с СССР. В то же время он понимал, что есть государства, организации, социальные группы и политики, способные разрушить даже самые прочные связи, не считаясь ни с чем ради своих выгод.

На Ялтинской конференции в феврале 1943 года он сказал, обращаясь к Рузвельту и Черчиллю: «Пока мы все живы, бояться нечего. Мы недопустим опасных расхождений между нами… Но пройдет десять лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что пережили мы, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы».

Как видим, он совершенно спокойно, вполне философски относился к своей смерти и даже фактически предсказал ее с

удивительной точностью.

С подачи Хрущева принято считать, будто существовал политический кризис, с которым не мог справиться престарелый вождь. Эта легенда понадобилась Никите Сергеевичу для оправдания своих провальных мероприятий после захвата власти и последующего фиаско. (Аналогично поступили и Горбачев, и Ельцин; любому обанкротившемуся политику хочется свалить свою вину на своего предшественника.) Однако его мнение пришлось по душе многим авторам. Например, историк Д. Боффа уверенно констатировал «кризис сталинского правительства» (по-видимому, точнее сказать — сталинского правления). Хотя уже в следующем абзаце констатировал:

«После десяти лет международных испытаний, одно другого тяжелее, которые страна победно преодолела, Советский Союз постепенно окреп. Последствия войны и голода отошли в прошлое. Население увеличивалось в результате демографического подъема. Промышленность росла. Из стен высших учебных заведений выходило около 200 тыс. выпускников, в дополнение к которым подготавливалось также примерно 300 тыс. специалистов со средним техническим образованием».

Если такое состояние страны есть результат кризиса правительства, побольше бы подобных кризисов! Словно в каком-то помрачении рассудка автор ссылается на «маниакальное вырождение подозрительного характера» Сталина и «признаки неспособности осуществлять руководство». Боффа объясняет парадоксальность ситуации просто: «Все преодолевающая жизненная стойкость народа находилась в противоречии с тем свинцовым колпаком, который послевоенная сталинская политика надела на всю общественную жизнь в стране».

Вот ведь какой получается «свинцовый колпак»: под ним происходит невиданный подъем народного хозяйства, растет количество населения, улучшается его жизненный уровень и повышается культурный уровень! Если некий «колпак» был, то, выходит, он предохранял общество от всяческих бед и определял его устойчивость. На мой взгляд, под идеологическим колпаком находилось сознание Боффа, когда он писал подобные вещи.

Умилительную оговорку делает он: «Мало кто ясно осознавал это противоречие». А может быть, его и не было? Или стремились создать и усилить социальные противоречия именно те, кто желал уничтожить существующий строй и/или обрести благоприятные возможности для личного обогащения?

Именно так все и произошло, когда в конце XX века осуществилась в России — СССР вторая буржуазная и на этот раз

победоносная революция. (Возможно, ее точнее называть контрреволюцией. Во-первых, она явилась своеобразным реваншем за провал в феврале 1917 года. Во-вторых, в результате не произошел переход общества на более высокий уровень; напротив, очевидна его деградация буквально по всем параметрам — упадок социальный, научно-технический, экономический, нравственный, культурный.)

Отчасти оправдывает логические несуразицы Д. Боффа то, что его работа относится к концу 1970-х годов (миланское издание 1979 г.). Над ним довлели политические стереотипы западных идеологов. Не исключено, что он выполнял соответствующий социальный заказ. К тому же о положении в СССР он судил преимущественно по всяческим диссидентским сочинениям.

В СССР 1952 года основополагающим событием стал XIX съезд партии — последний, на котором присутствовал Сталин. Можно сказать, на этом съезде были подведены итоги сталинской эпохи и намечены перспективы на будущее. Тем не менее в изданном полумиллионным тиражом учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» (М., 1958) о нем сказано было весьма скупо и неопределенно. Даже не упомянут основной докладчик Г. М. Маленков, не сказано о присутствии на съезде Сталина.

Традиционно «наивное» объяснение этому дал Д. Боффа: «Ход работы XIX съезда, на котором партия окончательно отказалась от своего именования как партия большевиков и назвалась просто Коммунистической партией Советского Союза (КПСС), подтвердил наличие в эти годы глубокого кризиса. В СССР и правители, и управляемые в дальнейшем старались вычеркнуть его из памяти истории; в более позднее время об этом событии стремились говорить как можно меньше (стенограмма выступлений на съезде не была до сих пор опубликована)… Основным докладчиком был Маленков; это поручение, казалось, представляло собой ясное указание на возможного наследника Сталина».

Вновь ссылка на кризис без какого-либо убедительного пояснения, а вдобавок отказ обдумать странный феномен стремления власть имущих вычеркнуть данный съезд «из памяти истории». Почему?

Предположим, страна находилась в критическом положении. Но тогда для Хрущева и его сторонников имело прямой смысл раскрыть суть кризиса, который способствовал свержению сталинизма. Ведь именно это ставил себе в заслугу Хрущев.

А тут прямо противоположная стратегия умолчания и даже засекречивания.

И все-таки тот же самый Боффа вольно или невольно указал на то, каким в действительности был кризис. Был он связан не со сталинским управлением, а назревал вопреки ему. Правильней было бы говорить о существовании некоторых объективных явлений, создающих угрозу системе, созданной Сталиным. О них много говорил Маленков.

«Он резко акцентировал внимание, — справедливо указал Боффа, — на четырех пунктах: необходимо дать большой простор самокритике и критике «снизу»; дисциплина партийная и государственная должна быть укреплена и должна стать единой для всех, руководителей и руководимых: выдвижение и подбор кадров должны проводиться более строго, не должно быть места для кумовства и личных капризов, как это часто случается; необходимо также усилить идеологическую работу, для того чтобы не допустить возрождения буржуазной идеологии и остатков анти-ленинских групп (то есть оппозиций давнего времени)».

С.докладом о партийном обновлении выступал Хрущев, который приводил аргументы, аналогичные тем, что использовал Маленков. Членам партии предписывалось исполнение новых обязанностей: критика и самокритика; запрет любых форм «двойной дисциплины», одной — для руководителей, другой — для рядовых членов; уважение к «секретности в партии и государстве»; обязанность докладывать наверх о местных «недостатках», «невзирая на лица»; подбор руководителей без каких-либо соображений дружбы, родства или землячества.

Нет никаких сомнений, что повторение Хрущевым основных положений кадровой политики, доложенных Маленковым, свидетельствует о том, что данная проблема считалась ключевой и предварительно обсуждалась со Сталиным. Скорее всего, обсуждение это проводилось преимущественно или даже единственно с Маленковым. Ведь именно он отвечал за кадровую политику в государстве и партии.

Если Сталин счел нужным представить Маленкова своим преемником, то логично предположить, что состояние руководящих кадров вождь считал неудовлетворительным, а наведение порядка в этом деле — важнейшей, первостепенной задачей. (По словам Д. Боффа, «даже если под этими докладами и уставными новшествами и не было подписи Сталина, то наверняка инициатива исходила от него и их содержание контролировалось им же».)

Вот и упоминавшийся выше Н. Верт высказал мнение, что Сталин вынужден был, «не трогая основ, обновить политические, административные, хозяйственные и интеллектуальные кадры

государства. Именно с этой точки зрения следует рассматривать изменения, произведенные на XIX съезде партии».

Выходит, никаких особенных секретов нет. Мы приходим к тем же самым выводам, что и антисоветские историки. Не потому, что у нас единые позиции (тут-то как раз наоборот!). Наиболее логичное объяснение: данное мнение верное, ибо основано на фактах. Можно даже сказать, что оно вполне очевидно для любого, кто более или менее внимательно ознакомится с докладом Маленкова.

Но если все так просто и ясно, то почему же советская партийная пропаганда стала замалчивать материалы и основные положения данного съезда? Почему на них не обратили должного внимания?

Ответ, как мне представляется, может быть один: с хрущевских времен и до настоящего времени власть в СССР, а затем в Российской Федерации захватили представители того самого социального слоя, против которого ополчились Сталин и его преемник Маленков.

Итак, заветы Сталина отразились не столько в двух его последних теоретических работах — по языкознанию и экономике, сколько в тезисах доклада Маленкова на съезде партии.

По знаменательному совпадению, нечто подобное произошло три десятилетия назад, когда отходящий от руководства страной Ленин опубликовал свои последние записи. В статье «Лучше меньше, да лучше» он предлагал «проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед». Ленин предлагал «заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата». Для этого, по его мнению, необходимо значительно увеличить число членов высших партийных органов, введя туда максимальное число рабочих и крестьян.

В ту пору на высших руководящих постах находились почти Исключительно профессиональные революционеры, можно сказать, политики-экстремалы. Ленин понимал, что для мирного строительства это вредно. Тем более что уже тогда началось перерождение партийной верхушки, заражаемой «буржуазным духом». Однако Владимир Ильич не учел одно очень важное обстоятельство: то же самое происходит со многими рабочими и крестьянами, поставленными на руководящие должности. На эту тему уже в конце 20-х — начале 30-х годов писали Маяковский, Михаил Булгаков, Зощенко, Ильф и Петров…

Таковы издержки жесткого классового подхода, не учитывающего ни социальную динамику, ни изменчивость

структуры личности, ее устремлений и поведения в меняющихся обстоятельствах.

Вот и среди делегатов XIX партийного съезда было много рабочих и крестьян. Вообще почти на всех командных должностях в ту пору находились, можно сказать, «выходцы из народа». Между прочим, именно Маленкова можно было бы к ним не относить. Да и разве дело в происхождении? Сталин предлагал — едва ли не по ленинским заветам — ввести в высшие партийные органы представителей народа. Но даже если бы его желание осуществилось, могло ли это принципиально изменить ситуацию в стране, преобразить структуру системы?

Наиболее вероятен отрицательный ответ. И дело тут не в каких-то особых свойствах (как провозглашали антисоветчики) сложившейся к тому времени «административно-командной системы». Все значительно серьезней, не говоря уже о том, что на то и администрация, чтобы командовать, а не бумажки перебирать.

Объявление войны коррупции

Любая государственная система (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая) неизбежно порождает управленческие структуры, является административной. А этим структурам свойственно развиваться, расти и крепнуть, подобно любому сложному жизнеподобному организму.

Каждый руководитель организации, отрасли, министерства обычно старается получить в свое распоряжение больше финансовых и материальных средств, иметь больше работников. Между ними идет постоянное соперничество. Как говорится, каждый тянет одеяло на себя.

При советской власти критиковали царский бюрократизм и засилье чиновников. За то же критиковали капитализм. Враги советского строя обрушились на административно-командную систему.

Как можно убедиться по опыту последних двух десятилетий, с переходом нашего общества от социализма к капитализму и к так называемой рыночной экономике количество чиновников резко возросло, а качество их работы необычайно снизилось (если не учитывать виртуозное мастерство в коррупционных делах и умение обогащаться).

Обо всем этом приходится говорить, чтобы стало ясно, какой силой обладают отдельные социальные слои, организации, кланы. Только по наивности многие авторы сводят проблемы борьбы за власть к столкновениям отдельных личностей. Сама по себе любая личность в условиях государственной системы имеет ничтожно малое значение, если ее не поддерживают какие-либо значительные общественные силы.

Возможно, Георгий Максимилианович понадеялся на безусловный авторитет Сталина и на поддержку партийных масс. Но десятки тысяч крупных партийных, государственных и хозяйственных деятелей к тому времени были уже могучей силой, которая вместе с миллионами своих помощников и подчиненных составляла реальный правящий класс.

Иначе говоря, крупные партийные работники начали обретать абсолютную власть в своих «вотчинах». Маленков привел пример ульяновской партийной организации (случайно ли была выбрана именно эта, работавшая на родине Ленина?). Оказывается, здесь «часть хозяйственных, советских и партийных работников из руководящей верхушки областной организации морально разложилась, встала на путь казнокрадства,

растаскивания и разворовывания государственного добра».

Будем помнить: речь идет о послевоенных годах, когда советский народ с огромным напряжением и немалыми, а то и чрезмерными лишениями восстанавливал народное хозяйство. И как только обстановка в стране стабилизировалась, а благосостояние (граждан улучшилось, начали возникать коррупционные связи среди номенклатурных работников. Маленков вынужден был напоминать то, что и без того всем было известно:

«Партии нужны не заскорузлые и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные борцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего». И еще одна вроде бы очевидная истина: «Идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии».

Зачем надо было это говорить? Не опрометчиво ли поступил Маленков, объявив войну коррупционерам? Как следует из его слов, некоторые из них уже начали использовать свое начальственное положение для улучшения личного благосостояния. Сделать это было невозможно без разветвленных связей, соединяющих в единый клубок деятелей партии, торговли, народного хозяйства, органов государственной безопасности, местных советов.

Другая ситуация, когда идет испытание «медными трубами» победы. Как показало послевоенное время, тогда как у миллионов семей погибли родные и близкие, сотни тысяч городов и поселков были разрушены, когда народ был измучен и появилось множество калек, нищих, бездомных, некоторые генералы и маршалы отправляли вагонами захваченное в Германии «барахло», обеспечивая своим семьям «роскошную жизнь».

В интересной, хотя и не всегда объективной книге Ю. Мухина «Убийцы Сталина» (2006) приведены материалы расследования подобных хищений, точнее — мародерства, организованного начальником спецслужб СССР в Берлине генерал-майором А. М. Сидневым и представителем МВД в советской зоне оккупации Германии И. А. Серовым. Обогащались сверх всякой меры не только они.

Негласное обследование дачи Г. К. Жукова показало, что там собраны огромные ценности. «Две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей». Например, более 4000 м. различных тканей (шелк, парча, панбархат и пр.); 323 шкуры мехов (соболь, котик, лиса, обезьяна и пр.); 44 штуки огромных дорогостоящих ковров

и гобеленов; множество ценных картин, сервизов; 20 уникальных охотничьих ружей, 8 аккордеонов… А ведь это ведь было далеко не все самое ценное, что вывез Жуков. Вряд ли он лично был чудовищно жадным. Многое ему «дарили» подхалимы, желали иметь жена, родственники… Сталина подобные факты наверняка возмущали до глубины души. Не это ли стало причиной его недовольства Жуковым?

Между прочим, как с ехидцей писали некоторые журналисты, писатели, на даче Сталина были развешаны картины великих художников… в виде дешевых репродукций, вырезанных из журнала «Огонек». Вот, мол, какой дурной вкус у диктатора. (Подобные люди, невольно поставив себя на его место, представили себе, какими бы шедеврами живописи украсили они свое жилище.)

Мне довелось слышать в теле- и радиопередачах потрясающую версию: Сталин приказал заключить певицу Русланову в лагерь, ибо не мог перенести ее всенародной славы. Соперничать с таким сообщением по уровню идиотизма, лжи и клеветы могут лишь два сообщения: что Сталин отравил наркома Ежова, потому что был любовником его жены, и что все тот же ненасытный душегубец приказал застрелить своего лучшего друга Кирова, завидуя его популярности.

Впрочем, вернемся к прерванной теме.

Итак, Маленков призывал руководящих работников ставить государственные интересы выше личных. Прежде вроде бы не приходилось с высоких трибун напоминать об этом. Теперь такая необходимость возникла. Следовательно, проблема стала актуальной и серьезной.

Понятное дело, бесполезно бороться с подобной напастью одними призывами. Другой путь: ужесточение контроля над руководящими партийными работниками со стороны органов внутренних дел, МГБ. Для этого надо, естественно, вывести данные организации из-под прямого подчинения партийной номенклатуре.

Есть еще одно средство. Маленков назвал его: «Контроль масс за деятельностью организаций и учреждений». Он настойчиво призывал усилить «критику снизу», «провести неспадающую борьбу как со злейшими врагами партии с теми, кто препятствует развитию критики наших недостатков». «У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела».

По его словам, «в литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных

произведений, искажающих советскую действительность». «В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе… Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины».

Нетрудно было догадаться, кого следует критиковать и бичевать. Среди сидящих в зале было немало тех, кто воспринял это как увесистый камешек в свой огород, как тревожный сигнал: не начнется ли вскоре основательная партийная чистка?

Покушение на партократию

В речи Маленкова впервые прозвучала критика не просто конкретных нерадивых руководителей, но и обширной и могущественной социальной прослойки, пронизывающей всю государственную систему, определяющую материальную и духовную жизнь общества.

Нет никакого сомнения, что такое решительное и смелое выступление было согласовано с вождем. И вряд ли это была их личная инициатива. Судя по всему, к ним поступали сведения о распространении коррупционных связей и злоупотреблении властью партийными функционерами на местах и от секретных сотрудников, и от трудящихся.

О том, что Сталин захотел понизить статус коммунистической партии свидетельствует ее переименование. Ее стали называть КПСС, подобно союзному министерству (например, Министерство иностранных дел СССР и т. д.). И это тоже восприняли, пожалуй, как тревожный сигнал некоторые влиятельные представители высшей партийной номенклатуры.

Судя по всему, вождь, даже уединившись на кунцевской даче, имел достаточно ясное представление о процессах, происходивших в стране. Он ясно сознавал, что сформировался социальный слой руководителей разных уровней, которых стала объединять, как говорили прежде, «мелкобуржуазная идеология», желание воспользоваться своим общественным положением для получения наибольших материальных благ.

Надо иметь в виду объективные изменения социальной структуры общества. Если в дореволюционной России абсолютное большинство составляли крестьяне, то с начала XX века значительную долю трудящихся составляли рабочие, что и определило отчасти создание революционной ситуации.

Новые преобразования начались со становлением индустриального общества. Для него характерна механизация и автоматизация производств, а также увеличение числа служащих. В СССР пытались искусственно поддерживать достаточно высокий процент занятых в народном хозяйстве рабочих и крестьян, трудящихся. Но с объективной закономерностью ничего поделать нельзя. С середины прошлого века в нашей стране количество служащих неуклонно увеличивалось.

Само по себе это ни хорошо, ни плохо. Совсем другое дело — распространение не коммунистических идеалов, имеющих в виду прежде всего благо трудового коллектива, народа, всего общества, но буржуазных, индивидуалистических,

ориентированных на личное и корпоративное обогащение. Такое духовное перерождение значительной части граждан грозило общественной катастрофой.

Без поддержки и даже прямых указаний Сталина Маленков не посмел бы выступить с критикой руководящих партийных кадров. Он понимал: предложенные им изменения системы власти и мероприятия по борьбе с коррупцией не будут пользоваться популярностью в среде номенклатурных работников. А ведь они-то и есть те самые конкретные люди, на которых опирается верховная власть. Именно они осуществляют оперативное руководство в стране.

Странным образом это обстоятельство упускают из виду многие аналитики. Словно достаточно, скажем, Верховному главнокомандующему утвердить военную операцию и отдать приказ на ее выполнение, как все остальное уже не имеет существенного значения. В действительности не менее важно кто, какими силами, насколько организованно и оперативно, а при необходимости действуя творчески, по собственной инициативе будет реализовывать этот замысел.

Надо лишь помнить: какие бы указания ни давал Сталин своим подчиненным, к чему бы ни призывал, все это оставалось бы звуком пустым или оборачивалось чем-то совершенно для него нежелательным без отлажено работающего механизма реализации той или иной программы. Пустозвонство руководителя быстро оборачивается развалом всей системы. Или же ему определена в ней роль подставного лица, служащего прикрытием для тех, кто реально пользуется властью и капиталами. Сталина нельзя отнести ни к тому, ни к другому типу. Он был настоящим Хозяином.

Но вернемся к докладу Маленкова на XIX съезде. Его выступление должно было усилить потаенные антисталинские настроения среди партийной номенклатуры. Вождь и без того раздражал их, установив строгий контроль за использованием общественных ценностей и пресекая коррупционные связи. Он вынуждал руководителей всех уровней много работать при сравнительно небольших льготах.

Этим людям приходилось распоряжаться значительными, а то и огромными капиталами, не имея легальной возможности урвать для себя некоторую их часть без риска угодить в ГУЛАГ или на тот свет. Кому это понравится? А тут еще «новая кадровая политика» с подачи Маленкова грозила лишить некоторую часть советской «элиты» высоких постов. Было о чем беспокоиться!

Данный «неприкасаемый класс» играл колоссальную роль в жизни страны и служил опорой и рычагами сталинской власти.

Однако его представители вынуждены были оставаться в роли исполнителей. Олицетворяя власть, они не имели возможности пользоваться всеми предоставляемыми их положением возможностями. Как говорится, за что боролись?

Безусловно, среди них оставалось еще немало идейных членов коммунистической партии. Но все больше становилось тех, кто пробивался к вершинам власти совсем для других целей. Они старались обеспечить личное благополучие и построить коммунизм в отдельно взятой своей семье. Этим стремлениям препятствовала воля вождя, идейные принципы которого были незыблемы. Он помнил, каких огромных жертв стоили Гражданская и Великая Отечественная войны. Неужели они были напрасны?! Неужели после этого благоденствовать должны только «избранные»?

Если бы Сталин заботился только о сохранении своей власти, ему следовало бы поощрять и материально поддерживать всех тех, кто ему ее обеспечивал. Надо было бы установить олигархическое правление. Так поступают все большие начальники, начиная с криминальных и кончая политическими. Такой режим, скрепленный прочными коррупционными связями и общими материальными интересами, наиболее устойчив и удобен в управлении.

Вряд ли Сталину была непонятна столь нехитрая истина. Он обдуманно, целеустремленно и с риском для жизни проводил свою политику. В народе было понимание — хотя бы на уровне коллективного подсознания — его самоотверженной работы. Только этим можно объяснить неподдельную любовь к нему миллионов советских людей. Не руководители, а именно народ видел в нем исполнителя своей воли, выразителя своих интересов.

Совершенно невероятно, чтобы три десятилетия в труднейших условиях ему удавалось притворяться настолько изощренно и талантливо, чтобы заручиться таким доверием масс и пользоваться неподкупной любовью. (Помнится, Хрущев, как его ни прославляли, сколько ни награждали и какие бы фильмы о нем ни снимали, в народе воспринимался неприязненно, а то и с презрением.)

Для пролезших во власть ради личных выгод выступить открыто против вождя, свергнув его или приняв его отставку, означало бы вызвать на себя народный гнев. Поэтому съезд приветствовал доклад Маленкова и устраивал овации Сталину. Хотя, безусловно, многие делегаты делали и то и другое искренне.

…Духовное перерождение и даже деградация отдельных

слоев общества, и прежде всего руководящих, — объективный процесс. Он определяется общими закономерностями развития технической цивилизации на ее высшей стадии. Этот процесс происходит вне зависимости от политического строя, экономической и социальной структуры государства. В условиях индустриального общества поощряются и получают преимущество наиболее приспособленные к нему лица, у которых преобладают не духовные, а материальные интересы.

Как бороться с такой напастью? Как сохранить в обществе высокие духовные идеалы? И не вышел ли постаревший вождь, подобно Дон Кихоту, Рыцарю Печального Образа, на неравный и смертельно опасный бой с ветряными мельницами?

Охота на Большого Мингрела

Сталинский стиль управления, как мы уже говорили, предполагал сохранение динамического равновесия главных структур, определяющих работу государственной системы. Это напоминает взаимодействие в природе основных звеньев экосистем.

Любое стабильное общество существует именно так. Оно стихийно стремится к устойчивому динамическому равновесию. Когда оно нарушается, происходят явные или скрытные революции. Сталину такое состояние приходилось поддерживать искусственно — путем кадровых перестановок.

Ограничить притязания руководства вооруженными силами и военно-промышленного комплекса удалось, поставив во главе Министерства обороны достаточно слабого, некомпетентного и малоавторитетного Булганина. Сложней было с органами госбезопасности. Они были обязаны следить за внутренними врагами. А кто может контролировать сами эти органы? Получалось, что собственные работники. Это создавало наиболее напряженное положение именно в НКВД, МГБ. Не случайно самые жестокие, массовые «чистки» проходили в их среде.

Интересно обратиться к свидетельству Судоплатова, близкого сотрудника Берии. «В последние годы правления Сталина, — писал он, — в небольшой круг руководителей входили Маленков, Булганин, Хрущев и Берия, а Сталин всячески способствовал разжиганию среди них соперничества. В 1951 году в немилость попал Берия. Сталин приказал поставить подслушивающие устройства в квартире матери Берии, решив, что ни Берия, ни его жена не позволят никаких антисталинских высказываний, но его мать, Марта, жила в Грузии и вполне могла высказать сочувствие преследуемым мингрельским националистам».

Вновь приходится, доверяя фактам, сомневаться в разумности сделанных на их основе выводов. Перед нами пример обычной предвзятости, когда даже знающий и умный человек не может отрешиться от навязанных ему мнений. Зачем надо было Сталину разжигать соперничество между своими четырьмя ближайшими сотрудниками? В борьбе за что они были соперниками?

Сталин мог остерегаться сговора между ними, направленного против его политики. Но такая возможность была практически маловероятной. Генеральную линию партии во многом определял Сталин, однако поддерживали ее — искренне или формально — все партийные и государственные деятели.

В стремлении стать «наследниками» вождя они

действительно могли соперничать. Хотя на эту роль могли всерьез претендовать, не считая Молотова, только Маленков и Берия. Ни Хрущев, ни Булганин не пользовались особым уважением Сталина. Их он использовал как исполнителей и отчасти как осведомителей. Так что у этой четверки могли быть разногласия, но не соперничество. И если Маленков был первым претендентом на пост главы правительства, то Берия мог после смерти вождя рассчитывать на руководство МГБ и даже надеяться стать Генеральным секретарем партии.

Наивно звучит предположение, будто Иосиф Виссарионович жаждал узнать, сочувствует ли мать Берии мингрельским националистам. По таким пустяковым поводам подслушивающие устройства не ставят. Полагаю, Сталину было совершенно безразлично мнение матери Берии по любым вопросам. А вот выяснить, какие разговоры ведут в ее доме местные националисты, меньшевики и другие вероятные враги советской власти, было бы полезно знать, и не столько даже Сталину, сколько соответствующим органам внутренних дел.

В 1948 году министром госбезопасности Грузии Сталин назначил генерала Рухадзе. «Его антибериевские настроения, — по словам Судоплатова, — были общеизвестны». В подобных случаях для Сталина важно было быть уверенным, что не произойдет сговор между руководителями данного ведомства.

Рухадзе проявил изрядную прыть, арестовав бывшего министра госбезопасности Грузии Рапаву, генерального прокурора Шония и академика Шария, бывшего заместителя начальника внешней разведки НКВД. «Всех их, — пишет Ю. И. Мухин, — обвинили в связях с эмигрантскими организациями через агента НКВД Гигелия, который вернулся из Парижа с женой-француженкой в 1947 году. Гигелия и его жена, невзирая на ее французское подданство, были арестованы».

Безусловно, генералу Рухадзе даже по долгу службы важно было знать, что и как обсуждают в доме Марты Берия ее родственники и знакомые. Ведь дядя жены Лаврентия Павловича занимал пост министра иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии, эмигрировав во Францию. Племянник Берии сотрудничал с немцами, попав к ним в плен (в отличие от сына Сталина Якова).

Приведенный пример трактовки Судоплатовым определенных действий и намерений Сталина весьма показателен. Можно лишний раз убедиться, насколько важно знать исходные «показания» того или иного свидетеля. Тем более когда они по тем или иным причинам изменяются. Сам человек может этого и не осознавать, ибо все происходит для него естественно.

Судоплатов признается: «Во время похорон Сталина мое горе было искренним; я думал, что его жестокость и расправы были ошибками, совершенными из-за авантюризма и некомпетентности Ежова, Абакумова, Игнатьева и их подручных».

Возникает вопрос: а может быть, Павел Анатольевич, человек хорошо осведомленный и находящийся в расцвете умственных сил, был прав? После перенесенных испытаний, ослабев и находясь под информационным колпаком времен горбачевской перестройки, он и сам невольно (или сознательно?) мог «перестроиться».

Он и сам косвенно подтвердил такую версию. По его признанию: «Теперь Кирилл Столяров прояснил мне ситуацию, в которую я попал в Грузии в 1951 (или 1952) году…» Возможно, юрист К. А. Столяров, допущенный в секретные архивы, и является крупным мыслителем, постигшим правду сталинской эпохи. Однако, читая его работы, в этом начинаешь сомневаться. В его суждениях слишком много антисоветских штампов, вряд ли рассчитанных на думающего человека.

Не вызывает сомнения его осведомленность в некоторых конкретных вопросах. Он сообщает, что полтора года «изо дня в день нюхал архивную пыль», чтобы написать книгу «Палачи и жертвы». И все-таки наиболее общие темы, связанные с жизнью народа, а тем более с искусством и наукой управления страной, он представляет себе, как мне кажется, слишком убого (если только не притворяется простаком).

Например, К. Столяров позволяет себе такое глубокомысленное суждение (не им придуманное): «Казарменный социализм был не только бесперспективной в экономическом и социальном отношениях системой, но и от начала до конца преступной». На мой взгляд, нюхание архивной пыли не добавляет человеку ни ума, ни совести, ни жизненного опыта. Подобный нанюханный советник и толкователь вряд ли мог прояснить Судоплатову ситуацию в стране. Скорее — наоборот.

Общественное и государственное для Сталина всегда было на первом месте. Он никогда не опускался до выяснения личных отношений. Это качество ему приписывают люди, которым просто не дано понять психологию, а уж тем более умственные качества Сталина. Уже по одной этой причине (а есть и другие) они приходят к ложным выводам.

Но вряд ли можно оспорить тот факт, что обстановка на высших ступенях власти страны того времени была крайне напряженной и нездоровой.

Особенно показательны изменения, происходившие в руководстве органов государственной безопасности. Здесь

поистине шла война не на жизнь, а на смерть. Взаимная слежка и доносы были обычным явлением; нередко из подследственных буквально выбивали нужные показания. (Кстати сказать, обстоятельно покопавшийся в архивах Кирилл Столяров привел в упомянутой выше книге немало тому примеров.)

Например, в Грузии соперничали не просто отдельные личности, но и кланы, принадлежавшие к разным племенам. Мингрел Берия поставил своих соплеменников на ряд руководящих постов в Грузии. Их «недоброжелатели» постарались сфабриковать материалы о коррупционных связях чиновников-мингрелов (возможно, мелкие нарушения партийной этики действительно были). Утверждалось, что существует заговор «мингрельской группы» с целью отделения республики от Советского Союза. (В связи с этим, по-видимому, и поставили подслушивающую аппаратуру в доме матери Берии и вряд ли без ведома Лаврентия Павловича.)

Есть свидетельства, будто Сталин предложил искать в этом деле Большого Мингрела, то есть Л. П. Берию. Так ли было, когда и по какой причине, не совсем ясно. Не исключено, что инициатором этого дела был Маленков. Во всяком случае К. А. Столяров утверждает: «Кроме Рухадзе, Рюмина и Игнатьева полностью в курсе дела был Маленков, — Игнатьев регулярно осведомлял Георгия Максимилиановича обо всех сколько-нибудь значительных операциях».

В постановлении Политбюро от 9 ноября 1951 года о взяточничестве в Грузии, в частности, говорилось: «Мингрельская националистическая группа т. Барамия не ограничивается, однако, целью покровительства взяточникам из мингрельцев. Она преследует еще другую цель — захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев, при этом она руководствуется неделовыми соображениями, а исключительно соображениями принадлежности к мингрельцам».

В постановлении говорилось также, что т. Барамия «злоупотреблял доверием московских работников к ЦК КП(б) Грузии». Кто были эти доверчивые работники центрального аппарата, не сказано. Не исключено, что так завуалированно — за неимением доказательств — намекается на покровительство националистам и коррупционерам Большого Мингрела.

Кто был автором данного постановления, неизвестно. Не исключено, что к нему приложил руку Маленков. Фамилия Берии не прозвучала, возможно, для того, чтобы он решил, будто Маленков готов его выгораживать, не впутывая в данное дело. Однако Лаврентий Павлович не дремал и в конце концов оказался

в выигрыше.

4 июня 1953 года Сталин направил телеграмму руководству Грузии, где говорилось:

> «ЦК ВКП(б) считает, что т. Рухадзе стал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии… ЦК ВКП(б) не сомневается, что если встать на путь т-ща Рухадзе и привлечь арестованных в качестве свидетелей против т. Рухадзе, то арестованные члены группы Барамия могли бы сказать против него гораздо больше и несравненно хуже.
>
> Это факт, что именно они во главе с Барамия требовали снятия т. Рухадзе с поста министра месяцев восемь назад и обвиняли его во всякого рода уголовных делах».

По-видимому, Сталину были предоставлены материалы, свидетельствующие о том, что Рухадзе (как выяснилось, человек весьма сомнительной нравственности) сводит свои давние счеты с личными врагами, пользуясь служебным положением и не гнушаясь грязными, а то и преступными методами, стараясь не столько расследовать дело, сколько фабриковать.

Надо иметь в виду, что у Иосифа Виссарионовича была своя личная секретная служба. Так что по отношению к своим ближайшим соратникам он имел возможность действовать по принципу «доверяй, но проверяй». В данном случае, по всей вероятности, проверка показала, что охоту на Большого Мингрела затеяли его конкуренты в борьбе за власть.

Во всяком случае вышло совсем не так, как хотелось инициаторам (или инициатору?) данного уголовно-политического дела. Вождь выдвинул Лаврентия Павловича на первый план, поручив ему доклад на торжественном заседании 6 ноября 1951 года в честь очередной годовщины Октября.

«За восемь месяцев до своей смерти, — писал Судоплатов, — Сталин арестовал Рухадзе, который стал для него нежелательным свидетелем. Официально же его обвинили в обмане партии и правительства».

Вот и пойми тут, что произошло? Как расценивать официальную версию? Получается, будто Рухадзе пострадал не за обман Сталина, партии, правительства, не за самоуправство, а лишь потому, что был для вождя нежелательным свидетелем… Чего?

Ответ на этот вопрос можно найти в книге К. Столярова. Он привел заметки Рухадзе о его разговоре со Сталиным. Последний

был, судя по всему, крайне возмущен затянувшимся следствием и следил за его ходом. Но некоторые его высказывания, приведенные Столяровым, вызывают сомнения. Узнав, что не арестован Гегелия, Сталин якобы приказал: «Арестуйте, побейте, расстреляйте».

Тут действительно крепко усомнишься в психическом здоровье и умственных способностях Иосифа Виссарионовича. Любому человеку ясно: требуется провести расследование, выведать у подозреваемого все, что ему известно, убедиться в его виновности, узнать имена сообщников и т. д. Расстреливают после прекращения следствия по решению суда. Почему бы вдруг Сталин так озлился на Гегелия, которого и знать не знал, чтобы потребовать его смерти даже в ущерб следствию?!

Возникает и другое серьезное недоумение. Ведь это расстрельное указание вождя не было выполнено. Итак: то ли Рухадзе отъявленный гуманист, готовый рисковать карьерой и собственной жизнью ради спасения Гегелия, то ли Столяров ошибся. Второе, как мне представляется, вероятней.

Занятно, что буквально через несколько страниц Столяров написал: «К несчастью, дорогой товарищ Сталин почему-то не разрешил пытать ни Михаила Барамию, ни Авксентия Рапаву, ни даже бывшего прокурора республики Шонию…» Вот уж поистине с безумца взятки гладки: одного приказывает побить и расстрелять, даже не интересуясь расследованием, а других не позволяет и пальцем тронуть.

Итак, Сталин убедился, что в «мингрельском деле» Рухадзе некоторые важные сведения от него утаил; кроме того, арестовывал своих личных врагов. Следовательно, официальное обвинение в его адрес было справедливым: А уж если бы Сталину, как предположил Судоплатов, требовалось избавиться от нежелательного свидетеля, то разумнее всего было, как обычно делается в подобных случаях, его ликвидировать.

Приведенные примеры показывают, насколько сложной была ситуация в руководстве страны и органах госбезопасности в последние годы жизни Сталина. Вряд ли у него была возможность разобраться в хитросплетении личных, клановых, национальных и прочих отношений, которые сказывались на действиях тех же самых Берии, Маленкова, Хрущева, Булганина, Молотова, Микояна, Кагановича и связанных с ними людей. Руководителю государства и без того приходилось решать массу сложнейших проблем внешней и внутренней политики.

«Аппаратные войны»

Даже сейчас, когда открыта значительная часть секретных архивных материалов того времени и опубликованы сотни книг о той эпохе, многое остается неясным. Целый ряд важнейших документов ликвидировали в правление Хрущева и позже; изготовлялись фальшивки. Утаиваются и были уничтожены, по-видимому, наиболее убедительные свидетельства в пользу действий и замыслов Сталина, тогда как все то, что могло бы его скомпрометировать, давно опубликовано, громогласно обнародовано и тысячекратно повторено и переврано.

Есть и объективные трудности. Об аппаратных маневрах из официальных документов многое невозможно узнать, а неофициальные сведения обрастают слухами и домыслами. Приходится исходить из каких-то наиболее общих соображений.

В таком случае принципиально важна не только политическая, но и нравственная, мировоззренческая позиция автора, его интеллектуальный и культурный уровень, отношение к Родине и народу. Если принять на веру утверждение западной пропаганды, что СССР — империя зла, а Сталин — злодей, то все его действия и наши достижения, даже победа в Великой Отечественной войне и создание сверхдержавы, приобретают зловещий оттенок.

Как же тогда жила страна?

Предположим, была полная анархия — «мать порядка». Значит, народ существовал сам по себе, восстанавливая города, налаживая и развивая промышленность, транспорт, сельское хозяйство, проводил внешнюю и внутреннюю политику. Тем временем представители органов власти во главе со Сталиным пьянствовали, плели интриги, пожирая друг друга, как пауки в банке.

Об этом вроде бы антисоветчики не пишут. Напротив, они утверждают, что была чудовищная диктатура одной культовой личности. Следовательно, все происходившее в стране, включая подъем народного хозяйства и склоки руководителей, находилось под его контролем и делалось с его ведома. И тогда он предстает поистине сверхчеловеком, полубогом, вершителем судеб миллионов людей и всего мира.

Обе версии нелепы, хотя именно они напрашиваются при чтении многих обличительных работ, издаваемых как «исторические документальные исследования» и «воспоминания очевидцев».

На вершине власти действительно плелись интриги. Это

оспорить невозможно. Столь же очевидно, что в них не был заинтересован Сталин. Зачем они были бы ему нужны?

Надо раз и навсегда понять: ему ни в коей мере не приходилось заботиться об удержании власти или поддержании своего авторитета. Эту версию выдумали для совершенно определенных политических целей: чтобы опорочить Сталина. Вот и решили представить его маньяком, обуянным маниями величия и преследования, жаждой власти и животным страхом ее потерять, при общей умственной недостаточности и психической неуравновешенности. (Иначе получалось, что он действовал в интересах народа и государства, не жалея ни себя, ни других.)

Не стану обсуждать, какими знаниями и маниями руководствовались те, кто все это придумал и тиражировал, расписывая на разные лады. Главная беда не в них (в подлецах и глупцах никогда дефицита не было). Главная беда в тех, кто принимает на веру эти бредни, рассчитанные на обитателей Страны дураков.

Повторю: всемирная слава вождя Советского Союза была объективна и непоколебима. Помимо всего прочего, она поддерживалась авторитетом многих выдающихся людей. Однако и они, и сам он понимали, что его имя лишь косвенно связано с данной конкретной личностью. Возник и существовал культ СССР, советского народа, коммунистической идеологии. Вот что олицетворяло имя — Сталин.

Не требовалось Иосифу Виссарионовичу бороться ни за власть, ни за авторитет. Единственно, что его могло волновать в связи с этим — проблема выбора достойного преемника. Он был обеспокоен (и вполне обоснованно, как мы теперь убедились) судьбой Советского государства.

К сожалению, такой озабоченности не было у многих из его соратников. Некоторые из них в первую очередь думали о собственной карьере и прилагали все усилия для того, чтобы удержаться на вершинах власти и после смерти вождя.

Так, по поводу «мингрельского дела» Серго Берия, сын Лаврентия Павловича, высказал вполне правдоподобную версию: «Партийная верхушка, включая, естественно, самого Хрущева, пыталась таким образом устранить Берия руками Сталина… Есть немало примеров, что Сталин шел на уступки своему ближайшему окружению. Так было и тогда».

Зачем старались устранить Берию? Опасались усиления его влияния. Кто опасался? Наиболее вероятные деятели: Хрущев как представитель партийных и Булганин как представитель военных руководителей. Был ли Маленков с ними заодно? Трудно сказать. В то время он и Берия составляли, во всяком случае внешне,

достаточно прочный тандем. К ним примыкал и Хрущев, но, пожалуй, из хитрости, а не по убеждениям.

Маленков в последние два года жизни Сталина занимал первое место (естественно, после себя) в руководстве страной. Правда, и Георгий Максимилианович мог опасаться за свою дальнейшую судьбу, ибо за это время были раскручены очень сомнительные «мингрельское дело» и «дело врачей-убийц». Поначалу Сталин их одобрил. По-видимому, в первом случае с подачи Хрущева и Маленкова, а во втором — Берии и Маленкова. Но затем вождь получил дополнительные сведения и начал подозревать, что в обоих случаях сыграли свою роль не бдительность органов государственной безопасности, а борьба за власть, стремление поставить на ключевые должности своих людей.

Неясным оставался вопрос, кто может сменить вождя после его ухода на посту Генерального секретаря партии. Наиболее естественной была бы кандидатура Молотова. Он же мог стать и Председателем Совета Министров СССР. Однако на него был собран серьезный «компромат». Сталин сам отклонил его кандидатуру.

Георгий Максимилианович вряд ли претендовал сразу на два руководящих поста, то есть на роль полноправного третьего вождя — после Ленина и Сталина. Для этого он еще не приобрел необходимого авторитета ни в партии, ни в народе. Однако в случае коллегиального правления за ним мог остаться ключевой пост Председателя Правительства СССР.

Многие номенклатурные работники разных ведомств имели немало оснований бояться за свои «места под солнцем». Они прекрасно понимали, что при очередной «чистке» партийного и государственного аппаратов могут произойти радикальные перемены в их судьбе. Для них наиболее опасными в этом смысле фигурами были Маленков и Берия.

Сталин, постоянно следивший за относительным равновесием сил в верхних этажах власти, мог подозревать, что Берия, назначив на ответственные посты своих людей, получит возможность контролировать и карать практически всех крупных деятелей партии и правительства. Чем может обернуться такое положение, показал опыт 1936–1938 годов, когда нарком внутренних дел Н. И. Ежов обрел колоссальную власть, решая судьбы тысяч людей вне рамок закона и создав в стране атмосферу массового психоза поисков «врагов народа».

Тогда наводить порядок во «внутренних делах» отрядили именно Берию. Но теперь в его руках могло оказаться даже больше власти, чем некогда у Ежова. Это вызывало опасения у

многих, в том числе и у Сталина.

Можно предположить, что последнего все больше раздражали «аппаратные войны», которые велись за его спиной. Он чувствовал: происходят какие-то радикальные перемены в среде так называемых ответственных партийных и государственных работников. Однако вряд ли мог разобраться в хитросплетении интересов отдельных групп, кланов, личностей, организаций. Это и сейчас сделать чрезвычайно трудно, хотя стали известны многие дополнительные факты.

Вновь повторю: как бы ни относиться к Сталину и его деятельности, необходимо исходить из нескольких неопровержимых фактов.

Во-первых, ему не приходилось заботиться о своей славе и своем авторитете (к тому же он не был честолюбив). Во-вторых, ему приходилось заниматься в первую очередь государственными делами. В-третьих, ко всем своим обязанностям он относился чрезвычайно ответственно, стараясь вникать даже во второстепенные проблемы. В-четвертых, он был человеком идейным, для которого духовные интересы несравненно преобладали над материальными. В-пятых, для него интересы страны и народа абсолютно преобладали над личными.

Соответствовал ли Г. М. Маленков по этим критериям И. В. Сталину? Если да, то в малой степени. Ему, так же как Хрущеву, Берии, Булганину, отчасти Кагановичу и Микояну, а также многим другим представителям высшего партийного и государственного руководства, пришлось выдержать суровый отбор на выживание в аппаратных схватках. При этом им нередко приходилось использовать нечестные, а порой преступные средства.

На смену идейным коммунистам пробивалась новая поросль. Но, как известно, наибольшую активность и выживаемость демонстрируют сорняки, и не только в природе.

Глава 3
Кончина или убийство вождя?

Смерть имеет еще ту хорошую сторону, что она — конец жизни, и мы утешаем себя смертью и в смерти утешаем себя страданиями жизни…

Лавровый венок — это покрытый листьями венец терновый.

Артур Шопенгауэр

Смерть как освобождение

Всемирная небывалая слава Сталина, его огромная власть не давала покоя болезненно честолюбивым людям.

Ничего удивительного в этом нет. Чем больше восхваляют в народе какого-нибудь человека, тем сильней озлобляются на него индивидуумы, жаждущие известности и славы, сами мечтающие оказаться на его месте.

Вообще-то, признаться, преклонение перед некой личностью, пусть даже героической и достойнейшей, не вызывает у меня симпатии. Воздавать должное выдающимся людям, героям необходимо, но только в иных формах. Самое отвратительное и ужасное, когда публике подсовывают в качестве объекта поклонения поп-артистов, демагогов, бизнесменов и прочих далеко не лучших представителей рода человеческого. В этом случае деградация общества становится неотвратимой.

Культ личности Сталина определялся не только его положением как главы государства, а прежде всего его замечательной работоспособностью и самоотдачей ради великой цели. Просто удивительно, как он, находясь постоянно в работе, успевал учиться и стал, пожалуй, одним из самых образованных государственных деятелей своего времени.

Сталину завидовали многие; ему не приходилось завидовать никому. Единственное, о чем он мог порой мечтать, это — о покое. Как сказано в «Мастере и Маргарите»: «Он не заслужил света, он заслужил покой». Так Михаил Булгаков написал о себе. Но то же он мог бы сказать и о прототипе Воланда — Сталине.

В начале 1950-х годов он уже не мог работать так, как прежде. Однако приходилось по-прежнему обдумывать прежде всего проблемы внешней и внутренней политики государства. Для своего возраста он был еще достаточно крепким человеком. Во всяком случае у него не отмечалось признаков ослабления проницательности, памяти. Смерти как прекращения личного существования он не боялся.

Как материалист, он воспринимал ее как прекращение бытия, переход в Ничто или, как полагают индуисты, в божественную нирвану, что является, опять же по их вере, наградой за мудрую жизнь. Возможность посмертной хулы он не исключал, но относился к этому философски: со временем все станет на свои места и справедливость восторжествует.

В отличие от примитивных материалистов, утверждающих первичность материи и вторичность сознания, Сталин признавал единство всего сущего:

«Сознание и бытие, идея и материя — это две разные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом». Если ему и грезился порой Страшный суд, то не как апокалипсическое видение всеобщего судилища над душами живых и мертвых, а как терзания собственной совести.

Гением Ф. М. Достоевского было предсказано явление Сталина в поэме «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы». Этот образ кратко и емко характеризовал Николай Бердяев еще до того, как Сталин поднялся на вершину власти:

> «Это — один из страдальцев, мучимых великой скорбью и любящих человечество. Он свободен от желания низменных материальных благ. Это — человек идеи. У него есть тайна. Тайна эта — неверие в Бога, неверие в Смысл мира, во имя которого стоило бы людям страдать. Потеряв веру, Великий инквизитор почувствовал, что огромная масса людей не в силах вынести бремени свободы, раскрытой Христом. Путь свободы трудный, страдальческий, трагический путь…
>
> Перед человеком ставится дилемма — свобода или счастье, благополучие и устроение жизни; свобода со страданием или счастье без свободы. И огромное большинство людей идет вторым путем».

Подобно многим атеистам, Сталин в юности искренне верил в Бога. Пятнадцатилетний Иосиф Джугашвили писал (перевод с грузинского Ф. Чуева):

> Пробивайся, свет летучий, до земли сквозь облака и развей слепые тучи,
> Божья воля велика…

Тогда же, завершая стихи о вдохновенном певце, которого завороженные слушатели сначала восхваляли, а затем напоили ядом, юный Иосиф привел слова черни:

> Не хотим небесной правды, легче нам земная ложь.

Трудно сказать, верил ли Сталин на исходе своей жизни в небесную правду, но в земную правду-справедливость он верил и старался утверждать ее всеми своими силами. Как вспоминал Главный маршал авиации А. Е. Голованов (в ту пору

командующий авиацией дальнего действия), после Тегеранской конференции в начале декабря 1943 года его вызвал к себе на дачу Сталин. Верховный главнокомандующий прохаживался в накинутой на плечи шинели. Поздоровавшись, сказал, что нездоров и опасается заболеть воспалением легких. Вдруг:

— Я знаю, — начал он, — что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. — И, походив немного, продолжал: — Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Сорокалетний Голованов был обескуражен. Ему и в голову не приходило, что после великих побед под Москвой, Сталинградом и Курском кто-то может сказать о Сталине плохое. Походив еще немного, Иосиф Виссарионович продолжил:

— Вот все хорошее народ связывает с именем Сталина, угнетенные народы видят в этом имени светоч свободы, возможность порвать вековые цепи рабства. Конечно, только хороших людей не бывает, о таких волшебниках говорят только в сказках. В жизни любой, самый хороший человек обязательно имеет и свои недостатки, и у Сталина их достаточно. Однако, если есть вера у людей, что, скажем, Сталин может их вызволить из неволи и рабства, такую веру нужно поддерживать, ибо она дает силу народам активно бороться за свое будущее.

Чем объяснить такую откровенность вождя? Пожалуй, он чувствовал себя плохо и, как нередко бывает в подобных случаях, думал о смерти. Он размышлял вслух, и вряд ли случайно высказал сокровенные мысли перед человеком, значительно моложе себя. Значит, не особенно полагался на свое ближайшее окружение. Понимал, что некоторые из тех, кто его прославляет, постараются в удобный момент свалить на него все ошибки и преступления, происходившие в годы его правления.

По словам В. М. Молотова, Сталин говорил: «Молотов еще сдерживается, Маленков, а другие — эсеры прямо: Сталин, Сталин!» (Как известно, культ личности культивировали именно эсеры, тогда как большевики утверждали величие народных масс.)

Это высказывание помогает понять, почему Сталин из молодых руководителей предпочел Маленкова (прежде были Щербаков, Жданов). Оказывается, Георгий Максимилианович не курил ему фимиам, не восхвалял по разному поводу и без оного, а вел деловые обсуждения.

…Приведу слова Сергея Кара-Мурзы, который вначале 1950-х годов был школьником. Он верно характеризует то время:

«В начале 50-х годов жизнь как-то резко успокоилась, и стал нарастать достаток. Этого тоже ждали и не удивлялись — люди очень много работали и мало потребляли. Поэтому хозяйство

быстро восстановилось. Цены регулярно снижали, и очень ощутимо. На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит. Мы это видели по множеству признаков ежедневно. Мы были уверены и об этом совсем не думали. Но, не думая, мы в массе своей Сталина любили. Что бы там ни говорили всякие краснобаи, а был у нас недолгий период взаимной скрытой любви между большинством народа и властью. Официальная любовь и преданность, знамена и барабаны к этому не касаются, я говорю о скрытой, редко выражаемой любви. Возможно, другого такого периода не было и не будет».

Тогда я учился в Геологоразведочном институте, и по анархическому складу своего характера (потому и выбрал профессию геолога-производственника) не испытывал к Сталину любви. Однако в своем окружении, как в школе, так и в институте, среди своих родных и знакомых замечал то чувство, о котором поведал Сергей Георгиевич. Уже одно это заставляло меня с уважением относиться к народному вождю. Вдобавок, несмотря на молодость и малую осведомленность, я понимал, что он — великий государственный деятель.

Сейчас в общественное сознание внедрили мысль, будто с уходом Сталина советский народ, задавленный тоталитаризмом, впервые ощутил благо свободы.

Нет, произошло совсем другое. Была всенародная скорбь (говорю о большинстве), но немалое число граждан, особенно торговых и номенклатурных работников, вздохнули с облегчением. Смерть Сталина стала для них освобождением от труда и ответственности. В народе она воспринималась как завершение великой эпохи.

«Дело врачей»

Странно, но крупнейшие государственные деятели разных времен и народов слишком часто уходили из жизни в результате покушений или при загадочных обстоятельствах. Отчасти это относится к Ленину, но в значительно большей степени — к Сталину.

21 декабря 1952 года Иосифу Виссарионовичу исполнилось 73 года. Немало, но и не слишком много. Чувствовал он себя неплохо, каких-то серьезных симптомов болезни у него не было. Говорят, он стал раздражительным, подозрительным и мрачным.

Но разве для этого не было оснований? Беспокоился он не за себя, а за свою страну. Даже в его ближайшем окружении не было единства при избытке интриг. Чему тут радоваться?

Ссылаются на его психическое расстройство, из-за которого он вроде бы санкционировал уголовное дело «врачей-убийц». Но эта выдумка понадобилась только для того, чтобы дать хоть какое-то объяснение некоторым фактам, которые более логично и доказательно свидетельствуют о других причинах.

Представьте себе: немолодой и не блещущий здоровьем вождь лишает себя квалифицированного медицинского обслуживания. Более того. Как выяснилось после его смерти, у него на даче, где он в последние годы проводил большую часть времени, не было даже аптечки с простым набором лекарств. Чем все это объяснить? Тут и подбрасывают диагноз: у него был маниакальный страх перед врачами (особенно евреями) и лекарственными препаратами. Дрожал за свою жизнь. Был патологически подозрительным и пугливым…

Вновь приходится удивляться, до какой степени можно отрешиться от здравого смысла, чтобы верить подобным нелепостям. А ведь верят миллионы! Ведь тот, кто страшится смерти, болезненно озабочен состоянием собственного здоровья, обращается к врачам при малейшем подозрении на заболевание. При тех возможностях, которые были у Сталина, он мог вызывать к себе на консилиум лучших врачей любой национальности. И уж наверняка бы при нем находились специалисты, отвечающие за его жизнь головой. Ничего подобного не было.

Вообще-то Сталин мало заботился о собственном здоровье. Работал он, что называется, на износ. И все-таки невозможно поверить, что он по собственной инициативе лишил себя врачебной помощи. Боялся, что его «залечат»? Ерунда. Много лет не боялся, а тут вдруг…

Надо четко понимать простую и неопровержимую истину: ни

в сталинских речах, ни в его поведении, ни в беседах с самыми разными людьми психических аномалий не наблюдалось. Это, как говорится, медицинский факт.

Отстранить от него врачей было выгодно только тем, кто был заинтересован в его смерти. Существовал и другой подтекст: шла борьба за ключевые посты в Министерстве государственной безопасности. «Дело врачей» оказалось одним из эпизодов этой тайной войны.

Как полагает сын Георгия Максимилиановича Андрей: «Уничтожение ряда выдвиженцев Маленкова было победой Берии. Она была тем значительнее, что вскоре ему удалось провести постановление о том, чтобы все дежурные в ЦК были только офицерами МГБ.

Однако Маленков нанес Берии ответный удар. В июне 1951 года старший следователь МГБ Рюмин, который в то время вел «дело Этингера» (с него, как известно, началась кампания против врачей, лечивших наш «ареопаг»), передал помощнику Маленкова Суханову записку о том, что в работе предыдущих следователей по этому делу им обнаружены подлоги. Записка была тут же передана Маленкову, а затем через Поскребышева попала к Хозяину. Тот вызвал Рюмина в Кремль и после беседы с ним поручил Маленкову создать комиссию по проверке МГБ. Позже была дана санкция на арест главаря этого ведомства Абакумова. И уже в ходе следствия по его делу в мае 1952 года. Маленков доложил Сталину об огромных злоупотреблениях абакумовцев из 9-го управления МГБ (оно занималось материальным обеспечением и безопасностью партийно-государственной элиты. Узнав, какое количество икры, белужатины и прочих деликатесов съедалось будто бы членами Политбюро, ЦК и правительства, Хозяин пришел в страшный гнев, и чистка авгиевых, точнее абакумовских, «конюшен» усилилась».

Правда, по мнению генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева, «Маленков и Берия, по существу, предрешили судьбу Абакумова»; а последний у себя в сейфе держал «документы, объявленные совершенно секретными исключительно потому, что в них содержался компромат именно на Берию и Маленкова».

Хрущев вспоминал: «Я видел и «дружбу» эту Маленкова и Берии. Берия не уважал, не ценил Маленкова, а преследовал при этом свои политические цели.

Он мне как-то сам сказал:

— Слушай, это безвольный человек. Он такой козел. Он может прыгнуть, если его не держать. Поэтому я его держу, с ним хожу. Он русский человек, культурный человек, он может пригодиться.

Вот это «пригодится» — главное было у Берии в дружбе с Маленковым.

С Маленковым и Булганиным мы дружили, еще когда я работал в Московской организации. Мы часто проводили вместе выходные дни, на даче мы все вместе жили. Поэтому, несмотря на то, что Маленков проявлял некоторую наглость в отношении меня во время войны, особенно когда Сталин выказывал недовольство мною, я с ним не порывал».

Никита Сергеевич был человеком весьма хитрым и не отличался правдивостью. Из его признания следует прежде всего то, что он старался поддерживать «дружбу» со всеми. Даже с Берия были у него доверительные отношения.

Понятно, откуда у Роя Медведева сведения о слабости характера Маленкова. На мой взгляд, Хрущев на свой лад трактовал слова Берии. Безвольный человек не может «прыгнуть» самостоятельно, и его не требуется постоянно контролировать. Тем более если он русский, да еще культурный. Могли безвольный человек во время Великой Отечественной войны войти в состав Государственного Комитета Обороны СССР, состоявшего из пяти человек: Сталин (председатель), Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов? Что-то не верится.

Судя по всему, Берия имел в виду нерешительность и относительную простоту Маленкова, которого можно легко облапошить. Во всяком случае Берия и Хрущев действительно его обманули, а Хрущев перехитрил еще и Берию. (Роль простачка в аппаратных играх, когда чаще всего побеждает подлейший, выигрышная.) Хотя и Маленкова вряд ли можно назвать робкой и доверчивой овечкой.

Непростыми были взаимные отношения приближенных к Сталину партийных и государственных деятелей. Тут многое зависело от их артистических способностей.

В жизни для честного и мужественного человека важно, как говорится, быть таковым, а не казаться. Он считает унизительным притворяться, лицемерить, обманывать, ловчить. Однако в политике таким людям редко удается оставаться на высоких должностях. Там преуспевают те, кто не брезгует никакими средствами ради достижения своих целей. Подобные ситуации характерны не только для трагедий Шекспира.

Какие же цели преследовали те, кто боролся за власть в СССР? Что могло их ожидать после ухода Сталина?

В принципе, говоря умозрительно, Берия мог рассчитывать даже на пост Генерального секретаря партии. Но и тут все не так просто. Хотя он был значительней и авторитетней Хрущева, к нему враждебно относились многие маршалы и генералы. А если

бы за ним еще сохранилось руководство объединенным министерством внутренних дел и госбезопасности, то пределы его власти расширялись необычайно. Этого следовало опасаться многим, в том числе и Маленкову. Хотя его сын Андрей Георгиевич рисует более тревожную картину:

> «Но Хозяин явно дряхлел. Видя это, Берия, а также Молотов, Каганович, Ворошилов и Микоян, утратившие доверие Сталина и в канун съезда находившиеся, по существу, в опале, объединились на борьбу с набиравшим силу Маленковым».

Правда, об упомянутом сговоре нет вроде бы никаких прямых или косвенных свидетельств. Во всяком случае Молотова и Ворошилова трудно заподозрить в каких-то интригах. А силу Георгий Максимилианович уже набрал немалую, ибо даже получил право подписи за Сталина как его первый заместитель в правительстве. Кого и по какой причине это могло всерьез тревожить?

По мнению Андрея Маленкова, такими людьми были Берия и Хрущев из-за разногласий с Маленковым по некоторым ключевым вопросам. Первый в своем докладе на XIX съезде партии делал упор на борьбу со шпионами и вредителями. Второй «ухитрился прямо в проект Устава партии внести дух шпиономании и нетерпимости к любым совершенным или даже предполагаемым промахам коммунистов. Объективно говоря, ту г Берия получил поддержку. И недаром позже, накануне XX съезда, по распоряжению Хрущева его доклад на XIX съезде был изъят из всех библиотек. Тогда же изъято было и его выступление на XVIII съезде, в котором расписывались успехи в борьбе с «врагами народа» на руководимой им Украине».

С таким мнением можно согласиться лишь отчасти. Проект Устава партии был заранее во всех деталях обсужден со Сталиным и Маленковым. Лукавый царедворец Хрущев не посмел бы внести в Устав даже малейшей отсебятины. Это невероятно. Он лишь «озвучил» ту линию на усиление внутрипартийной дисциплины и повышения ответственности крупных партийных работников, которую определил Сталин. Этот свой доклад он приказал изъять из библиотек потому, что не во всем был согласен с положениями нового Устава, взяв курс на единовластие партийной номенклатуры. Такое объяснение мне представляется наиболее логичным. Ведь именно при Хрущеве в стране была осуществлена диктатура партократии.

«В борьбе с Маленковым, — полагает Андрей Георгиевич, — Берия не мог рассчитывать на поддержку Сталина. Поэтому он

решает создать почву для устранения их обоих. С этой целью он раздувает «дело врачей», придав ему зловещую истерическую окраску и размах. Расчет был прост: обвинение кремлевских медиков в умышленно неправильном лечении и отравлении представителей высшей власти: можно безопасно убрать и Маленкова, и Сталина, используя «медицинские методы». Ведь после «дела врачей» легко будет свалить вину за эти убийства на обвиненных ранее и уже разоблаченным «бдительным» Берией врачей.

Отец, как я знаю, сразу же понял смысл этой кампании, но для подозрительного Сталина необходимы были конкретные доказательства — ведь «дело врачей» вел Рюмин, только что назначенный Сталиным заместителем министра ГБ. Поэтому отец поручает С. Д. Игнатьеву неотступно следить за Рюминым и его командой. И уже через месяц Игнатьев докладывает отцу, что у него есть данные, раскрывающие истинный замысел «дела врачей». Маленков и Игнатьев докладывают эти данные Сталину, и тот произносит не оставляющую сомнений фразу: «В этом деле ищите Большого Мингрела» (на мафиозном жаргоне — Берию)».

В этом тексте есть некоторые странности. Оказывается, «подозрительный Сталин» требовал конкретных доказательств. Но ведь это нормальная реакция человека, не страдающего излишней подозрительностью. О Большом Мингреле если и было сказано, то, скорее всего, в связи с «мингрельским делом».

П. А. Судоплатов так понимал подтекст «дела врачей»:

> «Сталин с помощью Маленкова и Хрущева хотел провести чистку в рядах старой гвардии и отстранить Берию… Однако вся правда в отношении «дела врачей» так никогда и не была обнародована, даже в период горбачевской гласности. Причина в том, что речь шла о грязной борьбе за власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей, по существу, все руководство».

Вряд ли отсутствие гласности объяснялось «грязной борьбой за власть». Подобные материалы шли в печать сплошным потоком. Но было принято во всем винить Сталина и его систему, а то, что не укладывалось в эти рамки, замалчивалось или искажалось (в официальной пропаганде так продолжается до сих пор). Упомянутое дело считали бредовой провокацией Сталина, вызванной ненавистью к евреям.

В действительности было иначе. «Дело врачей» было основано на фактах, которые допускали разное толкование. Следователь М. Рюмин (К. Столяров его характеризует крайне

отрицательно) случайно обнаружил документ, написанный врачом Л. Тимашук еще в августе 1948 года. Тогда она незадолго до смерти Жданова констатировала у него инфаркт миокарда. Однако авторитетные врачи, лечившие Жданова (кстати, все трое были русскими), настояли на своем диагнозе и ее не послушались.

Под их давлением она уступила, но на всякий случай изложила свое мнение в письме начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Н. С. Власику (давнему телохранителю Сталина). Тот не придал бумаге серьезного значения. Три года спустя ее обнаружил подполковник Рюмин. А тогда в ходе следствия, которым руководил Абакумов, умер врач Этингер. Возникло подозрение, что таким образом были скрыты материалы о заговоре с целью ликвидации руководителей СССР. Началось расследование.

Надо иметь в виду: Тимашук писала не донос, а излагала свое личное мнение по поводу болезни Жданова, страхуясь от возможного обвинения в некомпетентности или в преступных умыслах. Если бы она захотела наклеветать на врачей, то могла бы повторить свое заявление. Она этого не сделала.

Сейчас вряд ли можно безошибочно судить, с какими целями и какую роль играли в этом деле те или иные участники — от следователей до членов Политбюро. Чтобы это выяснить, следовало бы ознакомиться с десятками томов засекреченных материалов, да еще проверяя, петли среди них изъятий, подделок. К тому же известно, что многие важные материалы были уничтожены Хрущевым и Маленковым.

Для нас расследовать подобные запутанные криминальные клубки интриг — не цель. Да и при всем своем желании я сделать этого не в состоянии, не имея допуска к секретным архивам спецслужб. Приходится пользоваться изданными работами разных авторов. Однако сразу же выясняется, что наиболее честные и умные исследователи вынуждены были довольствоваться отрывочными опубликованными ранее сведениями. А те, кто допущен к закрытым хранилищам информации (и дезинформации), не внушают ни доверия, ни уважения. Они подбирают факты по своему усмотрению.

Главное, «дело врачей» позволило, как мы уже говорили, оставить Сталина без оперативной медицинской помощи. Кроме того, удалось провести ряд серьезных изменений в руководстве органов госбезопасности. В частности, руководителем там стал ставленник Маленкова С. Д. Игнатьев.

По словам Хрущева, Сталин в ту пору был «ненормальным», а потому поверил «доносу» Тимашук. (Пожалуй, только не вполне

нормальный или глупый человек не обратит внимания на подобные материалы, касающиеся смерти своего близкого соратника.) Интересно дальнейшее откровение Хрущева: «Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо…»

Судя по целому ряду признаков, в частности, по отсутствию соответствующих документов, курировал деятельность МГБ по линии партии Н. С. Хрущев. Его характеристика Игнатьева показывает, что между ними было полное согласие. Получается, что едва ли не все нити интриг и заговора (если он был) проходили через руки Хрущева.

Возможно, кто-то из юдофобов постарался представить «дело врачей» как еврейский заговор (так же как русофобы до сих пор обвиняют русских в великодержавном шовинизме и прочих грехах). Но вот что сообщило ТАСС 13 января 1953 года:

«Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставящая своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных, подрывая их здоровье…»

Странно, что люди, обвиняющие советскую власть в притеснениях евреев, не хотят замечать некоторых очевидных фактов. Скажем, в привилегированной больнице, где лечились все крупные партийные и государственные деятели страны на ключевых должностях, находилось много евреев; представителей этой национальности было непропорционально много в среде писателей, журналистов, музыкантов, физиков, математиков. Те, кто объясняет это особой одаренностью данного народа, разделяют мнение нацистов, в частности Гитлера и Гиммлера, но только с противоположным знаком. Причины конечно же совсем другие.

Между прочим, когда-то один из редакторов издательства

«Мысль» спросил меня, у какого народа больше всего выдающихся людей на душу населения. Я ответил, что, пожалуй, у евреев, учитывая, что и сам он этой национальности. Оказалось, что вместе с несколькими товарищами он просмотрел все тома Большой Советской Энциклопедии, делая соответствующие подсчеты. На первое место вышли… норвежцы, на второе — армяне и только за ними — евреи. Связано это не столько с общим количеством известных личностей, сколько с численностью населения: норвежцев меньше, чем армян, которых меньше, чем евреев. Тогда я отметил, что на первом месте должны стоять чукчи, у которых на десять тысяч человек — один известный писатель, тогда как у русских примерно один выдающийся писатель на миллион.

Череда странных совпадений

В журнале «Огонек» за сентябрь 1952 года помещена фотография приема в Кремле правительственной делегации КНР. В центре — Сталин в простом полувоенном кителе с единственной звездой Героя Социалистического Труда (звезду Героя Советского Союза он не надевал, говоря, что геройского подвига во время войны не совершал, в атаку не ходил). Стоит он спокойно и просто. Слева чуть поодаль от него Маленков, затем Берия, Микоян, Каганович, Булганин; справа среди дипломатов — Молотов. Хрущев как сугубо партийный функционер отсутствует.

На одной из картин о встрече Сталина с Мао Цзэдуном на переднем плане — министр иностранных дел Вышинский, за спиной Сталина стоят Молотов и Ворошилов, чуть дальше Хрущев. Над ними царит скульптура Ленина. Напротив Сталина — Маленков. Где Берия? Его фигура была сначала, но вскоре ее «перемалевали» в китайца. Следовательно, судя по именам и «рокировке» членов Политбюро, окончательный вариант картины относится ко второй половине 1953 года. А на потолке кольцевой станции метро «Комсомольская» была мозаика, показывающая советских вождей на Мавзолее. По ней можно было видеть, какие изменения происходили с этой группой со временем: исчезали Берия, затем Маленков, Молотов и т. д.

Этим изменениям на верхних ступеньках власти предшествовали менее заметные, не афишированные, но чрезвычайно важные кадровые перестановки. Сталин выдвинул на первый план П. Н. Пономаренко, руководителя из Белоруссии, возглавлявшего во время войны Центральный штаб партизанского движения. Он был введен в секретариат ЦК ВКП(б) — КПСС, стал заместителем Председателя Совета Министров СССР. Создавалось впечатление, что именно этого человека Сталин предполагает сделать своим преемником.

По свидетельству И. А. Бенедиктова, «документ о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли».

Если все было так, в чем трудно усомниться (все-таки говорит член ЦК, министр сельского хозяйства), то смерть Сталина после представления им на высокий пост не Маленкова, а Пономаренко представляется неслучайной. Кстати, еще до съезда партии выдвиженец Маленкова Б. Н. Черноусов был снят с должности Председателя Совета Министров РСФСР. Это был тревожный сигнал для его покровителя.

Историк Н.Н. Жуков отмечает (имея в виду 1951–1952 гг.): «Могла насторожить… продолжавшаяся несколько месяцев ротация высокопоставленных сотрудников МГБ, смена республиканских министров: в июне — в Грузии; в августе — сентябре в Армении, на Украине; в феврале в Латвии. В сентябре — начальника управления МГБ по Московской области. 15 декабря — арест некогда всесильного Н. С. Власика. Наконец, событие просто невозможное — отстранение в феврале 1952 года заведующего особым отделом ЦК, личного секретаря Сталина А. Н. Поскребышева. Ясным могло быть только одно: все это делалось при прямом участии руководителя… отдела ЦК по подбору и распределению кадров Н.Н. Шаталина, с довоенной поры соратника Маленкова, при прямом одобрении самим Маленковым».

Вспомним вдобавок, что в 1951 году министром МГБ стал С. Д. Игнатьев, который на XIX съезде был избран в президиум ЦК КПСС. Тем самым Маленков старался укрепить свои позиции на вершине власти.

7 февраля 1953 года неожиданно скончался молодой, вполне здоровый генерал Косынкин, лично поставленный Сталиным комендантом Кремля и ответственный за безопасность вождя. Не менее интересно то, что вскоре после смерти Сталина за ним последовали начальник его личной охраны Иван Хрусталев и один из охранников (официальная версия — самоубийство). В 1954 году скончался председатель (с октября 1952 г.) Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Матвей Федорович Шкирятов. Правда, он был не молод (71 год), но как будто вполне здоров.

Историки А.А. Данилов и А.В. Пыжиков пишут: «Как показывают документы, радикальные кадровые решения могли последовать уже в первые дни марта. Во всяком случае, журнал посетителей кабинета Сталина зафиксировал последних его посетителей перед началом болезни, среди которых был неизменный спутник падения высших партийных чиновников… Шкирятов (причем дважды)».

Примечательно, что Маленков последний раз посещал кабинет вождя 17 января 1953 года, а Молотов — только 1 октября 1952 года. Правда, Георгий Максимилианович бывал на даче Сталина, но когда и сколько раз, выяснить нельзя. Есть свидетельства, что кабинет Сталина прослушивался. В таком случае его разговор со Шкирятовым мог стать известным заинтересованным лицам, которых предполагалось сместить с должности.

Помимо всего прочего, казнь Берии без открытого суда и в результате сомнительных обвинений выглядит странно. Явно

хотели избавиться от него как опасного свидетеля.

Если сопоставить перечисленные выше события, невольно начинаешь подозревать существование заговора с целью устранения Сталина. Возможно и другое: взаимная слежка между Маленковым, Берией, Хрущевым сопровождалась, судя по всему, сбором компрометирующих материалов. Их приберегали впрок, прежде всего для того, чтобы обезопасить себя от своих друзей.

Те, кто желает понять, как происходит борьба за власть, должны отрешиться от слишком примитивного, на уровне романов Александра Дюма, представления о личных мелких конфликтах и кознях. Без этого, конечно, не обходится. Но главное в другом. Любому претенденту на высокую должность необходимо иметь опору как «сверху», со стороны начальства, так и «снизу», со стороны подчиненных. Только при такой поддержке можно не только подняться по ступеням карьеры, но и удержаться на них.

Вот почему руководителям всех уровней, а особенно высшим, приходилось внедрять в органы власти своих людей. Это было, в сущности, прелюдией криминальных связей. Так формировались партийные кланы, которые окончательно окрепли в последующие десятилетия.

При жизни Сталина групповые интересы не могли возобладать над общественными. Приходилось довольствоваться сравнительно малым: присвоением части имущества репрессированных состоятельных граждан, пользоваться, подобно Берии, своим положением для того, чтобы обзаводиться любовницами. Все это было «мелкими шалостями» по сравнению с теми гигантскими потенциальными возможностями, которые предоставляли их должности.

Наблюдение над руководящими партийными работниками и сбор компрометирующих материалов осуществляли, в частности, органы государственной безопасности. Поэтому высшим руководителям было особенно важно держать их под своим контролем.

Когда в 1952 году выяснилось, что при странных обстоятельствах умерли Щербаков и Жданов — «конкуренты» Маленкова, появились определенные основания подозревать его в утаивании всех обстоятельств, связанных с их безвременной кончиной. Из врачей «выбили» показания о том, что они действовали злонамеренно. Возникал вопрос: почему они вольно или невольно содействовали возвышению Георгия Максимилиановича? Притом взаимном недоверии, которое существовала между членами негласного триумвирата (Маленков — Берия — Хрущев), каждый из них мог опасаться за свою

карьеру, а то и за жизнь.

Берия давно организовал секретную лабораторию, где разрабатывали различные яды, испытывая их на приговоренных к смерти. Следовательно, он имел возможность сравнительно легко и просто получить яд, вызывающий смерть при симптомах, скажем, инфаркта миокарда или инсульта.

Правда, Ю. И. Мухин убежден, что Лаврентий Павлович не повинен в смерти Сталина, и называет убийцей Хрущева. Однако из всей упомянутой троицы лишь Берия имел доступ к ядам и умел профессионально планировать и осуществлять покушения. Он же был и наиболее уязвим в случае, если бы Сталин решил организовать новый цикл репрессий среди высшего руководства.

Для всего триумвирата ситуация приобретала тревожный оттенок и даже опасный. Было заметно, что Сталин желает обновить руководство страны и партии. Он явно разочаровался в своих ближайших соратниках. Ему нетрудно было заметить, что его многолетние помощники и охранники постепенно устраняются. Правда, основания для этого имелись. Власика, например, уличили в злоупотреблениях служебным положением. Но ведь о них было известно раньше, наказание последовало с большим опозданием, и возникало ощущение, что компромат берегли до особого случая.

Последние дни хозяина

Рассказывая о последних днях Иосифа Виссарионовича, будем опираться главным образом на обстоятельную работу А.А. Данилова и А.В. Пыжикова «Рождение сверхдержавы» (2001):

«Материалы истории болезни Сталина показывают, — что в этот критический момент был почему-то изменен традиционный (и проходивший всегда под неусыпным надзором МГБ) порядок лечения». И продолжают: «Некоторое недоумение с точки зрения практической целесообразности вызывает установление Бюро Президиума ЦК КПСС «постоянного дежурства у т. Сталина членов Президиума ЦК».

Много позже на вопрос Ф. Чуева о возможности отравления Сталина Молотов ответил: «Могло быть». Действительно, некоторые факты заставляют усомниться в том, что смерть вождя была вызвана «естественной причиной». Уклончивый ответ Молотова только укрепляет такие подозрения, ибо для обвинения потребовались бы четкие и убедительные доказательства, которыми он мог и не располагать или не пожелал озвучить.

Данилов и Пыжиков пишут: «Болезнь, начавшаяся в ночь с 1 на 2 марта 1953 г., была диагностирована как нарушение мозгового кровообращения (инсульт). Она же указывалась и как непосредственная причина смерти в официальных документах, опубликованных после кончины Сталина. Однако в истории этой последней болезни с самого начала обращают на себя внимание неполадки вовсе не в головном мозге, а в желудке и печени… Однако очистки кишечника решили не производить, чтобы не «беспокоить больного» (?!), а рвотную массу впервые за все годы наблюдения первого лица не отправили на специальную экспертизу (чтобы убедиться в отсутствии яда), как это было предусмотрено прежде.

В проекте официального заключения консилиума врачей 5 марта, составленного сразу после смерти Сталина, говорилось, что непосредственной причиной его смерти стало внезапно возникшее желудочное кровотечение. Именно оно «способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью». Однако именно эта фраза, равно как и упоминание о кровавой рвоте и других симптомах, связанных с желудком и печенью, были вычеркнуты из окончательного варианта документа чьей-то рукой. В том, что ни один врач, и даже министр здравоохранения, не мог взять на себя ответственность за такой шаг, сомневаться не приходится. Это могло быть лишь одно из высших лиц в государстве».

Конечно, пойти на такой шаг (совершить, по существу, подлог, преступление) можно из желания скрыть не только факт отравления, а даже намек на такую возможность. Хотя, в принципе, смерть действительно могла наступить от инсульта и, вдобавок, от кровоизлияния в желудок. Но чтобы не было кривотолков, вторую причину решили скрыть.

Однако очень странно, как мы уже говорили, что незадолго до смерти Сталина неожиданно скончался молодой генерал Косынкин (комендант Кремля, ответственный за безопасность вождя). Сталин лично назначил его на эту должность. Конечно, бывают в жизни удивительные совпадения. Но в данном случае их многовато.

То, что происходило 1 и 2 марта на кунцевской даче Сталина тоже вызывает определенные подозрения. Вот как вспоминал об этих событиях помощник коменданта дачи Петр Лозгачев (по книге В. Карпова «Генералиссимус»).

В ночь на 1 марта дежурили Хрусталев, Лозгачев, Туков и Бутусов. Сталин приехал на дачу около полуночи, за ним — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. На стол подали фрукты и виноградный сок. Гости уехали в пятом часу. (Есть сведения, что это произошло на час раньше.)

Полковник Хрусталев, проводив Сталина в спальню, закрыл двери и передал охране его (якобы) слова: «Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь». Все легли спать и встали в 10 утра. Что делал Хрусталев в это время, никто из них не знал. А с 10 часов его сменил Старостин.

Обычно Сталин вставал вскоре после этого. Однако настал полдень, а Сталина все не было. Охрана стала волноваться, не зная, что предпринять…

Небольшое отступление. Обратим внимание на беспомощное поведение охранников. Было очевидно, что произошло нечто серьезное. В подобных случаях следует предпринимать какие-то меры, обычно предусмотренные заранее. Надо было срочно уведомить свое начальство о чрезвычайном происшествии. Почему не было сделано ни то ни другое?

Мне кажется, охранники либо что-то недоговаривают, либо скрывают. Складывается впечатление, что им кто-то из руководства приказал не беспокоить Сталина, и они выполняли этот приказ. А затем им было сказано, какие давать показания и о чем промолчать.

В 16 часов надо было доставить Иосифу Виссарионовичу корреспонденцию. В 18 часов Лозгачев предложил Старостину как начальнику войти к Сталину, но услышал отказ. (Не означает ли это, что Старостин получил соответствующее указание свыше?)

Через полчаса в комнате у Сталина зажглось электроосвещение. Охранники облегченно вздохнули. Но время шло, а Сталин не выходил и никого не вызывал.

В 22 часа 30 минут пришла почта на имя Сталина. Лозгачев направился к нему, прошел одну комнату, заглянул в другую, в ванную комнату — никого. Наконец, в малой столовой увидел Сталина, лежавшего на ковре около стола, как бы облокотившегося на руку. «Я оцепенел, — писал охранник. — Покушение, отравление, инсульт?»

На полу — карманные часы, газета «Правда», на столе — бутылка минеральной воды и стакан. Сталин лежал в одной нижней солдатской рубашке. Подоспели еще трое охранников. Все они перенесли Сталина на диван и укрыли пледом.

Позвонили Игнатьеву. Он переадресовал их к Берии. Позвонили Маленкову. Он пробормотал что-то невнятное и повесил трубку. Через час он позвонил сам, но сказал только: «Берию я не нашел, ищите его сами». Еще через час позвонил Берия: «О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите». И тотчас положил трубку.

«Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло, и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула…»

Приехавшие подошли к кушетке, где лежал Сталин, тяжело хрипя. Берия сказал: «Что, Лозгачев, наводишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокой».

Лозгачев попытался объяснить им, что это не сон, а тяжелая болезнь. Но они, не слушая, ушли. «Тут я понял, — писал он, — что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина…

В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: «Скоро приедут врачи», в 9 часов 2 марта прибыли врачи…»

Все происходившее совершенно определенно свидетельствует о том, что вне зависимости от первопричины тяжелого состояния Сталина, был он отравлен или нет, ему сознательно и преступно не давали оказать медицинскую помощь Маленков, Берия и Хрущев, а также зависимый от них Игнатьев. Данная четверка уже по одной этой причине ответственна за смерть Сталина.

Совершенно удивительно и слишком подозрительно прозвучало указание полковника Хрусталева о том, что все охранники могут спать. Как понимать такой приступ «гуманизма» то ли у Сталина, то ли у Хрусталева? Для того и существует

охрана, чтобы дежурить день и ночь, а не спать, да еще всем сразу. И вдобавок ко всему после этого первого и последнего за все годы указания в ту же ночь произошел тяжелый приступ у охраняемого лица. Да еще и Хрусталев в скором времени скончался. Еще одно невероятное совпадение?

Вот что вспоминал академик А. Л. Мясников, одним из первых обследовавший Сталина: «На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и, если бы у него случился приступ грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства.

С каких пор у него гипертония — тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил)».

Удивительно, но Сталина — немолодого и не отличающегося крепким здоровьем человека — лишили медицинской помощи, даже самой примитивной; лишили даже лекарств, которые могут понадобиться в случае острой необходимости. Что это: забывчивость, халатность? Трудно поверить. Очень похоже на злой умысел.

«На следующее утро, четвертого, — писал Мясников, — кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт».

Переполох. В «деле врачей» уже фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда и погубленных де ими руководителей государства… Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру…

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?..»

Когда авторитетные врачи затрудняются объяснить рвоту больного естественной причиной, невольно задумываешься о причине искусственной. Предшествовавшие события, поведение «преемников вождя», отсутствие у престарелого Иосифа Виссарионовича даже элементарных медицинских препаратов, не говоря уже о медицинском обслуживании, — многое свидетельствует в пользу версии о злодейском умерщвлении Сталина.

Дочь Сталина обращала внимание на то, что, несмотря на тяжелое состояние ее отца, высшие чины охраны не оказали больному никакой помощи. Она утверждала: какой-то информацией об участии отдельных членов высшего руководства

в устранении Сталина располагал ее брат Василий. Он попытался поделиться ею с зарубежными корреспондентами, и был за это арестован.

Можно предположить, что у него не было серьезных доказательств убийства отца, что у него, убитого горем, была лишь своя версия, а после того, как все уже произошло, предположения Василия Иосифовича угрожали государственной безопасности вне зависимости от того, насколько они соответствовали действительности. Но факт остается фактом: ему не дали возможности высказаться. Вскоре он скончался или был убит при невыясненных обстоятельствах.

Вожди Китая, Северной Кореи, Северного Вьетнама и Албании не приехали на похороны Сталина. Причина может быть только одна: они не хотели быть вместе с теми, кого подозревают в убийстве вождя.

В 1964 году Энвер Ходжа с подачи Мао Цзедуна прямо обвинил Хрущева в убийстве Сталина. В том же году Хрущев был свергнут. Незадолго до этого Никита Сергеевич весьма прозрачно намекнул на то, что «кремлевский тиран» (которого он тогда свирепо обличал) был убит. По своему обыкновению, войдя в раж, он проговорился. На митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации 19 июля 1964 года он заявил: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Выделив эти слова, Н.А. Зенькович продолжал: «Ветераны Старой площади, готовившие текст выступления Хрущева для печати, рассказывали мне, что выделенные слова о тиранах в газетах не появились — их вычеркнули на самом верху, но в эфире их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе. Слова о тиранах, правивших при помощи топора и от топора погибших, были сказаны по адресу Сталина в присутствии руководителей ЦК и правительства».

Действительно, если бы в этих словах не было намека на Сталина, то не требовалось бы их вымарывать из печатного текста.

Итак, целый ряд косвенных улик свидетельствует о том, что Сталин был умерщвлен. Почему приходится говорить лишь о косвенных уликах? Потому что преступление (если оно было) организовали, продумали и совершили профессионалы. Сделано оно было умело и ловко. Именно поэтому до сих пор не удается выяснить, как все произошло. Не исключено, что важные документы или свидетельства, проливающие свет на эту темную историю, были уничтожены.

Уточним: убийство Сталина могло произойти не только посредством отравления. Совершенно бесспорен факт неоказания помощи больному. Хотя осуществить покушение не представляло большого труда: из охраны вождя убрали наиболее преданных ему людей, а те, кто ужинал с ним в ту роковую ночь, имели все основания желать его смерти.

Что касается «подходящего» яда, то в распоряжении кураторов и руководителей органов госбезопасности этого «добра» было предостаточно, поскольку разработками их занималась специальная секретная химическая лаборатория. О ней подробно написано в книге П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль».

Впрочем, сам автор, как мы знаем, категорически отвергал причастность своего шефа Берии к предполагаемому убийству Сталина. На каком основании? Его слова: «Все сплетни о том, что Сталина убили люди Берии, голословны. Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог».

Очень неубедительно. Даже не верится, что это написал профессиональный разведчик высокого класса, сам умевший организовать «ликвидацию» тех или иных влиятельных лиц. Почему упомянуты только люди Берии (к ним, как известно, относился и Судоплатов)? Люди Берии вполне могли подготовить отраву, а подложить или подлить ее вождю мог сам Берия или Хрущев. Игнатьев и Маленков тоже могли принимать участие в заговоре. Возможно, Хрусталеву было дано задание дать Сталину снотворное или поставить ему на стол бутылку минеральной воды…

Фантазировать можно и дальше. Но все-таки главное, что надо иметь в виду: был ли серьезный повод для устранения вождя? Сын Лаврентия Павловича Серго писал:

> «В 1952 году мой отец уже понимал, что терять ему нечего… Мой отец не был ни трусом, ни бараном, послушно идущим на бойню. Я не исключаю, что он мог что-то замышлять… Для этого в органах у него всегда были свои люди… Кроме того, у него была своя разведывательная служба, которая не зависела ни от какой существующей структуры!»

И все-таки убийство?

В последнее время были опубликованы дополнительные материалы в пользу версии отравления. Они появились в массовой печати, а потому не могут считаться достоверными.

Газета «Аргументы и факты» (№ 51, 2005) сообщила: «В бывшем кремлевском архиве обнаружены документы, свидетельствующие о том, что Сталина отравили». 9 марта 2006 года тот же автор, публицист Николай Добрюха, опубликовал более расширенный материал в «Вечерней Москве».

Приведенные автором выписки из медицинской карты Иосифа Виссарионовича не подтверждают версии о плохом состоянии его здоровья через пять лет после окончания Великой Отечественной войны:

«4. 09. 50. Пульс до ванной 74 в 1 мин. Давление 140/80. После ванной пульс 68 в 1 мин., ритм[ичный], давление 138/75. Тоны сердца стали лучше. Сон удовлетворительный. Кишечник регулярно. Общее состояние хорошее. Кириллов».

Выходит, Сталин вовсе не боялся врачей. В то время ему было 70 лет. Кровяное давление для этого возраста в норме. Когда в январе 1952 года он заболел гриппом и лежал с высокой температурой, показатели сердечно-сосудистой деятельности были отличные: пульс 70, ровный, а давление 140/80. Поэтому можно усомниться, что у него была, как официально утверждалось, гипертоническая болезнь.

По мнению автора статьи, «Сталин отравился не сразу, как только выпил минералку. Об этом свидетельствует тот факт, что его нашли лежащим у стола, на котором стояли бутылка минеральной воды и стакан, из которого он пил».

Хочу оговориться. Н. Добрюха разделяет достаточно широко распространенное мнение, будто у Сталина был двойник, которого тоже ликвидировали люди Берии. Действительно, однажды, как рассказывали охранники, они увидели сразу двух Сталиных в форме генералиссимуса.

Это был шок. Часть охраны пошла за одним из них, другая — за другим. Вскоре выяснилось: таким образом артист Геловани проверял, насколько точно он вошел в роль Сталина, который не возражал разыграть таким образом охрану. Никаких других достоверных сведений о «двойнике» вождя нет.

В газете приведены записи врачей, отмечавших симптомы болезни и ее ход. «Судя по всему, — пишет автор, — врачи понимали, что у Сталина отравление. Поэтому среди лечебных назначений есть почти все, что применяется при поражении

ядами: холодный компресс (пузырь со льдом) на голову, сладкий чай с лимоном, очистка желудка сернокислой магнезией и т. д.»

Утром 4 марта врачи зафиксировали ухудшение состояния больного, отметив резкий цианоз лица и конечностей. Автор комментировал: «Цианоз — посинение и почернение кожи и слизистых оболочек. Синюшная окраска кожи появляется при отравлении некоторыми ядами — анилином, нитробензолом, бертолетовой солью и др., — так как из-за них гемоглобин крови превращается в так называемый метгемоглобин, имеющий темную окраску. Не исключено, что Сталин был отравлен смесью различных ядов».

Откуда взялась кровавая рвота? — спрашивает автор. И сообщает:

«5 марта. С 1 часу до 3 часов ночи дневник опять почти не ведется. Вначале я думал, что это от полной безнадежности. Но когда вдруг обнаружил цитируемую ниже невзрачную бумагу, то понял — причиной молчания была растерянность. К тому времени… пришли анализы крови и мочи, из которых следовал однозначный вывод: отравление! Заключение консилиума на 1 час ночи 5 марта предельно лаконично:

«При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17 000 (вместо 7000–8000 в норме) с токсической зернистостью в лейкоцитах. (Вот оно! — *Автор.)* При исследовании мочи обнаружен белок».

Еще одно подтверждение! Но как врачи могли сообщить такое Берии? Сразу бы последовал вопрос: «Лучше сами признавайтесь, кто из вас отравил товарища Сталина?! Иначе — всех…» Что делать? Решили, учитывая безнадежность положения и упущенное время, просто зафиксировать факт. Поэтому возникла такая длительная без всяких процедур пауза.

3 часа ночи (…) Печень остается увеличенной.

(Один из признаков сильнейшего отравления. — *Автор.)».*

Один из присутствовавших врачей, профессор А.Л. Мясников, был настолько сильно удивлен происходящим, что записал: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить? Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках».

Тревога их понятна, ну а какими могли быть догадки? Судя по недоумению нескольких специалистов, никаких типичных проявлений инсульта или инфаркта не было. Отравление — другое дело. О нем свидетельствовал целый ряд показателей анализа крови, который завершался так: «Особые замечания. В

части нейтрофилов имеется токсическая зернистость». Она могла быть, пожалуй, только результатом отравления. Однако о нем врачи не упомянули под страхом смерти.

Вечером последний укол — инъекцию адреналина — сделала Сталину медсестра Моисеева, после чего больной скончался. «Как сказали мне медики, — комментировал автор, — при состоянии, которое наблюдалось у Сталина в последние часы, уколы адреналина категорически противопоказаны, так как вызывают спазмы сосудов большого круга кровообращения».

Результаты вскрытия тела Сталина показали, как сказано в публикации, что «весь желудочно-кишечный тракт усопшего был будто посечен дробью» (подробного описания приводить не станем). Интересен осторожный, но тем не менее весьма красноречивый комментарий к приведенным результатам анализов главного судмедэксперта Москвы Владимира Жарова:

«Основываясь на виденных мною материалах, могу сказать, что исключить отравление Сталина нельзя. Некий токсический фактор, возможно, действительно присутствовал. Это мог быть яд не разъедающего действия, а, допустим, вызывающий поражение дыхательной, сосудодвигательной функций. В пользу версии об отравлении говорит и массивное кровоизлияние в полость желудочно-кишечного тракта из-за нарушения проницаемости стенок сосудов. Отмеченное у Сталина увеличение печени тоже может быть связано с токсическими воздействиями. На определенные мысли наводит и отмеченный у Иосифа Виссарионовича лейкоцитоз.

Дело в том, что если в организм попадают бактериальные или токсические элементы, то лейкоциты, лимфоциты и нейтрофаги начинают размножаться и «съедают» их. В этом случае действительно наблюдается такое явление, как токсическая зернистость. Однако в имеющихся материалах недостаточно все-таки оснований, чтобы однозначно сделать вывод об отравлении И. В. Сталина».

Некоторая неопределенность данного заключения вполне оправданна. Ведь если покушение на Сталина организовали профессионалы своего дела, то и средства были подобраны основательно.

По свидетельству В. В. Карпова, Берия не скрывал своего торжества по поводу успешно проведенной операции по «устранению» вождя. Об этом сообщил Карпову В. М. Молотов. Сначала он отвечал уклончиво, что для подозрений об убийстве Сталина есть основания. Но позже в порыве откровенности рассказал о следующем эпизоде, произошедшем на трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года:

«Берия был тогда близок к осуществлению своих замыслов по захвату власти. Он уже сам, да и все мы считали его самым влиятельным в Политбюро. Боялись его. Вся охрана вокруг была его ставленники. Он мог в любой момент нас ликвидировать. Но он понимал, что так поступать нельзя, народ не поверит, что все мы враги. Ему выгоднее превратить нас в своих сторонников. И вот, как бы напоминая, что произошло на пленуме XIX съезда, когда Сталин хотел с нами расправиться, Берия на трибуне Мавзолея очень значительно сказал мне, но так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков:

— Я всех вас спас… Я убрал его очень вовремя».

Трудно усомниться в правдивости сообщения Молотова. Хотя не исключено, что Берия солгал, желая показать свои неограниченные возможности по части устранения любых, даже культовых личностей. Этим он дополнительно запугивал таких убежденных коммунистов, как Молотов.

Но все-таки, скорее всего, Берия сказал правду. А присутствовавшие тут же Хрущев и Маленков не выказали никакого удивления и никогда не вспоминали об этих словах потому, что были соучастниками преступления.

Во всяком случае знали о нем заранее.

По мнению Карпова, события разворачивались так. Ужинали в гостях у Сталина на даче четыре вероятных сообщника: Берия, Хрущев, Маленков, Булганин… Мог кто-нибудь из участников пиршества подсыпать в стакан Сталина какого-то зелья? Вполне. Они вставали, курили, ходили в туалет. Наиболее вероятным отравителем был Берия, потому что в его распоряжении была специальная лаборатория Майрановского, который разрабатывал яды и применял их практически для умерщвления неугодных. Яды эти были специальными, не оставляющими следов при вскрытии умерших.

Надо заметить, что следы, заставляющие подозревать отравление, остались, хотя ядовитых веществ действительно не обнаружили, да и, судя по всему, не искали.

«Можно предположить другую версию, — продолжает Карпов: — яд подсыпал в минеральную воду Хрусталев, когда разъезжались гости, а Сталин вышел их провожать. Помните — Сталин лежал у стола, на котором стояла бутылка минеральной воды. Что подтверждает вероятность этой версии? Именно Хрусталев (а не сам Сталин) сказал охране от имени Сталина: «Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь». Такого странного распоряжения от Сталина никто прежде не слышал…. Следовательно, полковник придумал распоряжение от имени Сталина — чтобы все спали. Зачем? Догадаться не трудно:

Берия именно ему поручил подсыпать яд в воду Сталина. Может быть, при инструктаже Берия сказал, что действует яд не сразу, поэтому пусть все спят, никто не заходит, чтоб зелье подействовало наверняка, к утру все будет кончено. Вот убедительный аргумент, подтверждающий эту версию, — спустя некоторое время полковник Хрусталев… умер! Скончался тихо, по неизвестным причинам здоровый охранник, атлет. Типичное устранение исполнителя-киллера».

Пожалуй, не обязательно подозревать Хрусталева в умышленном убийстве. Он мог выполнять поручение Берии: поставить на стол бутылку минеральной воды (отравленной). Яд мог действовать в сочетании со снотворным. Хотя не менее вероятно, что действовал Хрусталев под угрозой смерти, сознательно…

Вновь и вновь нам приходится фантазировать, выдумывая возможные варианты преступления. И всегда остаются сомнения: а было ли оно?

Когда-то впервые услышав версию об убийстве Сталина, я счел ее невероятной. Со временем, узнавая и сопоставляя все новые факты, прихожу к убеждению, что она вполне правдоподобна. К тому же многие влиятельные лица были заинтересованы в скорейшем устранении вождя.

Был ли среди них Георгий Максимилианович Маленков?

Увы, на этот вопрос окончательного ответа нет. Думайте сами.

Кому это выгодно?

С этих позиций мы проанализируем период перехода власти от скончавшегося в начале марта 1953 года Сталина к Маленкову. Последующие события показали, что произошла не тривиальная замена одного лидера другим или другими. Вскоре последовали политические убийства и репрессии, направленные против некоторых государственных и партийных деятелей. Уже одно это свидетельствует о необычности произошедших перемен.

В политико-публицистической работе Ю. И. Мухина «Убийцы Сталина» сказано без обиняков:

«Иосиф Виссарионович Сталин не умер естественной смертью.

Иосиф Виссарионович Сталин был убит.

Убит заговорщиками из собственного окружения.

Убит за попытку великих реформ. За намерение отстранить от управления страной коммунистическую партию и передать всю полноту власти народу СССР.

Так трагически разрешился конфликт, давно зревший в советском руководстве, — конфликт между людьми, поставившими себе целью построение счастливого и справедливого общества, и человекообразными животными, пробравшимися во власть ради удовлетворения своих инстинктов. Так нелюди победили. Побеждают они и сейчас…

Читайте правду о трагической гибели вождя, вместе с которым были похоронены надежды России на великое будущее».

Не будем обращать внимание на публицистическую риторику. Ведь Мухин написал не памфлет, а солидную работу (более 600 страниц!), насыщенную самыми разнообразными сведениями. Он провел скрупулезное расследование. Не обязательно соглашаться с его выводами, но к аргументам прислушаться следует.

Причины смерти Иосифа Виссарионовича, как мы уже говорили, до сих пор остаются загадочными или, точнее, не вполне выясненными. В наше время при отсутствии убедительных документов и свидетельств очевидцев остается место для сомнений и домыслов. Некоторые недавние публикации помогают кое-что уточнить, не более того.

Но для нас криминальные проблемы не столь уж важны. Для понимания судьбы нашей страны, а не только ее вождей, принципиальное значение имеет вопрос: какие силы были заинтересованы в свержении Сталина? И разве нельзя было обойтись без убийства? Или вождь самым естественным образом

умер в нужное время и в нужном месте?

Напрашиваются параллели: во многих первобытных или патриархальных обществах, для которых характерно правление вождя, сочетающего в себе черты руководителя, идеолога и гуру, когда он становился старым и немощным, его лишали жизни. В этом смысле положение верховного владыки, ответственного за все, происходящее с его подопечными, было не только почетно и хлопотно, но и трагично.

Однако в СССР у кормила власти Сталин находился три десятилетия, за время которых страна добилась небывалых успехов. Немощным он не был. Правление его сопровождалось не только сильными потрясениями, но и замечательными победами. В послевоенное время благосостояние населения страны постепенно улучшалось, как было и до войны. Это еще больше укрепляло авторитет, а значит, и власть вождя.

Никаких очевидных политических или социально-экономических причин для его свержения не было. Только этим можно объяснить то, что не была принята его отставка. Вряд ли все делегаты были искренне единодушны в таком решении. Возможно, большинство из них охотно согласились бы отправить вождя, как говорится, на заслуженный отдых. Ну а что потом? Власть Маленкова и Берии? Но ведь при живом Сталине это ничего по существу не меняло.

Чем отставка Сталина могла обернуться для номенклатурных работников? Скорее всего, серьезными неприятностями. Самое лучшее для них, чтобы все оставалось, как есть. Ведь вождь уже немолод. Надо было только запастись терпением…

Это только антисоветская пропаганда внушила множеству наивных «россиян», будто в СССР общественное было ничьим. Потому, мол, его не берегли, а то и разворовывали.

Нет, не так обстояли дела. Существовали специальные органы и организации, призванные препятствовать расхищению всенародного добра и карать виновных в таких преступлениях. В те времена сообщениям с мест, критическим материалам придавалось большое значение.

Многие из тысяч тех, кто пребывал в сталинскую эпоху в ГУЛАГе, были осуждены по экономическим статьям, а вовсе не за кражу «трех колосков» на поле, как нередко пишут теперь. Совершивших хищения в особо крупных размерах приговаривали к высшей мере. Все это, конечно, не нравилось тем, кто уже скрытно смог или хотел поживиться за счет общества. Следовательно, значительное количество влиятельных партийных и государственных деятелей, в особенности на местах — в республиках, областях и городах, — с опаской, тревогой, а то и

паникой восприняли ту часть доклада Маленкова на XIX партийном съезде, где говорилось о решительной и жестокой борьбе с развивающейся коррупцией.

Казалось бы, им следовало прежде всего «обезвредить» именно Георгия Максимилиановича. Ведь он не только зачитывал и составлял доклад, но и вел кадровую политику, а также отчасти курировал органы внутренних дел, не говоря уж о том, что был заместителем Председателя Совета Министров СССР (Сталина). Не было сомнений, что инициатива реорганизации структуры власти с понижением статуса правящей партии принадлежала, хотя бы отчасти, ему.

Но ведь за ним стояла несокрушимая фигура вождя. Никто другой не обладал даже десятой долей его власти. Он был, скорее всего, инициатором, вдохновителем и покровителем той внутренней политики, которую предлагал проводить Маленков. Чтобы радикально изменить такую политику, сначала следовало убрать Сталина.

На первый взгляд может показаться, что наилучший способ для этого — принять его отставку. Однако если бы съезд удовлетворил его просьбу, такое решение могло иметь трудно предсказуемые последствия, в особенности если на его место не был бы избран Молотов.

Утверждение пленумом своей отставки Сталин мог расценить как несогласие с мероприятиями по обузданию коррупции (все остальные положения доклада Маленкова, касающиеся внешней и внутренней политики, не могли вызвать резкого протеста). В таком случае вождь получал возможность устроить основательную «чистку» партийной верхушки.

Но даже не это главное. Отставку Сталина советский народ счел бы происками своих врагов (и был бы прав). А это грозило гибелью для значительной части партийно-государственной номенклатуры. Им надо было всеми силами показывать свое полное согласие со сталинской генеральной линией. Вот почему в тот момент отстранить Сталина от руководства могла только смерть.

Кому она была выгодна в личном плане?

Вряд ли ее жаждал Маленков. Он был мало похож на тех, кто рвется к вершине власти из честолюбия, используя любые средства (таким был, судя по всему, Берия). Как преемник Сталина он и без того имел возможность в ближайшее время занять его место в управлении государством. Фактически, он уже находился на этом посту. Никаких серьезных расхождений, а тем более конфликтов с вождем у него в этот период не было и не намечалось…

Впрочем, не совсем так. Как мы знаем, есть свидетельства, что у вождя появилась другая кандидатура на пост Председателя Совета Министров СССР — П. К. Пономаренко. Но и в таком случае Георгию Максимилиановичу могла достаться другая высокая должность — Генерального секретаря партии.

Из ближнего сталинского окружения наиболее «обиженным» был В. М. Молотов. Сталин его резко критиковал, распорядился арестовать его жену (основания для этого были). Тем не менее Вячеслав Михайлович вынужден был признать критику обоснованной, а по своим убеждениям и складу характера не мог выступить против Сталина и тем более желать его смерти.

Ю. И. Мухин в указанном выше сочинении доказывает, что едва ли не единственным другом и последователем Сталина был Л. П. Берия, а потому он был убит после того, как расправились с Иосифом Виссарионовичем. Идея оригинальная, но не очень убедительная и не единственно возможная. Скажем, В. В. Карпов назвал организатором данного преступления именно Л. П. Берию.

«Убийцей Сталина был Н. С. Хрущев, причем он убил Сталина лично». Такова версия Ю. И. Мухина. Он доказывает ее, приводя более или менее убедительные аргументы.

Зная, как высоко взлетел Никита Сергеевич после смещения Маленкова, можно согласиться, что у него были основания желать скорой смерти Иосифа Виссарионовича. Но большая ли польза ему от этого была в то конкретное время? В начале 1953 года он был всего лишь одним из секретарей ЦК КПСС, членом Политбюро и, вероятно, куратором органов безопасности. Претендентом на высшую власть в стране после Сталина оставался Маленков. По личной инициативе «убрав» Сталина, Хрущев рисковал тут же лишиться всех своих постов, а то и жизни. У Маленкова и Берии были для этого все возможности.

Можно возразить: на стороне очень хитрого и коварного Хрущева могли стоять Жуков и некоторые крупные военачальники. Но ведь и у Берии хватало ума, хитрости и коварства, не говоря уже об осведомленности, а Маленков неплохо ладил с прославленными полководцами.

Самое главное, пожалуй, другое. Фактически только Берия имел реальные возможности скрытно уничтожить врага или даже «друга и учителя», которому он постоянно клялся в верности. Без его помощи никто, пожалуй, даже и не помыслил бы организовать убийство Сталина.

Хрущев почти наверняка втайне люто ненавидел вождя. Однако в этом он не рискнул бы признаться даже ближайшим друзьям и родным. Для него была наиболее целесообразной стратегия выжидания. Он имел возможность приглядывать за

более крупными фигурами, участвовать в их беседах в роли мужиковатого простака, режущего «правду-матку», угождать каждому из них, не гнушаться доносами, вести двойную и тройную игру, выбирая, к какой группе выгодно примкнуть, и ждать удобного момента для выхода на первый план.

Из близкого окружения Сталина лишь Берия мог — теоретически — осуществить без сообщника его «ликвидацию». Но что бы это ему дало? Могли он в таком случае стать вождем, возглавить государство и партию? Такая возможность исключена. Для этого потребовалось бы осуществить государственный переворот. Его больше боялись, чем уважали. Почти наверняка маршалы при первых же его претензиях на верховную власть ввели бы в столицу свои войска и арестовали самозванца при полной поддержке населения.

Единственно, на что мог бы рассчитывать Берия в результате своей опаснейшей авантюры — сохранить за собой имеющиеся у него на данный момент должности при каком-то другом вожде. Надо ли ради этого рисковать собственной жизнью? Ведь даже если Сталин задумал от него избавиться (что проблематично), ему грозила максимум отставка. Правда, два его предшественника — Ягода и Ежов — были расстреляны. Но из этого лишь следовало, что надо проявлять максимальную осторожность, не портить отношения с влиятельными людьми, избегать подписывать сомнительные смертные приговоры.

Выходит, Лаврентий Павлович вряд ли мог единолично решиться на ликвидацию Сталина. Для такой акции у него должны были быть очень серьезные основания. Хотя могла сказаться его почти маниакальная любовь к власти, наслаждение своим господством над людьми. Этим, в частности, объясняется его склонность к сексуальным победам над самыми разными женщинами. Ему требовалось ощущение своей почти неограниченной власти, но «почти» ему было мало.

Мог ли Хрущев стать инициатором покушения на Сталина? Вряд ли. Ведь ему вождь доверил доклад на съезде по изменениям устава партии. Правда, предполагалась очередная чистка государственного и партийного аппарата при ослаблении роли КПСС. Тогда ведомство Берии вновь, как в конце 1930-х годов, обретало большую власть. Но конечно же для Лаврентия Павловича это имело значение лишь в одном случае: если бы он оставался во главе его. А это произошло сразу же после смерти вождя (даже на несколько часов раньше).

Итак, в сфере сугубо личных интересов смерть вождя была наиболее выгодна Берии, отчасти Хрущеву и в меньшей степени Маленкову. А наиболее выгодна, буквально жизненно необходима

она была для набиравших силу партийных функционеров на всех уровнях власти.

Сталин был поистине народный вождь. Он являлся гарантом *народной* демократии. Точно так же, как при капиталистической системе, президент — гарант *буржуазной* демократии, власти олигархов.

Конец великой эпохи

Что происходило в последние часы жизни и после смерти Сталина на высшей ступени власти? Об этом приходится судить по воспоминаниям не отличавшегося честностью Н. С. Хрущева:

«Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

…Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чем поговорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берией и все уже давно обсуждено».

Никита Сергеевич таким образом дал прозрачный намек: Маленков и Берия давно сговорились разделить власть между собой. Стало быть, они были заинтересованы в смерти Сталина и, возможно, организовали заговор. Хотя из слов Маленкова ничего подобного не следует. То ли Хрущев от кого-то знал о сговоре, то ли сам в нем участвовал. Второе, мне кажется, вероятнее.

Далее Хрущев сообщает, что, когда приехала Светлана, дочь Сталина, он «очень разволновался и заплакал». Он даже повторил: «Искренне мне было жалко Сталина, искренне я оплакивал его смерть. Я оплакивал не только Сталина, а я волновался за будущее партии, за будущее страны, потому что я уже чувствовал, что сейчас Берия будет заправлять всем, что это начало конца. Я не верил, я не считал уже Берию коммунистом к этому времени. Я считал его вероломным человеком, готовым на все…

Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим первым заместителем утвердить Берию и слить два министерства — госбезопасности и внутренних дел — водно Министерство внутренних дел и назначить Берию министром…

Я молчал потому, что видел настроение всех остальных. Если

бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили, что мы склочники, что мы дезорганизаторы, что мы еще при неостывшем трупе начинаем драку в партии».

Он не удивлен, что при «неостывшем трупе» (точнее, когда Сталин еще был жив; туг Хрущев слукавил) начался дележ портфелей. Как видим, особого потрясения кое-кто из присутствовавших там не испытывал. Хрущев упорно повторяет, что оплакивал смерть вождя. (Как известно, люди могут плакать и от радости, и от снятого напряжения, и от проявлений артистических способностей.)

«Меня — продолжал Хрущев, — Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в Центральном Комитете. Провели и другие назначения. Приняли порядок похорон…»

Между прочим, Хрущев был единственным, кто вошел сразу в два высших партийных органа: Президиум и Секретариат ЦК КПСС. По существу, это было равноценно посту Генерального секретаря. Об этом он предпочел скромно умолчать.

Сошлюсь на В. В. Карпова:

«Сталин был еще жив, когда произошел своеобразный захват власти. Фактический заговор трех высших партийных функционеров — Берии, Маленкова и Хрущева…

Почему именно эти трое? Я выскажу свое предположение, правда, не подтвержденное документально. Если даже были какие-то на этот счет бумаги, их конечно же уничтожили, придя к власти, те, кого я подозреваю.

…А факты таковы. Берия всегда и во всем поддерживал Маленкова и Хрущева. Он продвигал их по служебной и партийной вертикали. Пользуясь своей близостью к Сталину, он информировал вождя о преданности и верности этих соратников, а их конкурентов, наоборот, отодвигал нелицеприятной информацией».

Требуется уточнение. Хрущев был выдвиженцем Кагановича, а Маленков еще с 1934 года был заведующим отделом руководящих партийных кадров. Хрущев с 1931 года работал в Москве и спустя три года стал первым секретарем МК и МГК ВКП(б). А Берия до 1938 года работал в Грузии и вряд ли мог активно содействовать продвижению своих будущих «заклятых друзей». Но в дальнейшем действительно мог сформироваться их тайный триумвират.

«Маленков и Хрущев, — продолжает Карпов, — в свою очередь постоянно не только поддерживали Берию, но и выполняли все его пожелания. Это дает основание сделать

предположение, что Маленков и Хрущев были завербованы органами КГБ, еще когда они не были крупными деятелями, а находились, так сказать, на подходе к важным должностям. Такое в те годы практиковалось очень широко…

Вот и собралась в критический момент эта тройка и по-свойски, как и полагается заговорщикам, решила, кому кем быть и как держать власть в своих руках.

На этот счет у меня есть даже документальное подтверждение. Я познакомился с Сухановым, начальником секретариата Маленкова. Он работал в этой должности 18 лет! Был настолько доверенным человеком, что хранил печати ЦК, факсимиле Маленкова, по своему усмотрению заверял документы, им самим же подготовленные.

Суханов мне рассказал о «тайной вечере» троицы и в подтверждение ее хранил в своем сейфе записи, которые делал Маленков при распределении ими должностей: Хрущева сделают Первым секретарем ЦК КПСС, Маленкова — Председателем Совета Министров, Берию — его замом и одновременно министром внутренних дел, с которым объединяется КГБ» (точнее, МГБ).

Иначе говоря, Берия, Маленков и Хрущев по-деловому разделили между собой высшие посты в стране еще при живом Сталине. Почему бы не предположить, что так же деловито они еще раньше не согласились отправить вождя на тот свет?

Как вспоминал Хрущев: «В последние годы жизни Сталина Берия все резче и резче проявлял в узком кругу неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но он вел их и в моем присутствии».

Вот уж поистине на всякого хитреца довольно простоты! Каким же был «узкий круг», где можно было неуважительно отзываться о Сталине? Надо полагать, речь идет о треугольнике. Вряд ли даже Булганин был допущен сюда.

Хрущев говорил про «оскорбительные выпады против Сталина со стороны Берии». И постарался отвести от себя какие-либо подозрения: «Я слушал, уши не затыкал, но никогда не ввязывался в эти разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе.

Он был больше чем уверен, что ему ничего не угрожает. Он, конечно, знал, что я не способен сыграть роль доносчика».

Мило звучит: «не ввязывался в эти разговоры», а Берия их продолжал, «несмотря на это». Зачем? И насколько же безупречно чистым и прозрачным был Никита Сергеевич, что даже коварнейший Берия не мог заподозрить его в доносительстве!

В подобных случаях выгадывает тот, кто первый донесет

начальнику о нелестных высказываниях в его адрес. Как показала вся жизненная линия Хрущева, он никогда не отличался ни сердобольностью, ни честностью. В бытность партийным руководителем на Украине и в Москве он ежемесячно составлял списки сотен, а то и тысяч «врагов народа», не стесняясь обращаться к Сталину с жалобой на то, что не всех этих людей подвергают репрессиям.

Берия действительно мог скверно отзываться о Сталине, играя двойную роль. На всякий случай (страхуясь от доноса) он, скорее всего, заранее предупредил вождя: мол, таким образом проверяет степень преданности его ближайших соратников. А их он склонял к заговору по захвату власти, ссылаясь на старческую немощь вождя.

Интересно, что Хрущев ничего не говорил о поведении Маленкова в том самом «узком кругу». Можно предположить, что Георгий Максимилианович выпады Берии не поддерживал или даже возражал против них. Но вряд ли делал это активно. Судя по всему, он опасался Лаврентия Павловича и старался поддерживать с ним дружеские отношения, во всяком случае внешне. Но и ему было бы целесообразно рассказать Сталину о предосудительных высказываниях Берии.

Что оставалось делать Сталину, когда Хрущев, Берия, а возможно, и Маленков наговаривали ему друг на друга? Любой человек на его месте постарался бы отдалить от себя подобных соратников, заручившись поддержкой более честных и преданных людей. Так он и собирался поступить. Но не успел…

Как бы ни старался Хрущев изобразить свое отчаяние в связи со смертью Сталина, она для него и немалого числа других партийных функционеров была желанна. Они должны были испытать облегчение. Ведь авторитет и суровые моральные принципы Сталина довлели над ними. Безусловно, приходилось по-прежнему опасаться своих коллег. И все-таки прежде всего они если не понимали, то чувствовали, что произошло событие исторического значения: завершилась целая эпоха.

Об этом свидетельствовал Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения». Он вспоминал:

«Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета, о котором потом было сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. Может быть, только два или три человека появились меньше чем за полчаса до начала. И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом,

знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, — несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось, что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале стояла такая тишина, что, не пробыв сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания».

В его книге приведены строки четырех поэтов, посвященных смерти Сталина. Авторы разные, а чувства и мысли схожи:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду…

Так писал Александр Твардовский. Он был сыном раскулаченного и сосланного крестьянина.

Обливается сердце кровью…
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над Тобой.

Это скорбит Ольга Берггольц, которая была арестована в 1937 году «за контрреволюционную деятельность». А вот слова Михаила Исаковского:

И пусть в печали нас нельзя утешить,
Но он, Учитель, нас учил всегда:
Не падать духом, голову не вешать,
Какая б ни нагрянула беда.

И у Симонова примерно то же, что и у других:

Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,
Нет слов таких, чтоб ими рассказать.
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин!

По-разному можно оценивать художественные достоинства подобных произведений (а было их немало), но они писались не на заказ, не по конъюнктурным соображениям, не с чужих слов. Они были искренними.

19 марта 1953 года в передовой статье «Литературной газеты» ее главный редактор К. Симонов, помимо всего прочего, писал: «Самая важная, самая высокая задача, со всею настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина».

Это были его искренние слова. Пожалуй, они показывают все еще сохранявшееся смятение и даже какую-то беспомощность автора. У литературы конечно же не может и не должно быть такой задачи. Она в лучшем случае должна стоять перед историками, да и то с уточнением: не величайшего гения вообще, а величайшего государственного деятеля всех времен и народов.

Последнее утверждение не голословное. Мне довелось писать биографии 500 наиболее выдающихся людей за всю историю человечества, а позже достаточно подробные жизнеописания ста гениев. И в том, и в другом случае получалось при беспристрастном анализе, что из государственных деятелей по величию свершений буквально некого поставить рядом со Сталиным.

Так вот, за статью о Сталине Симонов подвергся жестокой критике со стороны Хрущева, секретаря ЦК, горячо и зло потребовавшего отстранить автора от руководства «Литературной газетой». Судя по всему, Никита Сергеевич, до того времени чрезмерно и подобострастно восхвалявший Сталина, резко перестроился. Но когда у него прошел первый приступ негодования, он понял, что еще не настало время раскрывать свои карты и претендовать на роль вождя. Свое распоряжение он отменил.

И тем не менее сталинская эпоха завершилась, и уже выгодно было помалкивать о покойном вожде во избежание лишних неприятностей. В годовщину его смерти А. Твардовский, возглавлявший журнал «Новый мир», опубликовал в нем отрывки из своей поэмы «За далью даль». Там говорилось честно и правдиво:

…И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.

Тут ни убавить, ни прибавить —
Так это было на земле…
Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.
Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Да, было тогда у великого советского народа Отечество, за которое отдавали жизни миллионы. Был и Отец народа, кому-то ненавистный, а большинством — любимый. О таком отношении к власти написал С. Г. Кара-Мурза:

> «Страна может устроить жизнь своего народа как *семью* — или как *рынок*. Что лучше — дело вкуса, спорить бесполезно. Ведь в семье бывает отец-тиран… Какие уж тут права человека. На рынке же все свободны, никто ничем никому не обязан».

Мысль верная. Надо лишь уточнить. Свобода рыночных отношений относительна. Тирания рынка бесчеловечна, ибо там отношения строятся по принципу выгоды, купли-продажи. А если народ объединен в единую (относительно, конечно) семью и не только уважает, но и любит своего вождя-отца, то называть его тираном глупо. Тиранов не любят, а боятся.

Не все в нашей стране поняли тогда, что смерть Сталина явилась рубежом, предопределившим завершение эпохи Великой России. Признаться, и для меня это стало ясно не сразу (тогда меня удивляла народная скорбь), а лишь через десятилетие. За этот срок я успел поработать в разных регионах страны и ощутить, как власть безнадежно отдаляется от народа…

В нашем обыденном сознании смерть крупного государственного деятеля означает завершение его эпохи. Но если его деяния грандиозны, если его усилиями создана великая держава, то проходят годы, а то и десятилетия, пока его эпоха сойдет на нет.

Можно ли считать Маленкова преемником Сталина, продолжателем его дел? Если и можно, то лишь отчасти.

У Сталина не могло быть преемника, соразмерного ему по знаниям, уму, работоспособности, беззаветной преданности идее. Вдобавок менялась постепенно страна. Шел объективный

исторический процесс, противостоять которому можно было лишь ценой огромных усилий.

Глава 4
На вершине власти

Можно возразить, что я проповедую «поклонение героям». Если хотите, да, друзья. Но поклонение прежде всего должно выразиться в том, что мы будем героически настроены. Полный мир героев вместо целого мира глупцов, в котором ни один доблестный король не может царствовать, — вот чего мы добиваемся!.. Отбросим все низкое и лживое. Тогда мы можем надеяться, что нами будет управлять благородство и правда…

Томас Карлейль

Два года, выпавшие из истории

В популярной, многотиражной, буквально навязываемой читателю «Истории Советского государства» Н. Верта глава X называется: «Хрущевские годы (1953–1964)». Начинается она с подглавки: «Борьба за сталинское наследие и начало хрущевских реформ (1953–1957)».

Остается только удивляться странной забывчивости не только данного автора, но и редактора книги. Как же они могли запамятовать, что во главе СССР с марта 1953 по февраль 1955 года стоял вовсе не Хрущев?

Правда, подобной аберрацией памяти страдает и Д. Боффа. В его «Истории Советского Союза» книга седьмая называется «Десятилетие Хрущева». Видно, очень понравился подобным авторам этот партийный деятель! Захотелось им представить его третьим — после Ленина и Сталина — вождем нашей страны. А третьим был не он, а Маленков.

Интересно, что тот же Н. Верт констатирует: «Первое место в новой иерархии занял Маленков, который получил пост Председателя Совета Министров и Первого секретаря ЦК КПСС. В Совмине у него было четыре заместителя, двое из которых могли питать значительные надежды: Берия, близкий соратник Маленкова, вновь возглавивший воссоединенное МВД, поглотившее МГБ; Молотов, вернувшийся на пост министра внутренних дел. Два других поста зампредов Совета Министров занимали Булганин и Каганович. Ворошилов был поставлен на пост формального главы государства Председателем Президиума Верховного Совета. Хрущев не имел никаких государственных должностей, но занимал второе место в ЦК КПСС».

По какой-то причине здесь допущена неточность: Маленков был просто секретарем ЦК. По этой причине Хрущев, как мы уже говорили, занимал первое место в партийной иерархии. Хотя благодаря авторитету Сталина в последние годы его правления наибольший вес приобрела должность руководителя государства, а не партии.

«Это распределение руководящих постов, — продолжает Н. Верт, — осуществленное в страшной спешке на следующий день после смерти Сталина и, несомненно, дававшее тройке Маленков — Берия — Молотов наибольшие преимущества, было сочтено другими членами президиума несправедливыми. Уже 14 марта Маленков… был поставлен перед необходимостью выбора между руководством правительством и руководством Секретариатом ЦК. Он выбрал первое, что означало передачу Секретариата ЦК

Хрущеву…»

Как мы знаем, было не совсем так. Никакой страшной спешки не наблюдалось. Все «тройка» оговорила заранее. Никто, по крайней мере открыто, не выступал против новых назначений. Никто не ставил Маленкова перед выбором: возглавить правительство или КПСС.

Произошло то, что напрашивалось в данной ситуации. Не имея неоспоримого лидера, было осуществлено коллегиальное руководство. Общее управление государством перешло в руки Маленкова и его заместителей (прежде всего Берии и Молотова), Советы возглавил Ворошилов, а в партийной иерархии первым стал Хрущев.

Последний, как отметил Верт, «отныне занял ключевой пост, благодаря которому контролировал деятельность и карьеру секретарей обкомов партии, настоящих «баронов» системы, составлявших опору и основной контингент Центрального Комитета».

И тут вновь приходится уточнять, причем существенно. Ни при Сталине, ни при Маленкове партийная номенклатура ЦК не имела полновластия в стране. Более того, ее упорно сдерживали «сверху». Поэтому и произошло переименование партии, а Сталин наиболее высоко поднял престиж государственной, а не партийной власти. В то время ни о каких «баронах» (намек на мафиозные коррумпированные структуры) не могло быть и речи.

Складывается впечатление, что историки типа Верта желают представить систему власти в СССР предельно упрощенно. Они не желают обращать внимание на ее принципиальное преобразование при единоначалии Хрущева. Вот когда был совершен государственный переворот: к власти пришла партийная номенклатура.

Два года правления Маленкова стали, в сущности, переломными в истории Советского Союза!

Именно поэтому они представляют огромный интерес для тех, кто желал бы понять, каким образом и почему произошел крах нашей великой державы. А те, кто заинтересован в сокрытии правды или не способен честно и всерьез анализировать события прошлого, вычеркивают эти два года, присоединяя их к периоду хрущевского правления. Получается, будто ничего особенного не произошло: как правили «партийные бароны», так и продолжали править. Над ними стоял «крестный отец» (по-русски — пахан), и никакого народовластия в помине не было. Сплошной террор, беззаконие, нарушение прав человека… Короче, тоталитарная империя зла.

Увы, со времен Горбачева в нашей стране гласность была

предоставлена почти исключительно так называемым диссидентам и представителям партийной номенклатуры — тем, кто выступал против народовластия. Поэтому оно и было представлено как социальное зло, тогда как всемогущество капитала, буржуазии — как торжество добра.

Я не могу утверждать, что моя версия происходивших событий и преобразования структуры власти в СССР единственно верная. Однако она имеет серьезное фактическое обоснование (их каждый исследователь обычно подбирает под свою концепцию), в том числе и с позиций глобальных, в связи с объективными законами развития цивилизации, формирования и эволюции техносферы. А этот процесс продолжается более десяти тысячелетий.

В XX веке во всех индустриально развитых странах преобладающим социальным классом по численности и значению в управлении государством стали служащие. Из них выделились «элиты»: политическая (партократы), финансовая (плутократы), промышленно-хозяйственная и военная (технократы), а также органы госбезопасности. Они образуют слой государственных владык (ГВ). Такова схема, в общих чертах, по моему мнению, верно отражающая действительность.

Пока в этой схеме существуют противоречия, происходит борьба за влияние, сохраняется динамическое равновесие, о коррупционном государстве говорить не приходится. При капитализме главенство (не абсолютное) получают плутократы. Сталин, как я уже говорил, старался сохранять динамическое равновесие всех властных структур, жестко пресекая коррупционные связи. То же самое попытался сделать Маленков. Однако эта задача оказалась ему не по плечу. Впрочем, вряд ли она кем-то могла быть решена. Сталин в этом отношении был исключением.

Остается неясно, пыталось ли справиться с ней трио Маленков — Берия — Молотов. После воцарения Хрущева первого представили робким и безвольным, второго — средоточием всех мерзостей, а третьего зачислили в «антипартийную группу». Единственно, что не вызывает сомнения, — серьезная тревога партократов за свое привилегированное положение в обществе.

Как пишет Боффа: «В период, предшествовавший смерти Сталина, очень многие страхи, охватившие граждан страны, были связаны с всепроникающим присутствием политической полиции», МГБ. Напрасно этот итальянский историк приписал всем гражданам СССР страх перед политической полицией. По-видимому, ему доводилось общаться с определенной категорией

граждан, которым было чего бояться. В отличие от него я, живший в то время, и миллионы моих сограждан подобных страхов не испытывали. Другое дело, амнистия 1953 года, вызвавшая вспышку уголовных преступлений.

Боффа справедливо отметил: Маленков не решился совмещать две высокие должности — государственную и партийную — ибо не мог претендовать на роль единственного преемника Сталина, вождя.

«Маленкову было немногим более пятидесяти, — пишет Д. Боффа, — то есть он был наиболее молодым из всей группы преемников Сталина. Но и ему, как и любому другому из них, еще предстояло создавать себе авторитет (исключая Молотова. — *Р. Б.)*.

Он был энергичным организатором, обладал живым, но холодным умом; это не был человек сильной воли, способный на личную храбрость. В качестве секретаря партии он в различное время осуществлял верховный надзор за рядом важных секторов экономической и политической жизни, но никогда на нем не лежала прямая ответственность за работу какого-либо оперативного подразделения (руководство республикой, министерством, военным соединением). Его стартовой площадкой явилось в свое время управление отделом кадров Центрального Комитета, в обязанности которого входил тщательный отбор людей для всех других руководящих должностей. Это был отдел, работу которого Сталин контролировал с особой подозрительностью и вниманием. Таким образом, из всех сталинских руководителей Маленков был тем человеком, который наиболее тесно сотрудничал с вождем, ближе всех к нему находился, скрываясь в его тени».

О безвольности Маленкова известно в основном со слов Хрущева. В его правдивости и тут можно усомниться. Есть сведения, что Маленков осмелился выступить в 1938 году против могущественного начальника НКВД Н. И. Ежова (об этом еще пойдет речь). Разумнее предположить, что он не желал, да и не имел никакого права брать всю полноту власти в свои руки, как это сделал Хрущев.

По мнению Андрея Маленкова, сразу же после смерти Сталина Берия «поспешил в Москву, чтобы поднять свои дивизии, арестовать Маленкова и захватить власть. Но он опоздал. За несколько дней до смерти Сталина Маленков, используя данное ему право подписи вместо Сталина в экстремальных случаях, вызвал Г. К. Жукова, подчинил его командованию войска Московского военного округа и назначил Жукова первым заместителем министра обороны. Маршал дал армейским частям

приказ блокировать бериевские дивизии в казармах».

Так ли было в действительности? Вряд ли. Правда, если был заговор с целью умерщвления Сталина, то заговорщики, опасаясь друг друга, могли заранее подготовить своих сторонников к возможным эксцессам. Но как могли воинские части блокировать какие-то дивизии Берии? Дай зачем для ареста Маленкова задействовать дивизии? Проще всего было бы его ликвидировать тем или иным способом.

На мой взгляд, Берия был достаточно хитрым и осмотрительным человеком, чтобы попытаться силой захватить власть в стране и провозгласить себя преемником Сталина. Никакие его сторонники не пошли бы на такую безумную авантюру против воли народа и руководства вооруженными силами. Прежде ему следовало приобрести авторитет среди партийных и государственных деятелей всех уровней и среди населения.

Итак, после смерти Сталина на высшей ступени власти в СССР оказался Георгий Максимилианович Маленков. О том, как проходило «восшествие во власть» первых на то время лиц державы, рассказал наблюдательный свидетель Константин Симонов. Из его слов ясно, что сложившаяся система троевластия не продержится долго:

«На траурном митинге выступали три разных человека… Первым был Маленков, вторым — Берия, третьим — Молотов. Различие в тексте речей мне и тогда не бросилось в глаза… Однако та разница, которую сейчас по тексту этих речей не уловишь, но которая была тогда для меня совершенно очевидна, состояла в том, что Маленков, а вслед за ним Берия произносили над гробом Сталина чисто политические речи, которые было необходимо произнести по данному поводу. Но в том, как произносились эти речи, как они говорили, отсутствовал даже намек на собственное отношение этих людей к мертвому, отсутствовала даже тень личной скорби, сожаления или волнения, или чувства утраты, — в этом смысле обе речи были абсолютно одинаково холодными. Речь Маленкова, произнесенная его довольно округлым голосом, чуть меньше обнажала отсутствие всякого чувства. Речь Берии с его акцентом, с его резкими, иногда каркающими интонациями в голосе, обнажала отсутствие этой скорби более явно. А в общем, душевное состояние обоих ораторов было состоянием людей, пришедших к власти и довольных этим фактором».

Добавлю: я слушал эти речи по радио. Их текст тотчас улетучился из памяти, но мне показалось, что интонации Маленкова были спокойными, деловыми; Берия говорил с

напором и как будто, с каким-то торжеством, а у Молотова голос порой дрожал от сдерживаемой скорби.

О том, что руководство страны не испытывало серьезных внутренних потрясений в связи со смертью недавно еще «любимого отца, друга и учителя», свидетельствует, в частности, содержание самого распространенного (полумиллионный тираж) журнала «Огонек», вышедшего 5 апреля 1953 года. На первой странице обложки — радостная телятница-комсомолка, вытирающая нос теленку. На первой полосе фотографии полок с товарами и покупателей. Подпись: «В первый день после снижения цен».

Под заголовком «Забота о благе народа» — редакционная статья. Она начинается возгласом: «Шестое по счету за послевоенный период снижение государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары!» Подчеркнуто: «Снижение цен, осуществленное 1 апреля, создает новую, особенно крупную выгоду для населения, в значительной мере поднимает материальный уровень его жизни». Отмечено, что в странах Запада цены растут (показано на конкретных цифрах).

Нельзя не отметить, что радостное событие — снижение цен — последовало вскоре после похорон Сталина. Впрочем, ему посвящена поэма О. Зверева, занявшая одну полосу и не блещущая художественными достоинствами. Однако статья о Франсуа Рабле — и объемнее, и лучше качеством.

Не менее показателен следующий номер «Огонька». Стихам о Сталине уделена одна колонка (автор — грек; можно сказать, вынужденная публикация). Названия очерков: «Новая линия метро», «Запорожские сталевары», «У нас в Нарьян-Маре», «Люди и книги», «Пятый день на ринге», «Столица народной Венгрии», «У чехословацких биологов», «Девушка из Барселоны», «Пушкин и Петр Киреевский», «Франсиско Гойя», «Гневная сатира» (о А.В. Сухово-Кобылине), «Тигроловы Приморья», «Новый театр в Запорожье».

(Перечень, типичный для того времени, позволяет понять, какими интересами жила страна, о чем писали журналисты, что интересовало многомиллионную аудиторию.)

Редакционная статья: «Свято соблюдать советские законы». Она определенно показывает происходящие перемены и посвящена «делу врачей»:

«Провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки, было сфабриковано преступными авантюристами, поступавшими как скрытые враги нашего государства, нашего народа. Поправ высокое призвание работников государственного аппарата и свою

ответственность перед партией, перед народом, бывший заместитель министра государственной безопасности и начальник следственной части Рюмин и некоторые другие работники министерства в своих преступных целях пошли на грубейшие нарушения советской законности, надругались над неприкосновенными правами советских граждан. Бывший министр государственной безопасности С. Игнатьев оказался на поводу у этих преступников, проявил политическую слепоту и ротозейство.

Презренные авантюристы типа Рюмина пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждое социалистической идеологии чувство национальной вражды. В этих провокационных целях они клеветали на честных советских людей. Таким образом был оклеветан общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс.

С большим удовлетворением советский народ узнал, что обвинения, возведенные на группу честных деятелей советской медицины, оказались гнусным поклепом. Подобные преступления не могли долго оставаться неразоблаченными и безнаказанными. Советское правительство стоит на страже граждан нашей страны.

Советское правительство, вскрывая факты произвола и беззакония, решительно искореняя недостатки в государственном аппарате, открыто и прямо говорит об этих недостатках народу. Это свидетельствует о великой силе Советского государства, о силе социалистического строя».

…Так начинались 23 месяца правления Маленкова, которых многие историки предпочитают не замечать, относя к хрущевскому периоду. Хотя в то время Никита Сергеевич оставался в тени, на второстепенных ролях. Ведь должность Генерального, или Первого секретаря КПСС была упразднена, и формально он оставался одним из нескольких высших партийных чинов.

Начало реформ

Что же произошло после смерти Сталина?

«С первых же дней, — пишет Н. Верт, — новое руководство предприняло шаги, направленные против злоупотреблений прошлых лет. Личный секретариат Сталина был распущен. 27 марта Верховный Совет СССР объявил амнистию для всех заключенных, чей срок не превышал пяти лет. Амнистия предусматривала освобождение несовершеннолетних и матерей, имевших детей в возрасте до десяти лет, а также всех осужденных, независимо от величины срока, за взяточничество, экономические преступления, административные и военные правонарушения, большую часть которых совершили хозяйственники и партработники, ставшие жертвами последних кампаний 1951–1952 гг. Главным результатом указа об амнистии, не коснувшегося политических заключенных, неизменно получавших сроки больше чем пять лет, стало освобождение большого числа уголовников (около 900 тыс. за март — июнь 1953 г.), которые, выйдя из тюрем, создали в городах, и особенно в Москве, такую опасную обстановку, что потребовалось держать в состоянии повышенной готовности многочисленные подразделения МВД…»

Что означало такое своеобразное милосердие? Как можно без предварительной подготовки, без обеспечения амнистированных работой и установления надзора за ними выпускать на свободу такое количество уголовников? Или предполагалось, что таким путем можно приобрести авторитет среди миллионов людей? Или Берия сознательно вызвал всплеск преступности для того, чтобы его новое объединенное министерство сразу же проявило свою силу? Вдобавок требовалось не сокращать, а увеличивать его кадры…

В общем, у Берии на этот счет наверняка имелись свои соображения, а Ворошилов и Маленков не прочь были продемонстрировать свою гуманность, а Георгий Максимилианович, по-видимому, стремился показать, что наступает новая, более либеральная эпоха в жизни страны.

Но продолжим цитирование.

«4 апреля 1953 г. «Правда» объявила, что «врачи-убийцы» стали жертвами провокации и что их так широко подхваченные пропагандой признания были на самом деле получены путем применения «недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия». Это сообщение было опубликовано руководимым отныне Берией МВД, то есть той

самой инстанцией, которая несла ответственность за происшедшее».

Однако инициативу нового министерства перехватила более высокая инстанция. Это было сделано своевременно и неслучайно. Маленкову и партийному руководству надо было показать, что именно они контролируют ситуацию:

«События получили еще больший резонанс благодаря принятому спустя несколько дней постановлению ЦК КПСС, в котором шла речь о «нарушении законности органами госбезопасности». Из него следовало, что дело «врачей-убийц» не было единичным случаем, что госбезопасность, присвоив себе непомерные права, творила беззаконие и что партия, открыто разоблачая ее, отвергает эти методы и осуждает всевластие политической полиции. Порожденная этими документами надежда вызвала поток сотен тысяч просьб о реабилитации, захлестнувший органы прокуратуры. Заключенные же, и особенно находившиеся в «спецлагерях», ожесточенные выборочной амнистией 27 марта и чувствовавшие неуверенность охраны и неустойчивость системы в целом, уже летом 1953 г. подняли восстания в Воркуте, на Игарке, в Кимгире и многих других местах. Растерянность населения возросла, когда выяснилось, что борьбу за восстановление «социалистической законности» возглавил сам Берия».

Последнее утверждение Н. Верта определенно показывает, что оно принадлежит человеку, весьма поверхностно знакомому с жизнью и чувствами подавляющего большинства советских людей. К тому же французскому историку, даже если он совершенно искренен, невозможно было абстрагироваться от образа Лаврентия Павловича как отъявленного злодея. Таким его представила, начиная со второй половины 1953 года, официальная партийная пропаганда, да и западная «свободная» пресса тоже. До этого времени отношение к нему подавляющего числа граждан было вполне терпимым.

Амнистию значительная часть населения не связывала с каким-то конкретным именем. Люди были обескуражены ее последствиями. Однако демонстрация Берией своей власти, его стремление повысить свой авторитет должны были встревожить и Маленкова, видевшего в нем своего конкурента, и партийную номенклатуру. А Берия принялся настойчиво изображать из себя либерала:

«Именно по инициативе Берии, имевшего прекрасную возможность свалить вину за «дело врачей» на арестованных по его приказу Игнатьева и Рюмина, было опубликовано сообщение 4 апреля. В течение следующих недель он распространил свой

«либерализм» на самые разные сферы. Подчеркивая в отличие от своих коллег «разнообразие» и «равноправие» народов, он содействовал продвижению национальных кадров в надежде обеспечить себе их поддержку в будущем. Особенно тщательно Берия вычистил от сторонников Сталина Компартию Грузии, а во главе нескольких республик поставил своих многочисленных сподвижников. Берия даже предлагал в определенной степени смягчить коллективизацию, а во внешнеполитической сфере выступил как главный поборник разрядки международной напряженности».

Вновь приходится уточнять: первым и главным поборником разрядки международной напряженности выступил Маленков.

Им же были подготовлены предложения по улучшению благосостояния сельских жителей и реформирования деревни. Но, как известно, на Западе, да и у нас в стране, предпочитают называть творцом реформ Хрущева.

Почему же Берия так рьяно взялся изображать из себя гуманиста? Почему ему потребовалось демонстрировать свои либеральные устремления? Почему он вошел в роль «друга народа»? Или в нем заговорила совесть, а его погрязшая в мерзостях душа устремилась к высшим нравственным сферам?

Последнее предположение кажется невероятным. Ведь Лаврентий Павлович не ушел в монастырь, не покаялся прилюдно, а продолжал плести политические интриги. Тем, кто стремится удержаться на вершинах власти, приходится отдавать этому все свои силы, использовать ради своих целей любые более или менее приемлемые средства.

На мой взгляд, у него, так же как у Маленкова, был план развенчания культа личности Сталина. Это требовалось для установления истины. Ее никто не принимал в расчет ни тогда, ни позже. Подобное мероприятие было призвано показать новых руководителей страны поборниками «прав человека» и «социалистической законности», не связанными с какими-либо репрессиями. Всю ответственность за творившиеся прежде беззакония можно было свалить на мертвого вождя.

Как пишет осведомленный (хотя далеко не всегда объективный) Р. Медведев: «Маленков предпринимал шаги для своего продвижения к вершине власти, и в первое время после смерти Сталина его слово по важнейшим вопросам оставалось решающим. И он же занял достаточно активную позицию в деле критики культа личности. На заседание Президиума ЦК КПСС 10 марта 1953 года, проходившее под председательством Маленкова, были вызваны «идеологи» П. Н. Поспелов, М. А. Суслов, главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов. Как вспоминал Поспелов, в

ходе заседания Маленков подверг редакцию газеты резкой критике, заметив, что природа многих ненормальностей, имевших место в истории советского общества, крылась в культе личности. Подчеркнув, что перед страной стоят задачи углубления процесса социалистического строительства, Маленков отметил: *«Считаем обязательным прекратить политику культа личности».*

Заметим, что с тем же самым культом были связаны и замечательные успехи советского народа в труде и победа в Великой Отечественной войне. Возможно, отчасти учитывая это, Маленков не стал «разоблачать» культ личности Сталина (как позже сделал это Хрущев). Да и можно ли было во всех недостатках и неоправданно жестоких репрессиях обвинять Иосифа Виссарионовича? Ведь существовало множество документов, неопровержимо свидетельствовавших о том, что значительная, если не основная доля вины лежит на Хрущеве, Маленкове, Молотове, Кагановиче, Берии, Микояне.

В то же время хитроумный Лаврентий Павлович имел в своем распоряжении значительную часть материалов, обличающих практически всех этих руководителей, а в первую очередь Маленкова и Хрущева, в активном проведении репрессий. При необходимости он имел возможность уличить каждого из них не только в жестокостях и, возможно, в доносах и клевете на коллег, но и представить их как лицемеров, обманывающих партию и народ. Он чувствовал преимущество своего положения, упивался своей властью (мечтая стать полноправным хозяином страны) и утратил присущую ему осторожность, ощущение надвигающейся опасности.

Повторю: таково мое предположение. Оно логически следует из совокупности тех событий, которые произошли в роковом 1953 году, включая не только деятельность, но и смерть Берии.

Какими бы соображениями ни руководствовались Маленков и Берия, стремясь обрушить на одного лишь Сталина всю тяжесть вины за происходившие за последние 30 лет в СССР гонения на инакомыслящих, репрессии, осуждение невиновных, это подрывало в первую очередь позиции правящей партии. Маленкова это обстоятельство вряд ли сильно беспокоило. Ведь он возглавлял Правительство СССР, был прежде всего государственным, а не партийным деятелем. То же относится и к Берии.

«Новые руководители оказались вынужденными искать нового контакта с народом: они чаще появлялись и выступали публично, даже в самом стиле администрации появились заметные нововведения. С 1 сентября 1953 г. были отменены

бесконечные ночные бдения в учреждениях Москвы, вызванные когда-то привычками Сталина: рабочий день обычно начинался в 9 часов и заканчивался в 18 часов с учетом перерыва на обед продолжительностью один час. Весь ритм жизни столицы, таким образом, изменился. Исторические дворцы Кремля, знаменитого архитектурного комплекса сооружений в сердце Москвы, который символизировал верховный центр государственной власти, были открыты впервые для посещения их туристическими группами.

Коллегиальный характер нового правления был не результатом лишь «верхушечного» соглашения между преемниками Сталина, а своего рода программным обязательством перед страной. Впервые оно было провозглашено в июне 1953 г. в статье в «Правде». В той же публикации появилось новое для советского политического словаря выражение: там критиковался «культ личности» как явление «вредное» и «антимарксистское», которое принижает значение масс, классов и партий в истории ради прославления лишь «героев-одиночек». После ареста Берии такие декларации делались все более настойчиво, и соответствующие положения были внесены в ряд партийных документов, где говорилось, что «культ» находится в противоречии с «высшим принципом» правильного руководства страной, которое как раз и определялось как «коллегиальность». Верховные руководители, члены Президиума ЦК партии с этого момента в печати перечислялись всегда просто в алфавитном порядке, а не согласно той скрытой и изменчивой иерархической шкале, сложившейся со времен Сталина, которая недолгое время сохранялась и после его смерти и в соответствии с которой Маленков и Берия ставились еще во главе списка перед всеми остальными».

Георгий Максимилианович был не прочь понизить общественный статус КПСС. То же самое пытался сделать в конце своей жизни Сталин, стараясь предотвратить абсолютную власть партократии, а также распространение коррупции среди руководителей всех рангов. Однако препятствовали этому объективные процессы, происходившие в обществе. Они, как мы уже говорили, определялись изменениями социально-экономической и духовной структуры общественного организма под действием глобальной технической деятельности человечества, преображающей и окружающую природу, и внутренний духовный мир.

Второе лицо в государстве

В судьбе Маленкова наибольшую роль после Сталина сыграли Берия и Хрущев. Не без их помощи он стал руководителем государства. Крах Берии, к которому был причастен Маленков, оказался наиболее выгодным для Хрущева. Последний позже приписал себе как эту акцию, так и реформы, инициатором которых был Маленков.

О личности, деятельности и смерти Л. П. Берии высказано много противоречивых мнений. Существует одна официальная и по меньшей мере две неофициальные версии его смерти. Не вполне ясно даже, кто был инициатором его устранения — Маленков или Хрущев.

О том, как было представлено это дело полвека назад, можно судить по выдержке из «Истории СССР. Эпоха социализма» (1958): «После смерти Сталина Берия повел линию на то, чтобы поставить Министерство внутренних дел СССР над партией и правительством. Опираясь на сообщников из аппарата МВД, Берия готовился к государственному перевороту.

В июне 1953 г. партия и правительство пресекли заговорщическую деятельность этого матерого врага советского народа и его сообщников… Берия и его помощники были арестованы и преданы суду. По приговору Высшей коллегии Верховного суда они в декабре 1953 г. были расстреляны».

С июня по декабрь — срок немалый. Если шло следствие и состоялся суд, то должны быть соответствующие документы, и в немалом количестве. Называют даже цифру: более сорока томов. Правда, все судебные заседания почему-то были строжайше засекречены. Даже теперь, через полвека, они остаются «закрытыми». Почему? Напрашивается предположение, что ни следствия, ни суда не было.

В работе С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация. Книга вторая» сказано коротко: «Первым шагом, укрепившим позиции нового руководства, была очень популярная акция: были арестованы, осуждены и расстреляны министр внутренних дел Л. П. Берия и его подручные, творившие произвол и проводившие массовые репрессии».

Однако если и были произвол и репрессии в послевоенные годы, то ответственны за них не Берия, а прежде всего Маленков и Хрущев. В данном случае, как ни странно, серьезный исследователь Сергей Георгиевич Кара-Мурза оказался под влиянием созданного хрущевской пропагандой штампа.

Тайное свержение одного из высших по рангу в

государственной иерархии лица вряд ли добавило популярности новым руководителям. Подобные жестокие схватки на верхней ступени власти, да еще проводимые втихомолку от народа, всегда вызывают серьезные подозрения. Надо ли напоминать, что судебные процессы 1937 года над крупными советскими политическими деятелями проводились открыто и в присутствии иностранных корреспондентов, писателей.

Другое дело — госпартаппарат. Теперь он был ориентирован не на «трио» у власти (Маленков — Берия — Молотов), а на оставшийся «дуэт» и примкнувшего к ним Хрущева. Но самое главное: радикальная чистка в органах государственной безопасности и понижение их статуса были выгодны прежде всего партийным функционерам. Они избавлялись от «опеки» со стороны органов внутренних дел. Более того, стали сами контролировать их. Такова была веская заявка партийной верхушки разных уровней на власть.

Почему и как происходило устранение всесильного, казалось бы, Лаврентия Павловича? Был ли он «врагом народа» и английским шпионом? Вряд ли. Тому нет никаких доказательств. Замышлял ли он государственный переворот? Трудно сказать. В таких случаях требуется привести веские обоснования злого умысла или каких-то организационных мероприятий. Подобных сведений также не существует. Да и зачем бы ему нужно было силой захватывать власть? Он и без того был вторым лицом в государстве.

Следовательно, Берию убрали как опасного свидетеля, который держит в страхе партийную номенклатуру. По некоторым признакам и свидетельству, в частности, сына Берии Серго (хотя его мнение вряд ли можно считать объективным), Хрущев и Маленков очень опасались собранного на них «компромата». А то, что таковой был, и, возможно, основательный, показывает чрезвычайно бойкое, активное, а порой и нагловатое поведение Берии после смерти Сталина. Не потому ли, что он имел документальные подтверждения их сговора для устранения вождя?

Кстати, если Лаврентий Павлович и творил произвол, то это выражалось не столько в репрессиях, сколько в массовой амнистии, а также в стремительном прекращении некоторых «политических» дел и грубых обвинениях в адрес покойного Сталина.

Есть серьезные основания считать именно Берию зачинателем «оттепели». Однако вернее все-таки определить на эту роль Маленкова. Без его ведома подобные мероприятия не могли осуществиться.

Надо ли было Георгию Максимилиановичу избавиться от Лаврентия Павловича как от опасного конкурента? Нет, ни в коей мере. Выше второго места в государстве Берия не мог подняться ни при каких условиях. Этого не допустили бы прежде всего военные. Где это видано (в те времена), чтобы во главе страны находился «жандарм»? Да и для партийной номенклатуры такой вариант был бы слишком опасным.

Нет, Берия не был настолько глуп, чтобы вылезать на первый план. Он и без того устроился прекрасно!

П. А. Судоплатов припомнил необычную озабоченность Берии еще до наступления рокового для него дня, 26 июня. (Правда, по прошествии многих лет память нередко дает сбои, подсказывая именно то, что хотелось бы.) Неужели Берия догадывался, что против него замышляют недоброе? В таком случае он имел возможность обезопасить себя, по крайней мере в пределах Кремля, куда подчиненная ему охрана не допускала вооруженных людей.

Скорее всего, агенты ему сообщили о подозрительных тайных переговорах Маленкова, Хрущева и Булганина, а может быть, еще и Жукова, Москаленко. Тем не менее он был настолько уверен в своей власти, даже упоен и убаюкан ею, что не придал этому серьезного значения. Против него трудно было выдвинуть серьезные и неопровержимые обвинения. А у него, судя по всему, имелся компромат на всех руководителей страны.

Говорят, что его вассалы выискивали по Москве красивых женщин и увозили их на утеху своему начальнику, ведя даже список таких подневольных жертв. Правда, число их называют по-разному: 100,200, а то и 700. Хотя известно, что у Берии была юная любовница, у нее был ребенок, и Берия им регулярно передавал деньги. (У Булганина, как выяснилось, «наложниц» тоже было предостаточно, и преимущественно из «области балета».)

Совсем не исключено, что Берия, в ту пору нестарый (чуть за пятьдесят), хотя и погрузневший, впал в сексуальное неистовство, набрасываясь на всех женщин, которых доставляли ему в особняк или служебный кабинет. Обычно так и принято считать. Но есть основания в этом усомниться. Как выяснилось во время следствия, они с женой еще с довоенного времени или с первых лет Отечественной войны сохраняли супружеские отношения лишь формально. Жена отказалась удовлетворять его сексуальные потребности по меньшей мере с тех пор, когда он заболел сифилисом, или даже раньше.

Что в таком случае остается делать мужчине, не страдающему импотенцией? Он постарается обходиться

случайными внебрачными связями или постоянной любовницей. Второй вариант для Лаврентия Павловича при его должностях был весьма затруднен. Приходилось пользоваться услугами тех секретных сотрудниц, которые были не прочь быть в интимных отношениях со вторым лицом в государстве.

В любом случае приходится помнить, что он был руководителем тайных служб или сверхсекретного атомного проекта. Вряд ли он дошел до того, что для удовлетворения похоти принимал в служебном кабинете случайных «посетительниц». Это поставило бы его под удар и даже, пожалуй, было совершенно недопустимо для столь засекреченного деятеля. Неужели он был настолько неосторожен? Ведь его чрезвычайно легко было поймать «на месте сексуального преступления» и обвинить в моральном разложении, а то и в отсутствии бдительности.

Говорят, к нему действительно привозили женщин, преимущественно красивых, которые были агентами МГБ. Не исключено, конечно, что некоторые из них уступали ему. Впрочем, в любом случае, даже если он был гнусным развратником и морально нечистоплотным (что вполне вероятно), это еще не доказывает его политических преступлений, измены Родине.

В книге В. Ф. Некрасова «Тринадцать «железных» наркомов» приведен отрывок из стенограммы допроса Берии, проведенного Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко.

«Вопрос. Признаете ли вы свое преступно-моральное разложение?

Ответ: Есть немного. В этом я виноват.

Вопрос: Вы признаете, что… дошли до связей с женщинами, связанными с иностранными разведками?

Ответ: Может быть, я не знаю.

Вопрос: По вашему указанию Саркисов и Надария вели список ваших любовниц. Вам предъявляется 9 списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?

Ответ: Большинство женщин, которые значатся в этих списках, это мои сожительницы…

Вопрос: Кроме того, у Надария хранились 32 записки с адресами женщин. Вам они предъявляются. Это тоже ваши сожительницы?

Ответ: Здесь есть тоже мои сожительницы…

Вопрос: Вы сифилисом болели?

Ответ: Я болел сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения…»

Таковы более или менее официальные материалы. Если они и

фальсифицированы, то умело. Во всяком случае ответы Берия (реального или виртуального) вполне правдоподобны. А вот как отозвался о нем на суде его бывший заместитель и соратник Б. З. Кобулов:

«…Берия — карьерист, авантюрист и бонапартист. Все это после смерти И. В. Сталина выявилось гораздо резче, чем раньше… Я назвал его «Бонапартом». Я излагаю свое мнение. Это действительно заговорщик. Он присвоил себе партийный стаж, он не состоял в партии с 1917 года. Еще не зная всех документов дела, я сказал, что он далек от Коммунистической партии и что он фактически не был коммунистом. Если даже взять только тома дела о разврате Берии, то становится стыдно за себя. Это грязно, подло. Морально-политическое разложение Берии привело его к логическому концу».

Чувствуется, что говорит человек, над которым нависла угроза смертной казни (она вскоре состоялась). Но и в этом случае, назвав Берию заговорщиком, Кобулов в подтверждение вдруг вспомнил о сомнительной дате вступления обвиняемого в партию 36 лет назад. Как это расценивать? И если имеются основания говорить о моральном разложении, то за это не расстреливают.

Вот и сам Берия на суде каялся: «Самым тяжким позором для меня, как гражданина, члена партии и одного из руководителей, является мое бытовое разложение, безобразная и неразборчивая связь с женщинами. Трудно представить все это. Пал я мерзко и низко… Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровергать».

Правда, Серго Берия утверждал, что ничего подобного его отец не говорил, ибо убит был еще до суда (эту версию мы еще рассмотрим). Но бывший министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов на том же суде высказал такую версию, предъявив серьезное обвинение:

«Пытаясь сыграть на эротизме своего поведения, Л. П. Берия, возможно, определяет истинную причину «самоослепления» — похотливость… Однако не исключено, что это своеобразный маневр, чтобы отвлечь следствие и суд хотя бы частично от своей главной вины — преступного преследования и уничтожения честных людей. Кстати, по этому поводу у Л. П. Берия тоже имеются личные признания».

И в данном случае о заговоре Берии с целью захвата власти ничего не сказано. Вполне возможно, Лаврентий Павлович был замешан в гибели многих ни в чем не повинных людей. Но тогда было бы необходимо провести тщательное расследование каждого такого эпизода с доказательством вины обвиняемого. Такая

работа следствия растянулась бы на многие месяцы, и только затем должен был состояться суд.

Приходится сделать вывод: устранение во второй половине 1953 года второго лица в руководстве СССР произошло незаконно. Если и состоялся над ним закрытый суд, то на нем не было доказано ни одного преступления обвиняемого, заслуживающего смертной казни.

Почему же руководители страны пошли на такой беспрецедентный шаг? Вновь приходится вернуться к версии о существовании секретных материалов, компрометирующих высших должностных лиц.

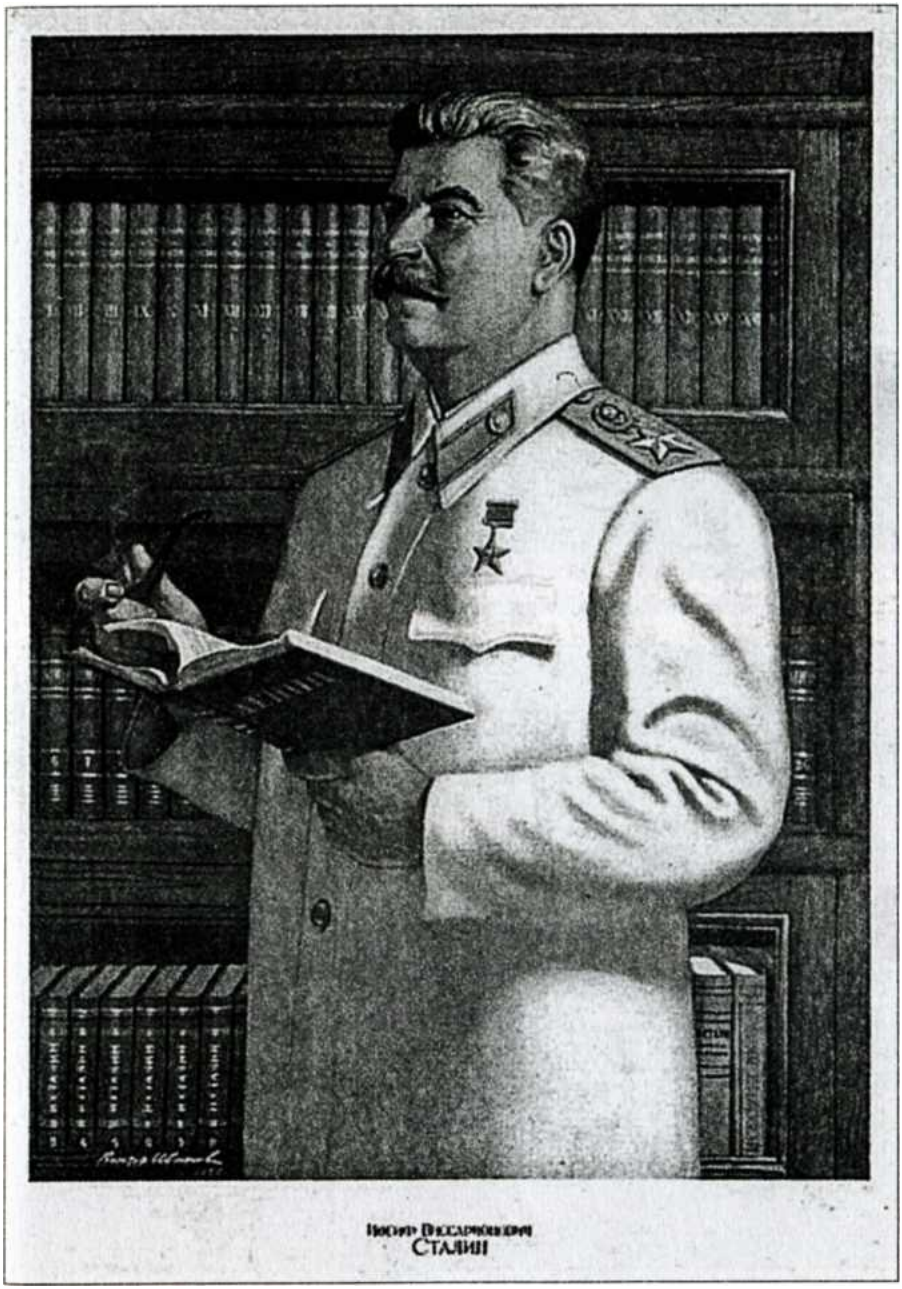
Георгий Максимилианович Маленков — едва ли не самый загадочный персонаж в отечественной истории XX века

Г. Г. Ягода

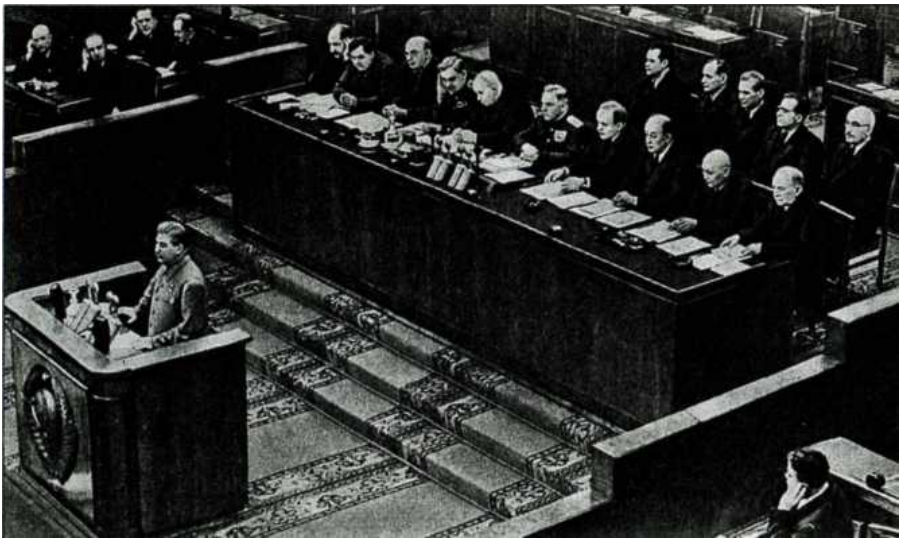
Н. И. Ежов

В.С. Абакумов

Л. П. Берия



Плакат: «Иосиф Виссарионович Сталин». 1950-е гг.



Заключительное заседание XIX съезда ВКП (б). Выступление И. В. Сталина

Плакат: «Слава великому Сталину — зодчему коммунизма!». 1950-е гг.

Плакат: «Великий Сталин — знамя дружбы народов». 1950-е гг.

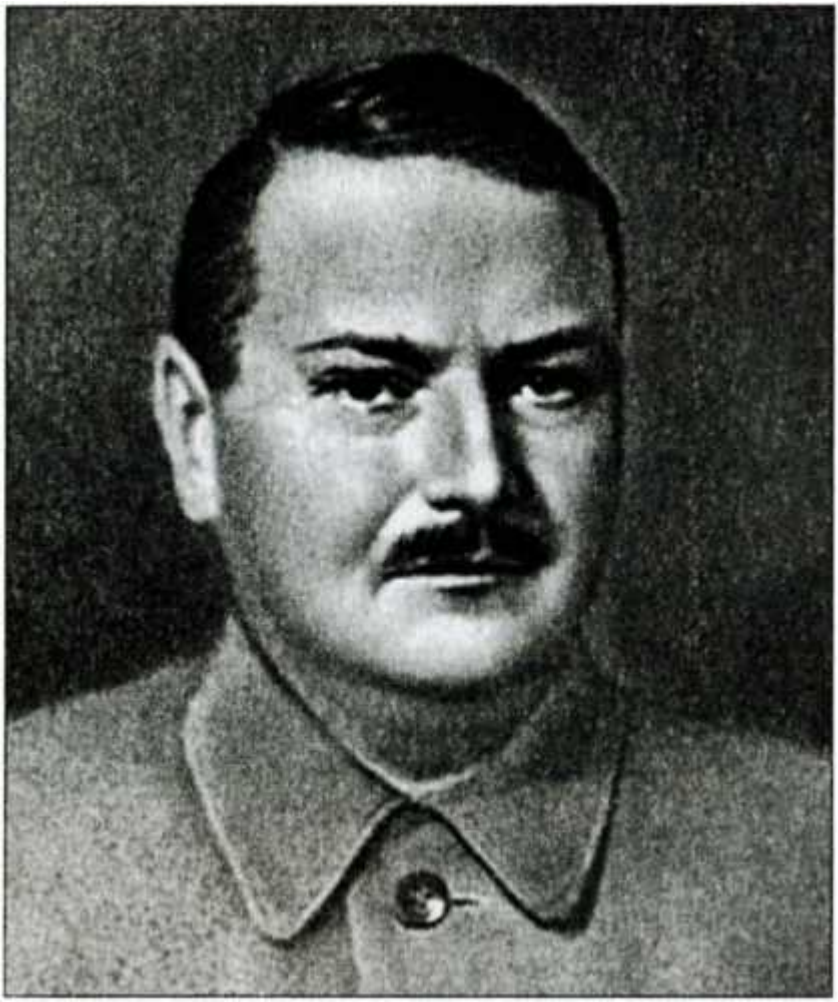
Плакат: «Под водительством великого Сталина — вперед к коммунизму!». 1950-е гг.

На роль «наследника» Статна могли всерьез претендовать, не считая Молотова, только Маленков и Берия

Если Маленков был первым претендентом на пост главы правительства, то Берия мог после смерти вождя рассчитывать на руководство МГБ и даже надеяться стать Генеральным секретарем партии

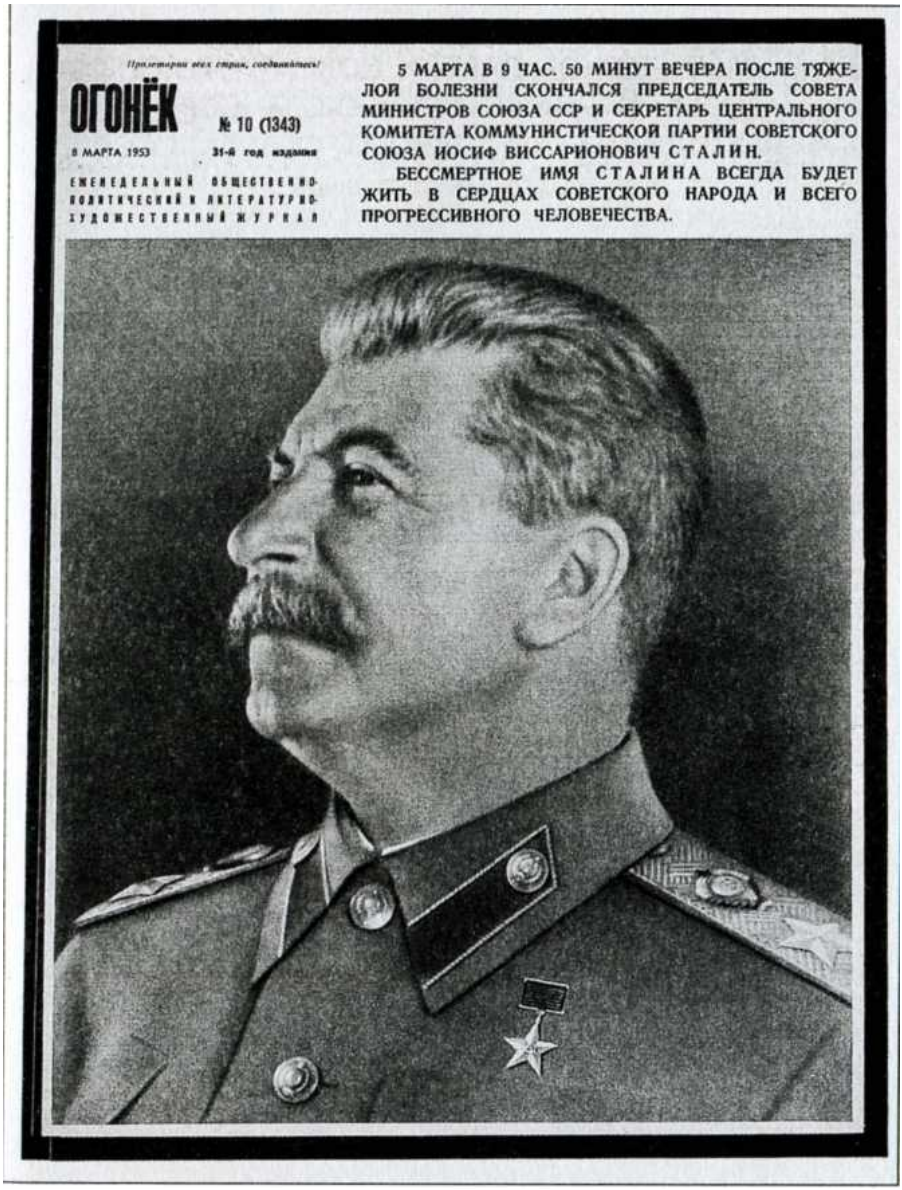
И. Л. Сельвинский

К.М. Симонов



После войны А.А. Жданов фактически стал вторым лицом в партии после Сталина

В. М. Молотов не питал симпатии к Маленкову, а то и просто был к нему враждебно настроен


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 10 (1343)
8 МАРТА 1953
31-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
5 МАРТА В 9 ЧАС. 50 МИНУТ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ СКОНЧАЛСЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.
БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ СТАЛИНА ВСЕГДА БУДЕТ ЖИТЬ В СЕРДЦАХ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ВСЕГО ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Титульный лист журнала «Огонек» от 8 марта 1953 г. с сообщением о смерти И. В. Сталина

Гроб с телом И. В. Сталина

Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов у гроба И. В. Сталина

Вынос гроба с телом И. В. Сталина

Г. М. Маленков и другие руководители партии и правительства на трибуне мавзолея Ленина — Сталина

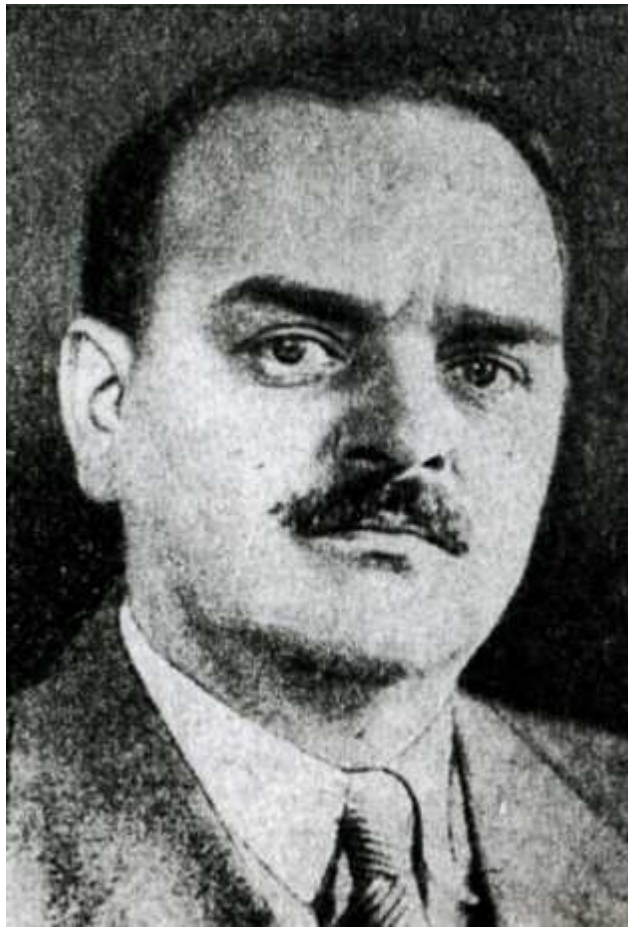
Г. К. Жуков поначалу был человеком Маленкова, а впоследствии стал его противником

В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Поскребышев, Н. С. Хрущев, Л. И. Микоян на даче И. В. Сталина. 1950-е гг.

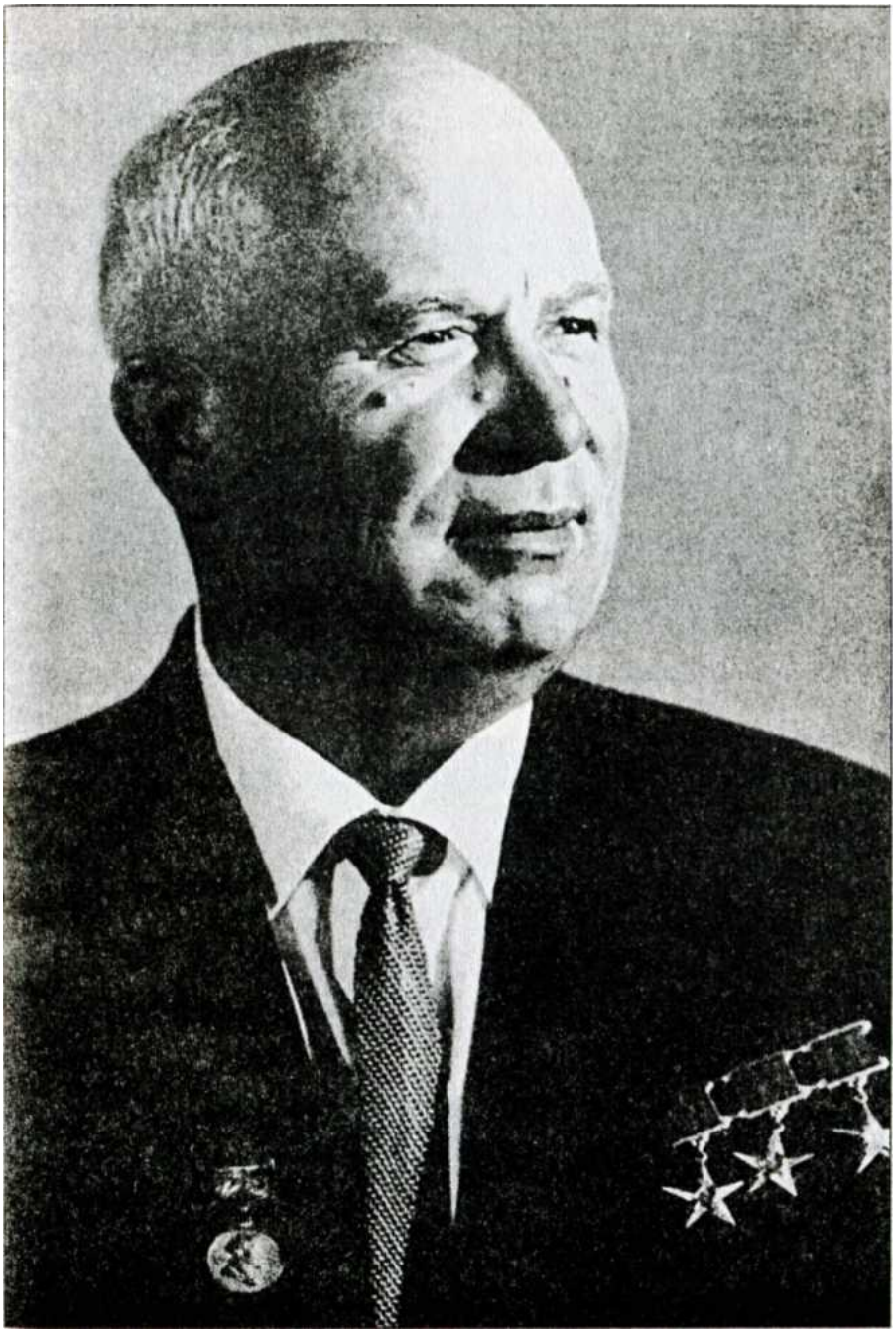
Н. С. Хрущев на трибуне XX съезда КПСС

Р.А. Руденко

Н.А. Булганин



Н. М. Шверник



В борьбе за власть именно И. С. Хрущев оказался в итоге победителем

Экибастузская ТЭЦ в Казахстане. Современный вид

Могила Г. М. Маленкова на Кунцевском кладбище

…Сына Берии после гибели отца заключили в Лефортовскую тюрьму. Там, как он свидетельствовал, его дважды посетил Маленков. В первый раз он потребовал от Серго дать показания на родителей, но получил решительный отказ. А второй раз разговор происходил иначе.

«— Хорошо. Может, в другом ты сможешь помочь? — как-то очень по-человечески он это произнес. — Ты что-нибудь слышал о личных архивах Иосифа Виссарионовича?

— Понятия не имею…

— Ну как же… У отца твоего тоже ведь архивы были, а?

— Тоже не знаю, никогда не слышал.

— Как не слышал?! — тут Маленков уже не сдержался. — У него должны быть архивы, должны!

Он очень расстроился. Все стало предельно ясно: им нужны

архивы, в которых могли быть компрометирующие их материалы».

Серго слышал от отца, что Сталин держал в сейфе какие-то бумаги. Видно, они были Маленкову чрезвычайно важны. Тот, у кого они оказались бы, приобрел бы над ним огромную власть. И на Хрущева там должны были быть обличительные материалы. Но он как будто не проявлял особого беспокойства. Не к нему ли они попали? Или оказались у преданных ему людей?

Так или иначе, для Маленкова эти поиски не увенчались успехом, возможно, в какой-то мере предопределив его падение. На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после устранения Берии, главным выступающим был Хрущев. Как пишет Н.А. Зенькович: «Затем к трибуне подошел Н.Н. Шаталин. Он сообщил, что специальная комиссия обследовала рабочий кабинет Берии, приемную, дачу и квартиру, огласил результаты. Найдены документы, порочащие ряд деятелей, включая несколько членов высшего руководства… Все это говорит о том, что Берия следил за другими членами руководства страны, накапливал доказательства для того, чтобы при удобном случае уничтожить этих людей. Говоря о моральном облике, нравственном уровне Берии, упомянул, что в его сейфах обнаружены дамские веши, даже нижнее белье».

Обратим внимание на то, что все-таки были найдены документы (а не просто записи или фальшивки), порочащие неких высших руководителей. И сказано, что накапливались доказательства (а не слухи или домыслы), на основе которых можно уничтожить, а не просто опозорить или хотя бы оклеветать этих людей.

Удивляет пикантная подробность: в сейфе хранилось дамское нижнее белье. Что бы это значило? Сексуальная патология? Памятные сувениры? Подарки посетительницам? Так, может быть, Лаврентию Павловичу требовался врач, а не палач?

Короче говоря, не очень-то сходятся концы с концами. Если уж Берия был настолько морально низок и нечистоплотен, то почему бы не воспользоваться его пороками и не судить его за это? Членов партии частенько обвиняли в бытовом разложении, а Берию еще вдобавок можно было уличить в насилиях, злоупотреблении служебным положением, нарушении правил секретности…

Правда, за подобные преступления вряд ли можно присудить к высшей мере наказания. А требовалась только она. Вот и пришлось ограничиться только слухами, сплетнями, голословными утверждениями. Пришлось идти на явное нарушение законности, совершить преступление —

предумышленное убийство.

В опубликованных материалах суда над Берией приведены его слова:

«Я должен сказать вам, что изменником и заговорщиком я никогда не был и не мог им быть. У меня и в мыслях не было, и я не помышлял даже, чтобы ликвидировать советский строй и реставрировать капитализм…

Я никогда ни с какими иностранными агентами и контрреволюционными грузинскими меньшевиками связей в контрреволюционно-преступных целях не имел. Всякие связи, какие у меня были, шли по линии МВД СССР».

Все это похоже на правду. Таковы, пожалуй, наиболее убедительные свидетельства того, что по крайней мере какое-то подобие следствия и суда над Берией было и некоторые его высказывания имели место. Где и когда — другой вопрос.

Интересно, что поборники прав человека и «правового государства» предпочитают не затрагивать столь скользкую тему. Для них «гигантом мысли и отцом русской демократии», разорвавшим путы сталинщины, стал не Маленков, а Никита Сергеевич Хрущев. Утверждается, — с его слов, — что именно он сверг преемника и верного последователя Сталина Л. П. Берию, установив «оттепель». Странным образом умалчивается о роли во всем этом Маленкова.

Попытаемся разобраться в этом запутанном деле. Хотя сразу же придется признаться в существовании противоречивых свидетельств и слишком незначительном количестве достоверных фактов.

Устранение Лаврентия Берии

Через два дня после ареста Л. П. Берии брат Судоплатова Константин (сотрудник МВД, его жена работала в секретариате Маленкова в Кремле) рассказал о том, что всесильного министра внутренних дел и маршала госбезопасности арестовали маршал Г. К. Жуков с несколькими генералами. Произошло это на заседании Пленума ЦК партии. Арестованного поместили в бункер штаба Московского военного округа.

«От Константина я узнал, — писал Судоплатов, — что в Кремле (вещь совершенно беспрецедентная!) появились более десяти вооруженных генералов из Министерства обороны, которых вызвали в Президиум ЦК КПСС. По приказу Серова и Круглова, первых заместителей Берии, охрана правительства передала им несение боевого дежурства в Кремле. Среди них был и Брежнев, заместитель начальника Главного политуправления Советской армии и ВМФ.

…Было ясно, что за переворотом в Кремле стоял Хрущев, и арестовали Берию его люди, не Круглов и Серов… а военные, подчинявшиеся непосредственно Булганину, который, как было известно всем, являлся человеком Хрущева».

Вот и Судоплатов запамятовал, что был еще Маленков, занимавший более высокий пост, чем Булганин и Хрущев, как говорится, вместе взятые. Без его согласия и активных действий арестовать Берию было бы невозможно. Хрущев и Булганин, даже заручившись поддержкой Жукова, не решились бы на такую акцию.

Произошел самый настоящий военный переворот. Но был он редкого или даже небывалого типа: в результате к власти пришла не военная элита, а партийные деятели. Получилась вооруженная акция, имевшая целью убрать слишком опасного государственного деятеля, имевшего компрометирующие материалы на высших должностных лиц, включая некоторых маршалов, в частности Булганина и Жукова.

Наибольшую изворотливость и предусмотрительность проявил Хрущев. В союзе со своим давним другом Берией он сначала избавился от Игнатьева, ослабив таким образом позиции его патрона Маленкова. Вдобавок, как писал Судоплатов, «Хрущев умудрился в последний год правления Сталина внедрить четырех своих ставленников в руководство МГБ — МВД: заместителями министра стали Серов, Санченко, Рясной и Епишев».

В союзе с Маленковым, Булганиным и Жуковым Хрущев сверг Берию, став как бы идейным вождем этого странного переворота.

Чтобы обеспечить и закрепить эту победу, потребовалось скоропостижно заменить Генерального прокурора Сафонова. Вместо него Хрущев сумел внедрить на этот пост своего ставленника Руденко. Это означало, что если и будет суд над Берией, то тайный и, как говорится, с летальным исходом заведомо.

Но состоялся ли суд вообще? Если происходило следствие, то наверняка не удалось добиться у обвиняемого признания в наиболее тяжких из совершенных или замышлявшихся преступлениях. В противном случае эти материалы были бы преданы огласке. Неужели Лаврентий Павлович, которого уличали в грязном разврате, гнусных подлогах, зверских пытках заключенных, смог бы выдержать мучения, издевательства и, вполне возможно, истязания, так и не дав требуемых показаний?

Со временем возник и другой вопрос: а был ли он арестован? И даже есть сомнения в обоснованности его характеристики как изувера и сексуального маньяка. Скажем, его сын Серго утверждал, что нет буквально никаких документов, подтверждающих эти наветы. Конечно, сын естественно борется за честное имя убитого отца. Но ведь такие документы вроде бы действительно отсутствуют.

Об аресте и последних месяцах жизни Л. П. Берии был показан документальный телефильм, повторивший официальную версию, но без каких-либо видеоматериалов, ее подтверждающих. Странно…

В еженедельнике «Неделя» (№ 22, 1997) было опубликовано записанное С. Горяйновым свидетельство доктора технических наук А. Веденина, который учился в 1952–1953 годах под Москвой на курсах, где формировалось спецподразделение МВД:

«…К нам стали поступать агентурные материалы на Берию и его ближайшее окружение. Это досье привозил человек Круглова, первого заместителя Берии, которого мы знали под именем Николая Коротко… Было разработано несколько сценариев ликвидации.

…26 июня, примерно в 6 утра, нам сообщили, что операция будет проведена сегодня. Вначале предполагалось, что будет использован вариант «Автокатастрофа», но к 8 часам поступила команда на вариант «Особняк».

К 10 часам на трех «Победах» мы подъехали к дому Берии на Качалова, 28. Группой руководил Коротко. Круглов позвонил Берии по ВЧ и договорился, что Коротко привезет секретные документы и будет с охраной из трех человек. На этот час нам уже было известно, что кроме самого Берии в особняке было четыре человека. Коротко и трое «сопровождающих» из нашей

группы были беспрепятственно пропущены внутрь здания, остальные заняли оговоренные схемой операции позиции у фасада и во внутреннем дворе. Спустя две-три минуты раздалось несколько выстрелов — я слышал пять, может быть шесть…

Я находился рядом с окнами кабинета Берии, выходящими во двор. Две пули, пущенные изнутри кабинета, разбили стекла второго окна от угла здания. Через несколько минут Коротко вышел наружу и скомандовал — всех в дом. Убитых было трое: два охранника и сам Берия, у нас потерь не было, сказалась подготовка и неожиданность акции… Все документы из дома Берии увез Коротко, а мы вернулись на подмосковную базу. Какова дальнейшая судьба архива Берии, я не знаю, но предполагаю, что все, что произошло в дальнейшем с Кругловым, имеет связь с этими документами».

Что же произошло с Кругловым? Вот как отвечает на этот вопрос Н.А. Зенькович: «В 1956 году сорокадевятилетний генерал-полковник Круглов Сергей Никифорович был снят с поста министра, в 1957 году уволен из кадров МВД, в 1960 году исключен из КПСС. В 1959–1966 годах получал не генеральскую пенсию, как это положено, а сорокарублевую пенсию по линии органов социального обеспечения, был переселен с семьей в двухкомнатную квартиру. Шестого июня 1977 года Круглова сбил пригородный электропоезд. Уголовное дело по факту гибели было закрыто через два дня. Происшествие квалифицировано как «несчастный случай».

Наиболее подробно описан арест Берии в Кремле в воспоминаниях Хрущева. Он даже постарался представить себя как будущую жертву коварного мингрела: «Я понимал, что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мной первым, когда наступит время».

Получается, будто над кристально чистым коммунистом Хрущевым нависла смертельная опасность. Правда, между ним и Берией сохранялись дружеские отношения, но это была лишь видимость. Только не ясно, зачем Лаврентий Павлович хотел избавиться от Никиты Сергеевича? Как бы не наоборот! А может быть, Берия обсуждал с ним планы возможного смещения Маленкова?

В таком предположении нет ничего невероятного. А Хрущев, подозревая, что это может быть провокацией, сообщил об этих разговорах Маленкову, чтобы показать ему свою преданность (не так ли он действовал раньше при Сталине?). Тогда у них и мог созреть план ликвидации Берии. В этом случае именно Хрущев поднимался на одну ступеньку выше в своей карьере. Из

карьерных соображений только он был заинтересован в такой акции. Хотя, как мы уже говорили, не эта причина могла быть главной. Как проговорился в своих мемуарах Хрущев, Берия собирал материалы о его деятельности на Украине. А там, как известно, Хрущев производил репрессии так свирепо, что его пыл приходилось остужать из Москвы.

Как писал Хрущев: «Мы договорились с Маленковым начать действовать в день заседания Президиума Совета Министров» (в них он тоже принимал участие как секретарь ЦК КПСС). На нем, по договоренности с Маленковым, он взял слово и предложил обсудить вопрос о товарище Берии. Все начали высказываться критически, и только Микоян заявил: Берия не безнадежный человек, учтет критику и будет полезным членом коллектива. Однако Хрущев, по его словам, внес предложение освободить товарища Берию от всех занимаемых им постов. После некоторого замешательства Маленков нажал секретную кнопку и вызвал военных во главе с Жуковым, которые, как было подготовлено заранее, находились в соседней комнате.

Далее Хрущев сообщает: «Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берию.

Жуков скомандовал Берии:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берию схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежит в портфеле».

Правда, в портфеле оказались бумаги, но все равно Никита Сергеевич не умолчал о своем мужественном поступке (не за это ли ему через десять лет вручили Золотую звезду Героя Советского Союза?).

Правда, К. С. Москаленко писал, что он направил оружие «прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его… Все это произошло так неожиданно для Берии, что он полностью растерялся. При аресте в его портфеле был лист бумаги, весь исписанный красным карандашом — «Тревога, тревога, тревога»… Видимо, когда начали говорить о Берии на заседании да еще критиковать его действия, он сразу почувствовал опасность и имел в виду передать этот лист охране Кремля».

А вот версия Г. К. Жукова:

«Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы

обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, командую:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел…

У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли уж не помню у кого… Когда Берия встал, я смахнул его набитый бумагами портфель, и он покатился подлинному полированному столу».

Как видим, показания свидетелей расходятся, и подчас существенно. А портфель, катящийся по длинному полированному столу, выглядит картинно и не слишком правдоподобно. Да и как можно приподнять грузного человека, заломив ему руки за спину? И как можно видеть его лицо, если стоишь сзади?..

Увы, вопросов возникает немало. Во всей операции по «ликвидации» Берии слишком много странностей, противоречий и недосказанности. С трудом верится хитрецу Никите Сергеевичу. Каким образом он сумел втайне от Берии (который, по-видимому, проявлял тогда озабоченность) организовать заговор с участием не менее двух десятков лиц? Разумней и надежней было бы убить Берию, а не задерживать его в Кремле, везти по Москве, держать в заключении. Всякое ведь могло случиться при этом.

Хрущев говорил, что Берия писал ему покаянные письма, моля о пощаде. Но где же эти вовсе не секретные документы? Почему бы Хрущеву не вынести их на всеобщее обозрение, дабы окончательно разоблачить подлого и трусливого врага?!

С. Л. Берия утверждает: «Мой отец Лаврентий Павлович Берия ни писать «покаянных» писем рвавшемуся к власти товарищу Хрущеву, ни соответствующих показаний давать не мог, потому что был убит 26 июня 1953 года в городе Москве без суда и следствия. А было это так. Его вызвали в Кремль на заседание, но заседание почему-то отложили, и отец уехал домой. Обычно он обедал дома».

Далее, по его словам, он, Серго Берия, находившийся на работе, был вызван к телефону. «Звонил летчик-испытатель Ахмет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза… Серго, — кричит, — у вас дома была перестрелка. Ты все понял? Тебе надо бежать, Серго! Мы поможем…»

Но Серго отказался. Он поехал домой. «Сразу же бросились в глаза разбитые стекла в окнах отцовского кабинета. Значит, действительно стреляли… Охрана личная у отца была — по пальцам пересчитать. Не было, разумеется, и настоящего боя. Все

произошло, как он понимал, неожиданно и мгновенно… Когда возвращался к машине, услышал от одного из охранников: «Серго, я видел, как на носилках вынесли кого-то, накрытого брезентом…»

…Я думал о том, что только что услышал. Кто лежал в носилках, закрытых брезентом? Спешили вынести рядового охранника? Сомнительно».

В принципе ничего в таком предположении сомнительного нет.

Ну а все-таки как это могло произойти? Какая версия наиболее правдоподобна?

Не исключено, что они совместимы. Арест Берии в Кремле (если он там произошел) должен был сопровождаться захватом его особняка, где могла возникнуть перестрелка.

Надо исходить из того, что заклятые друзья Берии, прежде всего Маленков и Хрущев, стремились избавиться не только от соперника в борьбе за власть, но и от собранных им документов, которые уличали их в преступлениях. Поэтому бериевский особняк в любом случае требовалось захватить и тщательно обыскать. Такая операция была проведена, и остается только предполагать, застрелили тогда хозяина дома или кого-либо из его приближенных.

Если Берию арестовали в Кремле, то могли вскоре застрелить. Хотя это было нецелесообразно, пока не обнаружились его материалы, компрометировавшие высших руководителей партии и государства. Тогда его следовало строго охранять, добиваясь покаянных показаний и выдачи «компромата». По этой причине «брать» Берию имело смысл в особняке, чтобы тут же добраться до его секретного архива. Если же Лаврентий Павлович попытался оказать сопротивление, то его вынуждены были застрелить…

В общем, вероятны несколько сценариев устранения Берии. И в любом случае акция была незаконной, в стиле кровавых дворцовых интриг. Н.А. Зенькович отмечал: «По официальной версии Берия был расстрелян 23 декабря 1953 года. Однако и здесь немало темного». Он сравнил два акта: о казни Берии и о казни его соратников и сделал вывод: «В первом нет констатации факта смерти Берии врачом. В отношении фигур второстепенных — пожалуйста, есть, а в отношении главного действующего лица констатация смерти врачом отсутствует. Забыли второпях?»

По словам Серго Берии, маршал Жуков в аресте его отца участия не принимал… Член суда Шверник признался Серго Берии: «Живым твоего отца не видел. Понимай как знаешь, больше ничего не скажу». А другой член суда, бывший секретарь

ЦК Михайлов сказал более откровенно: «В зале суда сидел совершенно другой человек». Но дальше продолжать разговор на эту тему отказался».

В этой криминальной истории главное, конечно, в самом факте политического преступления. Складывается впечатление, что крупнейшие партийные и государственные деятели СССР накапливали исподволь «тайное оружие» — компромат друг на друга (в политике, как в бизнесе, нет друзей, а есть интересы). Это заставляло их сдерживаться, остерегаться посягать на слишком высокий пост, на место вождя. Сталин это понимал, а потому настаивал на коллективном руководстве после его ухода.

Первым стал претендовать на роль лидера Маленков, и его попытался урезонить Берия. В борьбе за власть один из соперников (наиболее опасный для многих) был убит. Но и другой ослабил свои позиции, ибо с устранением шефа спецслужб на первый план вышли партия и армия.

В народе происходившие события отразились в виде частушки:

Берия, Берия
Потерял доверие,
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Продолжение реформ

Наиболее полное представление о взглядах Маленкова на внутреннюю и внешнюю политику советского правительства, на развитие народного хозяйства страны и улучшение жизни народа дает анализ его выступления 8 августа 1953 года на пятой сессии Верховного Совета СССР.

Как всякое официальное выступление главы правительства, оно преследовало, безусловно, и пропагандистские цели, было выдержано в казенном стиле. Иначе не бывает. В сущности, это первое и, пожалуй, последнее развернутое изложение тех принципов, на которых предполагалось строить социалистическое государство в новых условиях, без Сталина.

В докладе Маленкова есть немало умолчаний, не всегда оправданных. Например, у нас были засекречены цифры числа заключенных, количества преступлений, убийств и самоубийств. Эту тему Георгий Максимилианович предпочел не затрагивать.

На мой взгляд, это было большой ошибкой. Ее использовал, в частности, Хрущев, в несколько раз преувеличивший число узников ГУЛАГа в стремлении очернить Сталина. Только 15 лет назад, когда данные официальных материалов были опубликованы, стало ясно, что даже на 1 января 1938 года число политических заключенных в стране составляло 185 тыс. (всего в ГУЛАГе находилось 1317 тыс. человек).

Итак, по крайней мере в открытом для массовой печати докладе Маленков говорил не всю правду. Но приводимые им бюджетные показатели не могли быть сколько-нибудь существенно искажены. Во-первых, подобные манипуляции вредят самому руководству, ибо оно теряет возможность реально управлять государством. Во-вторых, «приписки» можно обнаружить при внимательном анализе и перекрестных проверках (основные характеристики бюджета СССР интересовали многие страны, специалисты которых не принимали на веру наши официальные показатели). В-третьих, сама жизнь через недолгий срок неизбежно проверяет, насколько планы отвечают действительности.

Тем, кого не удовлетворяют разумные доводы, остается посоветовать обратиться к зарубежным источникам: в частности, существуют статистические данные ООН, которые можно считать более или менее объективными.

По словам Маленкова: «Всего на финансирование народного хозяйства в текущем году будет направлено свыше 290 млрд рублей против 265 млрд рублей в 1952 году. При этом следует

иметь в виду, что в результате проведенного снижения цен покупательная способность рубля повысилась, и, следовательно, размер финансирования народного хозяйства реально увеличивается еще больше».

Расходы на оборону были предусмотрены в сумме 110,2 млрд рублей (20,8 % всех расходов бюджета против 23,6 % в 1952 году). По-видимому, сюда не вошли значительные косвенные расходы, в частности на создание баллистических ракет, водородного оружия. Впрочем, я могу ошибаться.

На просвещение, здравоохранение, социально-культурные мероприятия, на пенсии и выплаты по займам планировалось потратить 139,5 млрд рублей против 129,6 млрд в прошедшем году. Дополнительно население получало 46 млрд рублей за счет снижения государственных розничных цен.

Правда, за последние годы нередко приходилось слышать, будто снижения цен были неэффективны, а расходы на социальные нужды минимальны. Как очевидец могу твердо утверждать: это — ложь. В те годы повышался уровень материального обеспечения именно трудящихся. Образование и просвещение в СССР находились на высочайшем мировом уровне.

Уменьшение смертности и увеличение средней продолжительности жизни бесспорно доказывали: благосостояние народа неуклонно улучшалось. Люди верили в счастливое будущее. Точно так же, как снижение этих объективных и комплексных показателей в России за последние 15 лет убедительно свидетельствует об обратном.

По сравнению с довоенным 1940 годом общий потенциал промышленности в 1953 году был примерно в два с половиной раза больше. Наиболее значительный рост наблюдался в производстве цемента (шло колоссальное строительство), электроэнергии, химической продукции, машин и оборудования. Однако производство предметов потребления на этом фоне значительно отставало, хотя и превышало примерно в полтора раза довоенный уровень.

За 28 лет, прошедших после XIV съезда партии,[1] выпуск промышленной продукции возрос в 29 раз. Появились в стране тракторная, автомобильная, авиационная и станкостроительная промышленность, были созданы новые индустриальные центры в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в районах Европейского Севера, в Казахстане, в республиках Средней Азии и Закавказья. Грузооборот всех видов транспорта возрос в 13 раз.

Тем не менее, как признал Маленков, возросла диспропорция между производством средств производства и средств потребления. По сравнению с довоенным уровнем первые

увеличились в три с лишним раза, а вторые — лишь на 72 %. «До сих пор, — сказал он, — у нас не было возможностей развивать легкую и пищевую промышленность такими же темпами, как тяжелую промышленность. В настоящее время мы можем и, следовательно, обязаны в интересах обеспечения более быстрого повышения материального и культурного уровня жизни народа всемерно форсировать развитие легкой промышленности».

Враги советской власти в наше время ставят эту диспропорцию в вину коммунистам и Сталину. Мол, так выразилось их презрение к простому народу, пренебрежение его насущными нуждами. И другое обвинение: были изгнаны из страны или уничтожены лучшие интеллектуальные силы, подавлена религиозность, а следовательно, и духовная жизнь общества.

Как показали события, прежний курс на индустриализацию, пусть даже за счет огромного напряжения сил народа при неизбежности материальных лишений, оказался совершенно верным. Только так удалось укрепить страну и подготовить к войне с фашизмом. Без этого мы не смогли бы победить, став легкой добычей врага.

Материальные трудности и гонения на традиционную религию не подорвали доверие народа к коммунистической партии, сталинскому курсу и практически не сказались на культурном уровне населения. Это доказала Великая Отечественная война. Фашисты рассчитывали на моральное поражение советского народа после первых мощнейших ударов вермахта и страшных поражений Красной армии.

Как известно, 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии Сталин поднял последний тост: «За здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». Он откровенно сказал, хотя никто его к этому не принуждал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1945 годах… Иной народ мог бы сказать правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие».

Вдумайтесь в эти слова. В них та правда, которая напрочь

сметает все нагромождения лжи о каком-либо кризисе сталинской государственной системы, социалистического общества. Та страна, которую он оставил своим «наследникам», была необычайно прочна и перспективы ее были великолепны.

После страшнейших испытаний военного времени и послевоенной разрухи появилась возможность развернуть мирное строительство и позаботиться об удовлетворении, как писал Сталин, возросших материальных и культурных потребностей советского народа. Об этом и заявил Маленков:

«Правительство и Центральный Комитет партии считают необходимым значительно увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой и, в частности, рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства и поправить в сторону значительного увеличения задания по производству предметов народного потребления; шире привлечь к производству предметов потребления машиностроительные и другие предприятия тяжелой промышленности.

Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами — мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода, значительно поднять обеспеченность населения всеми товарами народного потребления. *(Бурные аплодисменты)».*

Было сказано и о том, что требуется для этого: «Мы прежде всего должны позаботиться о дальнейшем развитии и подъеме сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а легкую промышленность — сырьем».

Он не скрывал существовавшие недостатки: «У нас имеется еще немало колхозов и целых районов, где сельское хозяйство находится в запущенном состоянии; во многих районах страны колхозы и совхозы собирают низкие урожаи зерна и других сельскохозяйственных культур и допускают большие потери при уборке; вследствие слабого развития общественного хозяйства часть колхозов имеет еще недостаточные натуральные и денежные доходы и мало выдает колхозникам на трудодни денег, зерна и других продуктов.

Надо признать, что с развитием животноводства дело обстоит неблагополучно, и в связи с этим мы еще далеко недостаточно удовлетворяем растущие потребности населения в мясе, молоке, яйцах и других продуктах животноводства».

Как видим, никакого приукрашивания реального положения

дел и радостных рапортов Маленков себе не позволил. Он даже подчеркнул, что надо иметь богатый урожай в амбарах, а не на корню (такой подменой грешило немалое количество колхозов, тем самым давая завышенные показатели полученной продукции).

Какие меры следует предпринять, чтобы исправить положение? Маленков предложил повысить материальную заинтересованность колхозников в увеличении производства картофеля, овощей и развитии животноводства. Для этого требовалось поднять заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые государству в порядке обязательных поставок. Организовать закупки излишков сельскохозяйственных продуктов по повышенным ценам. Широко развернуть колхозную торговлю на рынках и через потребительскую кооперацию. При этом розничные цены в торговле не увеличивать, а по возможности снижать.

Так с полной очевидностью проявлялись преимущества плановой, жестко управляемой социалистической системы. Она позволяла улучшать жизнь трудящихся, а не торговцев, ловких перекупщиков и прочих «бизнесменов». В то же время Маленков предлагал облегчить жизнь колхозникам, значительно снизив нормы обязательных поставок с личного подсобного хозяйства, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого двора и снять полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет. Эти его слова были встречены аплодисментами.

«Задача состоит в том, — сказал Георгий Максимилианович, — чтобы в ближайшие два-три года иметь в стране достаточное количество продовольственных и промышленных товаров, чтобы в каждом городе, в каждом сельском районе можно было купить все необходимые товары.

Пятилетним планом предусмотрено увеличить в 1955 году розничный товарооборот в государственной и кооперативной торговле примерно на 70 процентов по сравнению с 1950 годом. У нас имеются все возможности выполнить это задание уже в 1954 году. (*Аплодисменты*).

Торговые организации несут большую ответственность и за качество товаров широкого потребления. Торговля должна широко использовать имеющиеся у нее экономические рычаги для активного воздействия на производство в интересах увеличения выпуска товаров, пользующихся спросом населения, и уменьшения производства таких товаров, которые не пользуются спросом у населения».

Предлагается сделать наибольший упор на обеспечение

населения необходимыми товарами широкого потребления. Казалось бы, кто может возражать против этого? Явно конечно же возражений не было. Но руководителям мощнейшего военно-промышленного комплекса и связанных с ним производств вряд ли могла понравиться переориентация на легкую промышленность.

Ну а почему бы ни наладить выпуск товаров, пользующихся повышенным спросом у населения? Разве не заинтересованы в этом торговые организации? Почему бы им не воспользоваться прямым указанием Маленкова и не улучшить свою работу?

Тут невольно вспоминается миниатюра Аркадия Райкина о «дифцит» (так выражается его персонаж). Оказывается, в существовании дефицита заинтересованы многие лица, имеющие доступ к распределению товаров. Они получают возможность обогащаться, торгуя, как говорили, из-под прилавка и со склада. Вдобавок, обеспечивая «дефицитом» ответственных работников, их родных и близких, можно было устанавливать коррупционные связи по принципу «я — тебе, ты — мне».

Выходит, некоторые предложения Георгия Максимилиановича при всей их кажущейся простоте и обоснованности, вызывали неоднозначную реакцию у целого ряда так называемых ответственных работников.

Не умолчал он и о том, что расплодилось немало предприятий нерентабельных, не выполняющих планов по снижению себестоимости продукции и повышению производительности труда. В целом он предлагал «основательно повысить ответственность и культуру в работе всех звеньев государственного и хозяйственного управления» и в то же время решительно сокращать расходы на его содержание. (Последнее предложение вряд ли понравилось аппаратчикам.)

В разделе доклада, посвященном внутренней политике, были предложены конкретные меры по улучшению благосостояния сельских жителей, в большинстве своем пребывающих в бедности. Маленков сказал:

«Известно, что наряду с общественным хозяйством, являющимся главной силой колхоза, каждый колхозник в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели имеет подсобное хозяйство для удовлетворения некоторых личных нужд колхозной семьи, поскольку эти нужды еще не в полной мере могут быть удовлетворены за счет артельного хозяйства…

Правительство и Центральный Комитет партии сочли необходимым пойти на значительное снижение норм обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников, решили… изменить систему обложения

колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет. (*Аплодисменты*).

В Государственном бюджете предусмотрены ассигнования на повышение заготовительных цен на продукты животноводства, картофель и овощи, учтены изменения в доходах в связи с уменьшением размера сельскохозяйственного налога и обязательных поставок продуктов животноводства колхозникам. От проведения в жизнь мер по экономическому поощрению колхозов и колхозников, а также мер в области налоговой политики, доходы колхозов и колхозников увеличатся уже в 1953 году более чем на 13 млрд рублей, а в расчете на полный год — более чем на 20 млрд рублей.

В Государственном бюджете предусмотрены также ассигнования для осуществления новых дополнительных мер по значительному улучшению дела механизации и электрификации сельского хозяйства, по увеличению производства минеральных удобрений и по усилению агрономической и зоотехнической помощи колхозам».

Казалось бы, подобные меры улучшения жизни десятков миллионов людей должны были вызвать взрыв энтузиазма у слушателей. Действительно, в завершение первой части его доклада, как свидетельствует стенограмма, прозвучали бурные, продолжительные аплодисменты. Но были среди сидящих в президиуме люди, которых его слова насторожили…

Роковые решения

Говорят: новая метла по-новому метет. Поэтому нетрудно понять активность нового руководства страны, в первую очередь Маленкова и Берии. Но есть и другое не менее верное суждение: нельзя резко изменить курс большого корабля.

Реформы Маленковы были в известной степени радикальными. Они похожи на «революцию сверху». Ее цели были определены и в его докладе, и в постановлениях правительства и ЦК КПСС: улучшение материального благосостояния трудящихся, облегчение бремени налогов на сельских жителей, борьба с беззаконием и произволом карательных органов, предельно точное соблюдение конституционных прав граждан.

Что тут возразишь?

Однако приходится иметь в виду, что любая революция, если она преследует реальные, а не фиктивные цели, предполагает существенную «перетряску» государственной системы, вносит изменения в социальную структуру общества и улучшает положение одних классов за счет ущемления прав и возможностей других.

Иначе быть не может по объективным причинам. Общество — единый организм, все части которого находятся в динамическом равновесии (аналогия с природными экосистемами). Существенно улучшить состояние общественного организма можно лишь ценой значительных усилий и за немалый промежуток времени. Ведь требуется в первую очередь повысить экономические показатели, вырабатывать больше продукции и т. д. Одними лишь указаниями этого не добьешься.

Вот почему «революция сверху» вызывает пусть временную и не слишком сильную, но все-таки дестабилизацию государственной системы. Особенно волнуются те социальные прослойки и группы, интересы которых ущемляются.

Реформы Маленкова для большинства населения страны были желательны и полезны. О них даже много лет спустя вспоминали в народе уважительно (в отличие от хрущевских реформ!). Но, как мы уже говорили, руководители военного ведомства и некоторых важных отраслей народного хозяйства не испытывали по этому поводу энтузиазма. То же можно сказать и о большинстве партийных функционеров.

И Маленков, и Берия слишком стремительно и почти наперегонки принялись демонстрировать свою заботу о «простом человеке», завоевывая в массах авторитет и популярность. Если бы дело касалось только их личной конкуренции — не беда. В

конце концов, для укрепления государства важно, чтобы его руководители пользовались доверием, уважением, а еще лучше любовью сограждан. Но в данном случае ослаблялся авторитет правящей партии. Она становилась, как при Сталине, всего лишь одним из «маховых колес» государственной машины, одним из рычагов управления обществом.

Судя потому, как развивались дальнейшие события, ни Маленков, ни Берия не учли существования влиятельных групп и организаций, которых не устраивал характер и скоропалительность реформ, а также укрепление позиции реформаторов и рост их авторитета в народе. А недооценка сил противника и переоценка собственных возможностей грозит почти неминуемым крахом.

Первым «рухнул» Лаврентий Павлович. Но и положение Маленкова было шатким. Он сделал ряд слишком поспешных заявлений, подкрепив их действиями. Едва ли не последней, но весьма весомой каплей, переполнившей чашу терпения партийной номенклатуры, стало его выступление на совещании в ЦК КПСС по вопросам кадровой, политики в ноябре 1953 года.

На этот раз Георгий Максимилианович гневно говорил о проявлениях морально-бытового разложения и коррупции среди руководящих партийных работников. Его возмущение было искренним.

Присутствовали на совещании представители номенклатуры. В зале стояла гробовая тишина. Неудивительно: о многих из них, в сущности, и шла речь. Они сначала недоумевали, затем растерялись. Что ожидать в ближайшем будущем? Им угрожала нешуточная опасность. Пусть даже необоснованных репрессий не будет. Ну а как быть с обоснованными?!

Маленков называл алчную, жаждущую материальных благ новую поросль номенклатуры «плесенью», разлагающей общество. Призвал бороться с ней во имя светлых коммунистических идеалов.

Сделав привычную паузу, он ожидал аплодисментов. Было тихо. Пауза затягивалась. И тут из-за стола президиума раздался голос Хрущева:

— Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора.

И зал взорвался радостными аплодисментами.

Судьба третьего вождя Советского Союза была решена.

Возможно, он осознал это не сразу. Да и в стране все продолжалось по-прежнему. Обратимся к материалам журнала «Огонек».

На торжественном заседании Московского совета 6 ноября

1953 года сцена украшена огромными портретами Ленина и Сталина. Справа от председательствующего М. А. Яснова в первом ряду стояли Ворошилов, Шверник, Маленков, Молотов, Хрущев, Булганин, Каганович. Крайний слева — Жуков.

Несколько иная диспозиция тех же руководителей наблюдалась на следующий день во время парада и демонстрации на Красной площади. На трибуне Мавзолея с именами «Ленин» и «Сталин» стояли члены правительства. В центре — Маленков. Справа от него Ворошилов, Булганин, Жуков и прочие маршалы. Слева от Маленкова — Молотов, Хрущев, Каганович, Микоян и т. д.

Важно отметить, в каком порядке перечислены в отчете о торжестве руководители страны: Маленков, Молотов, Хрущев, Ворошилов… Странно, что Председатель Президиума Верховного Совета СССР (президент) поставлен на четвертое место. Впереди Хрущева — лишь двое.

На демонстрации, судя по фотографиям в «Огоньке», преобладали портреты Ленина и Сталина. Лозунги: «Мир победит войну!» и «Партия — наш рулевой».

Как написано в отчете о празднике: «Из колонн демонстрантов непрерывно несутся приветствия:

— Коммунистической партии Советского Союза — слава!

— Нашему родному Советскому правительству — ура!»

Вряд ли случайно «наше родное» поставлено на второе место за партией, которая прославляется, тогда как правительство только приветствуется. Между прочим, если просмотреть все выпуски этого журнала до конца года, там никак не отражается критика Маленкова в адрес номенклатуры. И никаких сатирических стрел ни писатели, ни журналисты не выпустили, несмотря на его призывы.

Есть все основания считать, что именно тогда начался закат скоротечной «эры Маленкова». Дополнительный свет проливает эпизод на Пленуме ЦК КПСС в июне 1957 года. Обращаясь к Маленкову, главный редактор газеты «Правда» П. Сатюков сказал:

— Объясните, почему Вы выдвинули фракционный клеветнический лозунг о том, что якобы в нашей стране подменяется диктатура пролетариата диктатурой партии?..

Маленков:

— Я сейчас считаю нужным признать эту ошибку.

Выходит, он согласился с обвинением.

Глава 5
По ступеням власти

Смысл человека есть он сам, но только не как раб и орудие злой жизни, а как ее победитель и владыка.

В.С. Соловьев

Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука.

А. П. Чехов

Родословная

В последние двадцать лет у нас появилось множество отпрысков — реальных или мнимых — графов, князей, а то и претендентов на царский трон. Вот и в книге «О моем отце Георгии Маленкове» (из которой будут приведены некоторые биографические данные) Андрей Георгиевич счел нужным сообщить:

«В нашей семье, сколько мне помнится с детства, не любили разговоров о дворянском происхождении моего отца… и моей матери Валерии Алексеевны Голубцовой.

Для сталинских лет эта сдержанность взрослых была понятна. Но и много позже, когда говорить о «благородных корнях» стало вполне безопасно и даже модно, родители по-прежнему неохотно касались «генеалогической» темы, убежденно внушая нам мысль о пусть и жестоком, но справедливом возмездии, постигшем в свое время правящие классы России».

Человек безупречной честности, великий ученый и мыслитель В. И. Вернадский, командированный советским правительством в Париж, где он работал в лабораториях и читал лекции в Сорбонне, записал 16 августа 1924 года в своем дневнике:

«Среди белой молодежи, не видевшей старого режима, происходит его идеализация. Им кажется, что во главе власти стояли люди, бывшие морально и умственно головой выше окружающего… И передо мной промелькнул Государственный Совет, где я мог наблюдать отбор «лучших» людей власти.

Внешность была блестящая. Чудный Мариинский дворец, чувство старых традиций во всем строе обихода вплоть до дворецких, разносивших булочки, кофе, чай, на которые набрасывались, как звери, выборные и назначенные члены Государственного Совета.

Несомненно, среди них были люди с именами и с большим внутренним содержанием — такие, как Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собравшихся, какие были в такой красивой форме — не было ни esprit de corps,[2] ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем, ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума… И это отсутствие содержания сказалось в грозный час.

Помню один разговор с Д. Д. Гриммом, когда мы возвращались из заседания. Ему… пришлось сталкиваться лично

с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые готовы были пожертвовать всем для того, чтобы «устроить» своих детей, получить лишние деньги…

Сейчас ничего не знающая молодежь идеализирует царских министров — точно так же, как многие… искажают истину в своей фантастической реабилитации Николая П. И эти министры последних лет — да и раньше — Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов… Какой ужасный подбор!.. Безумие многих — думать, что старое может вернуться».

Более важно другое. Нравственное вырождение правящей верхушки, привилегированных групп и сословий происходит вне зависимости от существующего строя. Феодализм, капитализм, социализм в этом отношении схожи. Проявляется более общая закономерность, связанная с психологией людей, стремящихся во власть. Именно ее пытались в свое время преодолеть Ленин, Сталин, Маленков. Увы, в конце концов восторжествовал, как отметил Максимилиан Волошин, «жадный хам, продешевивший дух за радости комфорта и мещанства».

Запомним эту закономерность. Она позволяет понять, почему рухнули царская Россия и СССР, а также помогает предсказать дальнейшую судьбу «демократической» РФ.

А что касается тех страхов, которые якобы испытывали при Сталине люди «благородного происхождения», то это очередная ложь, вколоченная в сознание многих современных «россиян». При советской власти десятки, если не сотни тысяч бывших дворян служили в различных учреждениях и в Красной армии, нередко занимая высокие должности.

Ради того, чтобы показать, как «в те страшные времена» существовала «классовая подоплека» репрессий, С. Г. Маленков даже вольно или невольно исказил факты. По его словам, на одном из партийных заседаний конца 1930-х годов из зала раздался выкрик: мол, Георгий Маленков сам из «бывших», а значит — из «белых».

В действительности никто тогда, находясь в здравом уме, этого сделать не мог. Речь шла о другом. Известно, что Г. М. Маленков находился в Оренбурге, когда город захватил Колчак. Была версия, что Маленкова призвали в белую армию, и он там служил некоторое время. Соответствующие доказательства отсутствуют.

Стремительная партийная карьера Георгия Максимилиановича бесспорно свидетельствует о том, что его дворянское происхождение было тому не помехой.

Род Маленковых происходил из Македонии. Дед Георгия

Максимилиановича дослужился до полковника (его брат стал контр-адмиралом), а отец был железнодорожным служащим.

Вопреки воле родителей он женился на Анастасии Шемякиной, дочери кузнеца Егора, которого казахи звали Джагором. Ей пришлось одной воспитывать трех своих сыновей: муж рано умер от воспаления легких. Старший и младший братья Георгия умерли в юности. А он окончил гимназию с золотой медалью, более всего увлекаясь физикой.

Несколько слов о его матери (умерла в марте 1968 года): о ней остались самые лучшие воспоминания едва ли не всех, кто ее знал.

Большевик

Ссылаясь на семейные рассказы, Сергей Георгиевич пишет: «Уже заканчивая гимназию году в 18-м, юный Маленков со своими друзьями таскает в ранцах патроны красноармейцам».

Тут и вправду задумаешься: а уж не оказался ли «юный Георгий» в колчаковской армии? И кому он помогал? Странная какая-то история с тасканием гимназистом патронов. Некому было заниматься этим делом? Оренбург был занят белыми осенью 1918 года, а выбит оттуда красными в январе 1919-го, когда Маленкову исполнилось 17 лет. Учился ли он тогда в гимназии? Вопросы, вопросы…

«Образованного, начитанного парня примечают, — продолжает С. Г. Маленков. — И вскоре он уходит в поход с кавалерийской бригадой. Сначала был бойцом, а через короткое время — уже комиссаром бригады. Там-то, в Средней Азии, в 20-м, он и знакомится с моей матерью. Георгию Максимилиановичу в ту пору шел 19-й, маме — Валерии Алексеевне — 20-й год, она работала библиотекаршей в агитпоезде. Эта встреча была на всю жизнь, и я, перебирая весь свой житейский, уже немалый опыт, скажу: не встречал более любящей, бесконечно преданной друг другу супружеской пары. Формально отец и мать так и не зарегистрировали свой брак до конца жизни». Отец Валерии Алексей Голубцов происходил из старинного священнического, а мать — дворянского рода. Это не помешало их дочери рано вступить в партию большевиков.

Несколько другую версию молодости Георгия Максимилиановича изложил Р. Медведев: «Согласно краткой официальной биографии, он ушел добровольцем на фронт защищать Советскую власть и в апреле 1920 года вступил в партию. Был политработником эскадрона, полка, бригады и даже Политуправления Восточного и Туркестанского фронтов. Однако, по неофициальным данным, он служил всего лишь писарем в политическом отделе и никогда не поднимал бойцов в атаку. Он плохо стрелял и едва держался на коне, но хорошо вел делопроизводство. По окончании Гражданской войны Маленков не стал возвращаться домой в Оренбург, а поехал в Москву и в 1921 году поступил в Высшее техническое училище. В мае 1920 года он женился на Валерии Голубцовой, которая занимала незначительную должность в аппарате ЦК РКП(б). Этот брак был первой ступенькой в стремительной партийной карьере Маленкова».

Кстати, в официальной биографии сказано, что Г. М.

Маленков вступил в партию на фронте. В отличие от времен Великой Отечественной, в Гражданскую политработники вели преимущественно агитационную работу, а не поднимали бойцов (тем более, кавалеристов) в атаку. И откуда Р. Медведев почерпнул приведенные выше неофициальные сведения? Они явно призваны унизить того, о ком идет речь. Сомнительно, что брак Маленкова стал ступенькой в его карьере. По-видимому, у автора вновь произошло смешение времен и он вспомнил, как делали карьеру, женившись на дочерях Хрущева, Брежнева и др.

Учтем: Георгий Максимилианович в Москве стал учиться на электротехническом факультете вуза, а не поступил на партийную работу. Вскоре он стал секретарем институтской партийной организации. (Его жена перешла работать на завод нормировщицей, в 1928 году стала студенткой Московского энергетического института, а затем работала инженером на заводе «Динамо».)

В институте Маленков решительно выступил против троцкистов, которые тогда имели немалый вес в партии. Нет никакого сомнения, что он уже тогда был верным сторонником Сталина.

«На последних курсах, — пишет его сын, — отец учился в семинаре патриарха отечественной электроники академика К. А. Круга, и после окончания института тот пригласил Маленкова в аспирантуру. Уйти с партработы отец уже не мог, но добился того, чтобы ему разрешили в свободное время продолжать исследование тайн электромагнитного поля под руководством Круга. Эти исследования отец вел два года, но до диссертации дело не дошло — партийные и общественные обязанности стали отнимать все дни…»

Уточним: Карл Адольфович Круг был не академиком, а членом-корреспондентом АН СССР (с 1933 года) и занимался он электротехникой, а не тайнами электромагнитного поля. Похвально, конечно, желание сына показать склонность отца к теоретическим исследованиям. Однако приходится помнить, что свои таланты Георгий Максимилианович проявил в практической организационной деятельности, а не в познании природы. Кстати сказать, приведенная в книге Алексея Георгиевича написанная им в соавторстве с отцом статья «О всеобщности принципа: жизнь противостоит гравитации» в научном и философском плане откровенно слабая. На эту тему есть много несравненно более серьезных работ. Между прочим, на огромное количество микроорганизмов гравитация практически не оказывает никакого влияния.

Впрочем, продолжим цитирование.

«Будучи уже на партийной работе (сначала в МК, а затем в ЦК), Маленков вместе с товарищами организовал кружок по изучению философии и теории марксизма. На занятиях кружка, рассказывал отец, нередко выступали крупные деятели партии, в том числе — Николай Иванович Бухарин… Однако между Бухариным и большинством Политбюро ЦК ВКП(б) возникали разногласия, кружковцы (а с ними отец) поддержали Сталина в его борьбе с «правым уклоном». И эта поддержка была замечена и высочайше одобрена. Году в 30-м каждый из участников кружка получил именное приветственное письмо от Сталина, который благодарил молодых партийцев за поддержку линии ЦК и желал им дальнейших успехов в освоении теории. Между прочим, мы с отцом пытались отыскать этот документ в семейных архивах, но так его и не нашли. Но факт остается фактом: око «вождя всех народов» заметило молодого партработника Маленкова как раз на развороте борьбы с «бухаринцами».

Согласно официальной биографии: «С 1925 по 1930 г. Г. М. Маленков находился на ответственной работе в аппарате Центрального Комитета Коммунистической партии. С 1930 по 1930 г.

Г. М. Маленков на руководящей работе в Московском комитете партии. В 1934–1939 г. Г. М. Маленков возглавлял Отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б)».

Казалось бы, бесстрастные факты свидетельствуют о скучной аппаратной деятельности некого партийного канцеляриста. И непонятно, почему его заметили, повысили, а Сталин еще и благодарственное письмо прислал. И почему-то посоветовал овладевать теорией.

По моему мнению, все было не так просто.

Дело в том, что к празднику 7 ноября 1927 года партийная объединенная оппозиция решила дать генеральное сражение сторонникам Сталина. Для этого они мобилизовали все имевшиеся у них силы. Троцкий и Каменев устроили митинг у Моссовета в часы парада и демонстрации на Красной площади. Обстановка накалялась. Толпы студентов МГУ, сторонники Зиновьева, прорывались с Большой Никитской на Моховую, едва не избив первого секретаря МК и МГК партии Н.А. Угланова. Они хотели соединиться с колонной троцкистов, подымавшихся от Каменного моста.

И тут показали себя студенты-боевики, коммунисты и комсомольцы, организованные и руководимые Маленковым. Они врезались в колонну троцкистов, среди которых были люди, прошедшие Гражданскую войну, смяли и рассеяли их.

Оппозиционер М. Никольский вспоминал: «Зловещую роль

сыграл Маленков в ходе борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией среди студенчества Москвы в 1927 году. Являясь прямым исполнителем указаний Сталина, он организовал многочисленные шайки из партийно-комсомольского хулиганья».

(Отметим: из этого «хулиганья» вышли сталинские наркомы Малышев, Сабуров, Первухин, вынесшие на своих плечах все тяготы противоборства советской экономики с экономикой всей континентальной Западной и Центральной Европы в Великую Отечественную войну и возрождавших страну в послевоенное время.)

Особого героизма в их действиях не было: они чувствовали за собой мощную поддержку многолюдных колонн трудящихся, шедших по Красной площади и приветствовавших сталинское Политбюро на трибуне Мавзолея Ленина. Вдобавок, на улицах столицы по приказу командующего Московским военным округом Б. М. Шапошникова (бывшего полковника царской армии) появились воинские подразделения и броневики.

Вот за разгром колонны троцкистов и благодарил, судя по всему, Сталин Маленкова. Возможно, тогда же был организован в МВТУ кружок, изучавший теорию марксизма-ленинизма.

Можно предположить, что в те годы Георгий Максимилианович начал тесно сотрудничать с чекистами. Они должны были обратить внимание на молодого секретаря вузовской партийной организации. Тем более, вряд ли ему позволили бы самостоятельно, без ведома «компетентных органов» создать и вывести на улицы Москвы большую и по-военному организованную колонну студентов для подавления троцкистов.

Опасные годы

Предвоенное десятилетие — время подготовки к будущей войне. Никто не сомневался в ее неизбежности. Требовалось в кратчайшие сроки поднять экономику страны до уровня ведущих индустриальных держав. И столь же необходимо было идейное единство партии как главной руководящей и организующей силы.

Тогда же происходили суровые партийные чистки и репрессии. Масштабы последних, правда, слишком часто преувеличивают. Нередко говорят о десяти и более миллионах заключенных, намекая, что почти все они были политическими и невинными.

Полагаю, что если бы в стране было что-либо подобное, то советский народ был бы рабски покорным, трусливым, запуганным, интеллектуально и духовно ущербным. А СССР победил в самой разрушительной и кровопролитной из всех войн. На такой подвиг способны только сильные духом.

Чтобы не быть голословным, приведу наиболее точные сведения о количестве политических («за контрреволюционные преступления») заключенных, находившихся в исправительно-трудовых лагерях на 1 января каждого года с 1934 по 1941 год в тыс. человек: 135–118 — 106–105 — 185–454 — 445–420. Как видно, до 1937 года шло снижение числа узников ГУЛАГа, затем резкий подъем, но никогда цифра не превышала 0,5 млн. Лжецы и клеветники увеличивают ее в 10–20 раз!

В сентябре 1936 года член Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов был назначен главой НКВД. Сравнительно быстро карательная машина стала набирать обороты.

Как пишет А. Г. Маленков: «В мае 1937 года на московской городской партконференции заслушивали доклад первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Н. С. Хрущева (на эту должность он был выдвинут Ежовым). Хрущев задал вопрос присутствовавшему на конференции Маленкову:

— Почему вы, товарищ Маленков, так затягиваете разбор дел врагов народа — ведь здесь необходима быстрота, и промедление вредит делу партии и народа?

Маленков обстоятельно и спокойно объяснил, что быстрота в разоблачении нужна, но необходимо в интересах партии действовать по закону, сверяясь при этом с партийной совестью. Далее он привел факты, когда поспешность приводила к обвинению невинных людей. Из зала выкрик:

— А белые были в Оренбурге?

Маленков:

— Да, были.

Из зала:

— Значит, и он был с ними…

Прямо по окончании конференции было арестовано 19 человек. Отца не тронули. Присутствующий на конференции Сталин сказал, что удовлетворен ответами Маленкова. Это была индульгенция».

Интересно узнать: а не был ли среди арестованных тот, кто задал провокационный вопрос Георгию Максимилиановичу? Пожалуй, этот неназванный активист слишком много знал. Он только не учел, что все темные и светлые пятна в биографии человека, занимавшего ответственную должность заведующего отделом руководящих партийных кадров, были известны руководству страны. Даже если Маленкова и мобилизовали в колчаковскую армию, то красноармейцем он стал добровольно.

Роль Маленкова в репрессиях 1937–1938 годов остается неясной. Вот что пишет Рой Медведев:

> «Формально Маленков не входил тогда ни в какие руководящие государственные органы. Он присутствовал в качестве делегата на XVII съезде партии, но не был избран ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б), не вошел он и в комиссии партийного и советского контроля и даже в Центральную ревизионную комиссию. Формально он не участвовал, таким образом, даже в Пленумах ЦК… И тем не менее, находясь во главе отдела руководящих парторганов ЦК, Маленков играл в событиях 1937–1938 годов не менее важную роль, чем Ежов, Берия, Каганович и Молотов…»

Прервем цитату. Странно, но среди приведенных фамилий отсутствует по меньшей мере одна: того, кто непосредственно подписывал и направлял в соответствующие инстанции списки на многих тысяч граждан. Это — Н. С. Хрущев. Специфическими выборочными провалами памяти страдают многие политизированные историки антисоветского толка!

«Наделенный чрезвычайными полномочиями, — продолжает Р. Медведев, — Маленков руководил репрессиями не только в тиши своего кабинета, но и непосредственно на местах, в различных республиках и областях. Было немало случаев, когда он лично присутствовал на допросах и пытках арестованных партийных руководителей. Так, например, Маленков вместе с Ежовым выезжал в 1937 году в Белоруссию, где был учинен настоящий разгром партийной организации республики. Осенью

того же года Маленков с Микояном побывали в Армении, где также был репрессирован почти весь партийный и советский актив республики. При участии Маленкова составлялся план репрессий во всех областях РСФСР, затем в его отделе подбирали новые кандидатуры секретарей обкомов и горкомов на место арестованных и расстрелянных».

Вновь требуется обдумать некоторые из этих утверждений. Был ли наделен Маленков чрезвычайными полномочиями? Никаких документов на этот счет нет и, по-видимому, не было. То, что он присутствовал на допросах обвиняемых, совершенно естественно. Не мог же он ограничиваться лишь бумажными материалами.

Все махровые антисоветчики утверждают — чаще всего вскользь, словно о чем-то само собой разумеющемся — о чудовищных пытках и казнях миллионов ни в чем неповинных людей в период репрессий. Да, были казни, и в ряде случаев, возможно, применялись незаконные меры «выбивания» показаний. Однако нет буквально никаких сведений о том, что какие-либо пытки проводились в присутствии Маленкова. Напротив, даже следователь-садист, если он не лишился здравого смысла, постарается предстать перед контролером из Москвы в наилучшем виде.

В отличие, скажем, от Хрущева, Маленков не составлял списки «врагов народа». Его задача была скромней: определить, допустимо ли обвиняемого оставлять в рядах членов партии с учетом проступков, занесенных в личное дело, и дополнительных сведений. Вряд ли можно сомневаться, что в этих вопросах он почти всегда оставался на стороне Ежова.

Следует обратить внимание на то, что у Медведева речь идет о репрессиях, которым подвергались партийные и советские руководители. Это верное замечание. Надо сюда добавить и работников НКВД, творивших немало беззаконий под руководством Генриха (Иегуды) Ягоды. И будет ясно, что никакого «большого террора», направленного против советского народа, не было. Пострадали почти исключительно представители партийной и государственной власти.

Насколько оправданны были масштабы репрессий? Полагаю, во многих случаях степень вины обвиняемых была явно завышена, а порой страдали невиновные. В такие периоды «чисток» нередко проявляются самые темные человеческие качества. Одни руководители получают возможность расправиться со своими недругами, представив их «врагами народа». Другие избавляются от конкурентов из карьерных соображений. Третьи стараются свалить на других свои оплошности и прегрешения.

Нельзя не учитывать не очень высокую, мягко говоря, квалификацию значительной части сотрудников следствия. Да и работать им приходилось в сжатые сроки и в трудной обстановке, ибо раскрывать тайные заговоры, организованные неглупыми людьми, а то и бывшими подпольщиками, задача необычайно сложная. К тому же немало чекистов старались показать свою бдительность, как бы соревнуясь с коллегами…

Были и такие, кто сознательно обострял ситуацию. Они стремились вызвать в народе недовольство существующей властью, а порой уничтожали сторонников советского строя. (Вряд ли случайно именно тогда был репрессирован замечательный поэт Осип Мандельштам, написавший несколько стихотворений, прославляющих Сталина.)

Сделаем вывод. Как свидетельствуют документы, а наиболее веско и бесспорно — демографические показатели и поведение советских граждан во время Великой Отечественной войны, террор осуществлялся главным образом против представителей правящих групп. Другое дело, что в массах пробуждали ненависть к «врагам народа», которая подчас направлялась не по адресу. Но, как известно, общий враг сплачивает людей. Это обстоятельство используют все более или менее крупные политики.

Серьезный историк В. З. Роговин отметил: «Конечно, в деятельности следователей, особенно периферийных, не было недостатка в выдумках самой низкой пробы. Однако перед следователями, ведущими дела видных партийных работников, чекистов и т. д., ставились задачи, связанные с получением информации о действительных политических настроениях этих лиц и их окружения. В распоряжении следователей были и собранные на протяжении многих лет агентурные материалы, отражавшие истинные взгляды политических противников Сталина».

Например, по его словам, в деле видного работника НКВД А. Х. Артузова «встречаются такие показания обвиняемого, какие было не под силу выдумать ежовским следователям. Артузов сообщил, что политическая программа, которую разделяли Бухарин, Рыков, Томский и Тухачевский, состояла в том, чтобы восстановить иностранные концессии, добиться выхода советской валюты на мировой рынок, отменить ограничения на выезд и въезд в СССР иностранцев, разрешить свободный выбор форм землепользования, от колхоза до единоличного хозяйства, провести широкую амнистию политзаключенных и свободные демократические выборы, установить свободу слова, печати, союзов и собраний».

Какое поразительное совпадение с горбачевской программой

1985–1991 годов, реализованной в полной мере Ельциным! Это не означает, что эти два деятеля попали под обаяние теорий Бухарина или академика-физика Сахарова. На мой взгляд, ситуация серьезней. Данная концепция отражает чаяния всех тех, кого прельщают буржуазные ценности и соответствующая идеология, кто озабочен личным благополучием, имея возможность воспользоваться выгодами (или надеясь на них) от развала социалистической системы.

Можно возразить: чем же плоха такая программа? Плохо ли получать иностранные инвестиции, устраивать совместные предприятия, присоединиться к мировому рынку, установить правовое государство, многопартийную систему, буржуазную демократию? Неужели лучше — диктатура Сталина и его сторонников, тоталитаризм и попрание прав человека?!

В то далекое время так могли искренне думать многие образованные люди в СССР, не говоря уже об оппозиционерах. Абстрактно рассуждая, нетрудно признать их правоту. Если, конечно, отрешиться от реальности и помалкивать о том, за счет чего обеспечено благосостояние наиболее развитых капиталистических государств (ограбление колоний и зависимых стран), насколько страшен — духовно и материально — экономический тоталитаризм…

Броские лозунги демагогов слишком часто прикрывают совершенно иные замыслы и действия. Таков испытанный прием всех, кто стремится благоденствовать за счет других. А именно такие люди обычно стремятся пролезть в «руководящие органы».

Сталин и его сторонники, среди которых был Г. М. Маленков, сознавали такую опасность и старались с ней бороться всеми имевшимися в их распоряжении методами. Вряд ли надо пытаться рассуждать, хорошо это или плохо. Все зависит от конкретной исторической обстановки и не менее конкретных лиц, социальных слоев. И становление партократии, и борьба с ней — явления объективные. А тем, кто не чужд нравственных критериев, полезно решить для себя, что важней: права некой личности или народа, благо отдельных групп и кланов или всего общества, неправедное обогащение или праведный труд?

Полагаю, Маленков не был конъюнктурщиком и карьеристом. Он старался честно и добросовестно выполнять свою работу. Однако трудно было не заметить, что репрессивная машина все чаще начала «перемалывать» обычных работников, далеких от оппозиции. Размах «ежовщины» стал чрезмерно велик. Она непосредственно затронула около 1 % населения страны (считая репрессированных и членов их семей). Сам Ежов начал чувствовать себя едва ли не полноправным хозяином страны. Ведь

он обрел власть почти над всеми крупнейшими партийными и государственными деятелями.

В январе 1938 года состоялся Пленум ЦК. Если верить Р. Медведеву, его провели, «чтобы замаскировать масштабы террора». Но верить ему на слово нельзя. Он даже урезал вопросы, поставленные на Пленуме: «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии…» Хотя далее следовало не менее существенное: «…формально бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из партии ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Вряд ли такое «обрезание» Медведев сделал по наивности.

Основной доклад на Пленуме делал Г. М. Маленков. Он исходил из материалов своих инспекционных поездок по стране и ознакомления с материалами следствий по политическим делам. Однако быстро остановить запущенный механизм репрессий было непросто. Ежов стал слишком влиятельной фигурой, а его ведомство превратилось в наиболее мощную государственную структуру. Это вызывало усиливающееся беспокойство Сталина.

То ли случайно, то ли закономерно, именно в это время, в августе 1938 года, Георгий Максимилианович решается на смелый шаг. Возможно, он знал или чувствовал настроение вождя. Так или иначе, но произошло следующее, — со слов А. Г. Маленкова, пересказавшего воспоминание отца:

«Я передал записку И. Сталину через Поскребышева, несмотря на то, что Поскребышев был очень близок с Ежовым. Я был уверен, что Поскребышев не посмеет вскрыть конверт, на котором было написано — «лично Сталину». В записке о перегибах в работе органов НКВД утверждалось, что Ежов и его ведомство виновны в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов.

Сталин вызвал через 40 минут. Вхожу в кабинет. Сталин ходит по кабинету и молчит. Потом спрашивает:

— Это вы сами писали записку?

— Да, это я писал.

Сталин молча продолжает ходить. Потом еще раз спрашивает:

— Это вы сами так думаете?

— Да, я так думаю.

Далее Сталин подходит к столу и пишет на записке: «Членам Политбюро на голосование. Я согласен».

Так начался закат Ежова.

Дальнейший карьерный рост Маленкова достаточно кратко и точно охарактеризовал Р. Медведев:

«По существу, только с 1939 году Маленков начинает

выходить из тайных кабинетов власти и появляться на открытой политической арене. На XVIII съезде ВКП(б) Маленков возглавил мандатную комиссию и сделал на пятом заседании съезда доклад о составе съезда. Он был избран в члены Центрального Комитета ВКП(б), а на Пленуме ЦК 22 марта 1939 года — секретарем ЦК. В этот Секретариат, возглавляемый Сталиным, вошли также А.А. Андреев и А.А. Жданов. С тех пор Маленков неизменно входил в состав этого органа ЦК, который в повседневном практическом руководстве партией играл при Сталине, пожалуй, даже большую роль, чем Политбюро. Маленков был избран также членом оргбюро ЦК. Отдел руководящих партийных органов ЦК был реорганизован в Управление кадрами ЦК ВКП(б), во главе которого по-прежнему оставался Маленков.

Постепенно стал расширяться круг проблем, которыми, теперь занимался Маленков как секретарь ЦК. Ему было поручено, например, контролировать развитие промышленности и транспорта. Когда в феврале 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), посвященная хозяйственным проблемам и итогам выполнения первых лет третьего пятилетнего плана, то главный доклад на ней о задачах промышленности и транспорта сделал Маленков. Тогда же состоялся Пленум ЦК, на котором Маленков был избран кандидатом в члены Политбюро. Он занял отныне прочное место в ближайшем окружении Сталина».

Война

Нападение Германии на СССР ожидалось буквально с года на год, а в 1941 году — начиная с 15 мая. Хотя никто не предполагал, что фашисты нанесут столь мощный удар. О подготовке нашей страны к войне говорит напряженнейшая работа оборонной промышленности (ее результаты со всей очевидностью сказались уже на третий год войны).

На чрезвычайной XVIII партийной конференции, посвященной мобилизации народного хозяйства для нужд обороны, с основным докладом выступил Г. М. Маленков. Этому предшествовала его поездка по 25 крупнейшим заводам страны. Вот как описал один из эпизодов этой поездки его сын:

«Он приехал на Мотовилиху — знаменитый уральский завод, производящий специальные стали (для трансформаторов, танков и т. д.). Производство трансформаторов не ладилось. Шел сплошной брак. Георгий Максимилианович три дня безвылазно провел в цехах и нашел причину; оказалось, что в нарушение технологии масло, в котором охлаждались раскаленные стальные листы, давно не меняли и оно утратило свои свойства. При замене масла брак прекратился. Короче: вместо поиска врагов — строгое соблюдение технологической дисциплины…»

Тут, конечно, не отвечающее правилам логики противопоставление. Ведь несоблюдение технологической дисциплины может быть результатом вражеских действий.

Не собираюсь утверждать, будто тогда на том заводе какие-то технологи сознательно наносили вред обороноспособности страны. Хочу лишь показать, как сказываются даже в таких вот необязательных высказываниях антисоветские штампы, прочно вбитые в головы служащих со времен перестройки.

На то и органы безопасности, чтобы заниматься поисками врагов. А для ответственного руководителя важно профессионально разбираться в сути дела. И если все происходило так, как рассказано выше, то Георгий Максимилианович бесспорно продемонстрировал свои деловые качества.

В годы Великой Отечественной войны Маленков стал одним из пяти членов Государственного Комитета Обороны вместе с Молотовым, Ворошиловым и Берией под руководством Сталина. Судя по всему, он был главным куратором оборонной промышленности, хотя выполнял и другие важные задания. Вот что сказано в его официальной биографии:

«С 30 июня 1941 г. по 4 сент. 1945 г. Г. М. Маленков являлся

членом Государственного Комитета Обороны. В августе 1941 г. Г. М. Маленков находился на Ленинградском фронте; осенью и зимой 1941 г. принимал активное участие в организации операций по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой; в марте 1942 г. выезжал на Волховский фронт, в июле, а затем августе-сентябре 1942 г. — на Сталинградский и Донской фронты, в марте 1943 г. — на Центральный фронт, проводя всюду большую работу по организации сил на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В качестве члена Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленков руководил работой по оснащению Советской Армии новой боевой техникой и советской авиации — самолетами и моторами. За особые заслуги в области усиления производства самолетов и моторов в трудных условиях военного времени Г. М. Маленкову было присвоено 30 сентября 1943 г. звание Героя Социалистического Труда».

Во время войны Маленков курировал военную промышленность: подбирал высшие руководящие кадры, выезжал в действующие войска.

По словам Андрея Георгиевича, его отец утверждал, что в октябрьские дни 1941 года из всех членов Политбюро в столице остался только он один. Мол, все руководство во главе со Сталиным покинуло Москву примерно на 10 дней. Тогда ему звонили из партийных комитетов со всех уголков страны, чтобы убедиться, что Москва не сдана. И он твердо отвечал: Сталин и все руководство здесь.

Возможно, Георгия Максимилиановича подвела память. А может быть, он и не знал, что Сталин постоянно находился в Москве, и вся информация о положении на фронте стекалась к нему. Об этом свидетельствовал, в частности, более компетентный в данном вопросе человек — маршал А. М. Василевский. Он в то время оставался в столице, постоянно встречаясь со Сталиным.

Можно, конечно, понять усилия сына показать, как много сделал его отец для победы над фашистами. Но все-таки вряд ли нужно при этом принижать, скажем, роль Сталина. Несоизмеримые это были фигуры. Вот, например, оказывается, что и в Курской битве летом 1943 года Верховный главнокомандующий только мешал, а Георгий Максимилианович вдруг взял на себя ответственность за проведение данной операции:

«Маленков прибыл на этот участок фронта летом 1943 года незадолго до немецкого наступления. Напомню, что благодаря нашей разведке командованию стали известны не только день, но и час наступления и надо было решить, когда обрушить на

готовившегося к рывку противника упреждающий артиллерийский удар. Ситуация, когда наше командование перенесло время этого удара под самый час «икс», уже многократно описана в нашей литературе, в том числе мемуарной.

Добавлю лишь одну подробность, запомнившуюся мне со слов отца. В Ставке страшно нервничали, не «дезу» ли подбросили нашей разведке, не просчитаемся ли с нанесением огневого удара. Сталин не находил себе места и своими звонками взвинчивал и без того уж взвинченную обстановку на КП и в штабе фронта. И тогда, стараясь освободить командование от этих переговоров с вождем, уснащенных, как обычно, страшными угрозами, Маленков практически целиком взял на себя всю ответственность за срок нанесения мощного артудара. И вот когда он был осуществлен, затикали едва ли не самые жуткие за всю войну минуты в жизни отца. Даже рисковая остановка авиационного завода показалась ему тогда заурядным событием: пойдут немцы в атаку или нет?.. Ослабленные, но пошли! Тут настал и самый радостный момент для отца, для всех, кто был тогда рядом с ним и наверняка поплатился бы жизнью в случае просчета».

Признаться, меня эти сведения озадачили. Еще недавно я писал книгу о сталинском маршале Б. М. Шапошникове, читал воспоминания о войне, но ни у кого, кто руководил нашими войсками в битве на Курской дуге, не встречал ничего подобного; даже имя Маленкова не упоминалось. А тут вдруг оказывается, что именно он отвечал «за срок нанесения мощного артудара»! Да еще Сталин ему мешал и всех запугивал. Жуткая ситуация…

Просматриваю воспоминания Жукова, Василевского, Рокоссовского. Как сговорились: ни слова о Маленкове. Жуков пишет, что после совещания с Рокоссовским и Василевским он позвонил Верховному главнокомандующему: «Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку. И. В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать:

— Буду в Ставке ждать развития событий, — сказал он.

Я почувствовал, что Верховный находится в напряженном состоянии. Да и все мы… сильно волновались и были крайне возбуждены».

Выходит, Сталин одобрил план. После этого если уж был бы с кого-то спрос, то в первую очередь с него. И никого он не нервировал, позвонив только после начала операции. «В 2 часа 30 минут, — писал Г. К. Жуков, — когда уже вовсю шла контрподготовка, позвонил Верховный.

— Ну как? Начали?

— Начали.

— Как ведет себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но быстро замолк.

— Хорошо. Я еще позвоню».

Вот как было дело. А где же в то время был Георгий Максимилианович и что вообще он должен был делать в то время на Курской дуге? Могли он вмешиваться в проведение чрезвычайно сложной военной операции? Думаю, никаких полномочий на этот счет у него не было и быть не могло. А поручен ему был, по всей вероятности, контроль за качеством используемой нашими войсками техники, ремонтом поврежденных танков, орудий и самолетов.

Больше доверия к тем свидетельствам Андрея Георгиевича, где сообщается о вполне правдоподобных фактах. Он пишет: «Опираясь на выдвинутых им молодых, талантливых специалистов — Малышева, позднее отвечавшего за советский атомный проект, Славского, Сабурова, Первухина, Косыгина, Устинова, вырванного из лап НКВД Тевосяна и других — Маленков взял на себя и контроль за освоением новой техники. Помню его рассказ о том, как вместе с С. И. Вавиловым он в предельно короткий срок наладил выпуск «ночезрительных» (инфракрасных) приборов для танков, как они вдвоем проехали ночью по дорогам Подмосковья на танке, оборудованном новым прибором, и лично убедились в его высоких качествах».

Правда, далее следуют рассуждения, которым верится с трудом: «Именно тогда отец уверовал в талант Вавилова, в его неистощимые организаторские способности и позже предложил его на пост президента Академии наук СССР. Кстати, такое выдвижение было небезопасно даже для Маленкова, так как в зловещей памяти Сталина хранилась враждебная неприязнь к брату Сергея Ивановича — академику Николаю Ивановичу Вавилову, погибшему в годы войны в Саратовской тюрьме с клеймом «враг народа».

Как тут не вспомнить, что таланты С. И. Вавилова были достойно отмечены еще в 1932 году, когда его избрали академиком АН СССР. И откуда извлечена версия о «враждебной неприязни» вождя к Н. И. Вавилову? Ведь именно на годы правления Сталина приходится необычайный взлет Николая Ивановича не только как ученого, но и крупного руководителя, общественного деятеля, директора институтов и т. д.

Не иначе как со скрежетом зубовным Сталин согласился присудить ему в 1926 году Ленинскую премию и с того года по

1936-й утвердить членом ЦИК СССР. Уж не со злобными ли намерениями соглашался Иосиф Виссарионович финансировать уникальные (и не дешевые) научные экспедиции Вавилова по пяти континентам? Кстати сказать, путешествуя по Японии, Николай Иванович обратил внимание на то, что в тамошних магазинах продают речи Сталина. Все это наверняка хранилось в зловещей памяти диктатора…

Наконец, согласно утверждению А. Г. Маленкова, его отец во время блокады немцами Ленинграда в сентябре 1941 года «проник в город на бреющем полете». Там в «роскошном бункере» застал «опустившегося, небритого, пьяного» А.А. Жданова и запаниковавшего К. Е. Ворошилова. Только оперативное вмешательство Маленкова якобы спасло город. Правда, нет никаких документов о пребывании в тот период Георгия Максимилиановича в Ленинграде. И в официальной его биографии, опубликованной в 1954 году, когда он находился на вершине власти, как видно из приведенного выше фрагмента, нет упоминания об этом героическом эпизоде.

Не знаю, надо ли преувеличивать роль и значение Г. М. Маленкова в годы Великой Отечественной войны. Подобные неуклюжие попытки могут вызвать обратный эффект: начинаешь сомневаться в справедливости верных утверждений.

Вполне вероятно, что Маленков содействовал ослаблению партийного политического контроля на промышленных предприятиях. Тогда же, как пишет Н. Верт, «прекращение разного рода «политических собраний» в рабочее время сопровождалось передачей организационных и кадровых вопросов в исключительное ведение технических руководителей».

Нет сомнений: в годы войны Георгий Максимилианович достойно выполнял нелегкие обязанности, возложенные на него. Об этом свидетельствует высокая награда, полученная им осенью 1943 года. Нет никакого сомнения, что она была заслуженной.

«Маленковский циркуляр»

В нашей стране пресловутый «еврейский вопрос» беспокоил (и сейчас беспокоит) многих. Его связывали, с одной стороны, с проявлениями международного сионизма, а с другой — русского великодержавного шовинизма. В неявной форме он стал причиной конфликта Ленина со Сталиным по национальному вопросу.

Вот и Маленков, согласно утверждению Роя Медведева, санкционировал гонения советской власти на евреев. «Осенью… 1944 года, — пишет он, — Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, на которое были приглашены члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. Речь шла о «еврейском вопросе»…»

Если не ошибаюсь, на том совещании главным образом шла речь о переходе в ближайшее время промышленности на мирную продукцию: победа над фашизмом была уже близка. Но, по-видимому, такие вопросы, по мнению Р. Медведева, не представляют интереса по сравнению с еврейским, но продолжим цитирование.

«В своем вступительном слове Сталин — правда, с некоторыми оговорками — высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах. Каждый из участников понял, однако, что речь идет о постепенном вытеснении лиц еврейской национальности с ответственных постов…»

Вновь придется сделать паузу. Вот ведь как проницательно подметил политизированный историк то, что и как понял каждый из участников совещания. Вождь всего лишь предложил, да еще с оговорками, осторожней выдвигать (!) лиц данной национальности на руководящие должности. И о каком вытеснении могло идти речь, если в ЦК партии и правительстве оставались евреи?

«Наиболее подробным на этом совещании было выступление Маленкова, — продолжает Медведев, — который обосновал необходимость «повышения бдительности» по отношению к еврейским кадрам. Вскоре после совещания в ЦК ВКП(б) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначать людей

еврейской национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения при приеме евреев в высшие учебные заведения».

Надо сказать, что в то время было много несравненно более важных проблем, чем те, на которых болезненно заострено внимание Р. Медведева. Скажем, в 1944 году более 1,336 млн человек вступили в кандидаты и около 1,125 млн — в члены партии. Столь резкий наплыв желающих стать членами правящей ВКП(б) в преддверии великой Победы не мог не насторожить и Сталина, и Маленкова. «Во второй половине 1944 г., — пишет Д. Боффа, — была выпущена целая серия «постановлений». Затрагивавшиеся в них важные политические вопросы — об освобожденных областях, о проявлениях национализма среди некоторых нерусских народностей, о возрождении религии — трактовались всегда и единственно как задачи, подлежащие решению с помощью более систематической и строже контролируемой пропаганды».

Но все-таки почему же вдруг среди столь важных государственных вопросов всплыл и еврейский? Не был ли Маленков убежденным антисемитом? Не ему ли как главному «кадровику» принадлежала инициатива вытеснения лиц еврейской национальности из руководства государства и партии?

На эти вопросы помогают объективно ответить сведения, приведенные В. В. Кожиновым. Прежде всего он подчеркивал отсутствие проявлений антисемитизма и в коммунистической идеологии, и в советской политической системе. И ссылался на израильского политолога М. С. Агурского: «Вплоть до тридцатых годов главными и почти исключительными врагами сионизма в СССР были сами же евреи… сионисты как внутри СССР, так и в Палестине видели главными виновниками этих преследований не саму советскую политическую систему, а т. н. Евсекцию («Еврейскую секцию» ВКП(б). — *Р. Б.)* и вообще коммунистов еврейского происхождения». Иначе говоря, враждовали интернационалисты и националисты преимущественно одной и той же национальности.

«Обратимся теперь, — продолжал Кожинов, — к возникшему во время войны недовольству, сложившемуся после 1917 года «еврейским засильем» во многих областях жизни страны. Например, 17 августа 1942 года в Секретариат ЦК поступила записка, информирующая о том, что из 12 руководителей Большого театра (директор, дирижеры, режиссеры и т. п.) 10 человек — евреи и только 1 русский.

В 1943 году секретарь парткома МГУ В. Ф. Ноздрев направил в ЦК письмо, в котором сообщил, что в предшествующем, 1942-м,

«пропорция» окончивших физический факультет университета евреев и русских составляла 98 % и 2 %…»

Он привел воспоминание математика академика Л. С. Понтрягина, который перед войной в Воронеже «познакомился с очень милой студенткой Асей Гуревич. По окончании Воронежского университета я взял ее в аспирантуру в Москву… Ася в течение нашего знакомства неоднократно обращалась ко мне с просьбой помочь кому-нибудь из ее друзей… Это были всегда евреи. Мне это показалось странным, поскольку сама она была еврейкой… Но уже после войны она меня *совершенно поразила* одним своим заявлением. Она жаловалась мне, что в текущем году в аспирантуру принято совсем мало евреев, не более четверти всех принятых. А ведь раньше, сказала она, принимали всегда не меньше половины».

Вот, оказывается, к каким ужасным последствиям привел «маленковский циркуляр». Подумать только: вместо половины всех аспирантов приняли всего не более 25 % евреев (то есть примерно в десять раз больше, чем относительное количество представителей этой нации в населении страны).

«Конечно, — делает вывод Кожинов, — многие объявят упомянутые записки в ЦК антисемитскими. Но если подойти к ним с истинной беспристрастностью, их нельзя не признать констатацией явно «ненормального» положения вещей. Ситуация в Большом театре не имела последствий… Что же касается сообщившего о положении дел в Московском университете В. Ф. Ноздрева, он продолжал «бить тревогу» и далее, в 1944–1945 годах, и в мае 1946-го был за это снят с поста секретаря парткома».

О том, что никакой антисемитской кампании и в помине не было, говорят красноречивые факты. После войны многие руководители Большого театра, евреи, получали неоднократно Сталинские премии. Например, дирижеры С. А. Самосуд (1947, 1952), Ю. Ф. Файер (1946, 1947, 1950). Чтобы это означало? Выходит, вождь не выполнил предписания «маленковского циркуляра»?!

Хотя Владимир Ильич в последние годы сгоряча клеймил его как «русского великодержавного шовиниста» и даже «русского Держиморду», антисемитом он не был. Нередко ссылаются на то, что якобы он приказал дочери развестись с ее первым мужем (евреем) Морозовым. Однако она это категорически отвергала. Правда, Сталин не пожелал с ним встречаться, четко обозначив причину:

— Слишком он расчетлив, твой молодой человек.

Действительно, тогда как оба сына Иосифа Виссарионовича

ушли воевать, Морозов устроился в московское ГАИ. Сталин отозвался так:

— Смотри-ка, на фронте страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался.

Надо ли говорить, что антисемит в подобных случаях и вел себя, и выражался бы иначе.

Опала

После войны Маленков возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности. Ему пришлось выдерживать напор руководителей разных ведомств, желавших получить как можно больше трофейного оборудования. Тогда же у него ухудшились отношения с председателем Госплана Н.А. Вознесенским. Маленков по инициативе Сталина или, по крайней мере, по согласованию с ним выдвинул предложение прекратить демонтаж немецкой техники и наладить в Восточной Германии производство товаров для СССР в качестве репарации. Несмотря на возражения Кагановича и Берии, это решение было утверждено.

В середине октября 1945 года Политбюро постановило предоставить Сталину отпуск на два месяца. Он провел это время на Кавказе, не упуская из вида московские дела. А там среди партийных руководителей плелись замысловатые сети интриг, разобраться в которых чрезвычайно трудно.

Официально вождя замещал Молотов. В спину ему дышали Берия, Маленков, Микоян. Возможно, с их подачи Молотов допустил два серьезных промаха. Сначала разрешил в центральных органах советской печати опубликовать фрагменты из речи Черчилля с восхвалениями Сталина. Вождь срочно телеграфировал:

«У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов этих господ… Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня». (Пожалуй, он исходил из принципа: если тебя хвалит враг — значит ты, где-то допустил ошибку.)

Молотов признал свою ошибку. Но вскоре он заявил о снятии цензурных ограничений на корреспонденции представителей западной печати, отправляемые из СССР. На Западе заговорили о смягчении внешней политики советского руководства, во главе которого, по-видимому, вскоре будет Молотов. Сталин отозвался резко: «Я не могу более считать такого товарища моим первым заместителем».

Казалось бы, освободилось высокое кресло для Маленкова. Однако выяснилось, что есть более серьезный претендент: А.А. Жданов, перебравшийся из Ленинграда в Москву. 25 февраля 1946 года ему вручили орден Ленина. Он курировал ведомство Молотова и наряду со Сталиным подписывал совместные

постановления ЦК партии и Совета Министров СССР.

В марте того же года в новом составе Оргбюро ЦК, ведавшего кадрами, четверо из 14 членов были выходцами из ленинградской партийной организации. В отсутствии Сталина заседания Политбюро теперь вел Жданов. Его правая рука — А.А. Кузнецов (также ленинградец) — был назначен руководителем Секретариата ЦК вместо Маленкова, сменив последнего и на посту начальника Управления кадров.

Георгий Максимилианович оказался в опале. Ее причиной послужило так называемое дело авиаторов. Сын Сталина Василий, служивший в авиации, сообщил отцу, что значительная часть авиакатастроф, которые вменяются в вину летчикам, происходит из-за сбоя техники. То же подтвердил министр МГБ В.С. Абакумов. Был арестован и подвергся жесткому следствию главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза А.А. Новиков. Гнев Сталина, не терпевшего обмана, обрушился и на Маленкова — куратора авиационной промышленности.

В решении ЦК указывалось: «Установлено, что т. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка некачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)». Протокол этого решения был подписан Ждановым. Не исключено, что ленинградцы, пришедшие во власть, постарались преувеличить вину Маленкова.

Надо иметь в виду, что еще до войны Ворошилов писал Сталину в частном письме об участившихся авариях самолетов. Сталин ответил примерно так: черт с ними, с самолетами; гибнут летчики, вот что недопустимо! Так что и в данном случае речь шла, конечно, не о потерях техники, а о гибели людей и замалчивании недостатков в авиастроении (что вообще-то не удивительно, ибо лихорадочная спешка военных лет сказывалась на качестве продукции).

Вину Новикова и наркома авиационной промышленности Шахурина сочли доказанной. Сталин спросил Абакумова:

— Какую меру наказания вы предлагаете?

— Расстрел, — был ответ.

— Расстрелять просто; сложнее заставить работать. Мы должны заставить их работать.

Рассказав этот эпизод, П. А. Судоплатов добавил, что маршал Новиков «под давлением был вынужден дать показания против Жукова. В письме Сталину он рассказал об амбициях Жукова и сообщил, что вел с ним «антисталинские разговоры», а также

показал, что помогал ему скрыть, что он из семьи царского городового». Эти признания, по словам Судоплатова, «представляли серьезную угрозу для Маленкова».

Дело в том, что еще начиная с 1937 года Маленков способствовал карьере Жукова, выдвигая его на высокие военные посты (значит, Георгий Максимилианович, помимо всего прочего, умел хорошо подбирать кадры). Стремясь обезопасить себя, Маленков, так же как Молотов, поддержал обвинение против Жукова. Маршал категорически отрицал свою вину. Сталин, выслушав его, сказал:

— А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Не исключено, что этот малодушный поступок Маленкова обернулся против него через несколько лет, когда Жуков поддержал его противников. Но об этом чуть позже.

Итак, ленинградская группа захватила многие ключевые посты в руководстве партии и страны. Маленков попал в опалу. Позиции Берии тоже несколько ослабли. В апреле 1946 года был изменен состав коллегии возглавлявшегося им прежде МВД. Были назначены 7 новых заместителей министра, из них двое, в том числе первый заместитель министра В.С. Рясной, были людьми Н. С. Хрущева, который с далеких днепровских берегов продолжал плести в Москве паутину своих интриг.

В мае был снят с поста министра государственной безопасности близкий соратник Берии В. Н. Меркулов. А на его место назначили В.С. Абакумова. Осенью 1947 года Берию лишили поста куратора спецслужб, а сменил его ленинградец А.А. Кузнецов. Поэтому совершенно нет оснований сваливать вину за беззакония в стране за период с 1947 по 1953 год на Лаврентия Павловича. В это время он возглавлял атомный проект. (После ареста Кузнецова в 1949 году курировать спецслужбы по линии партии стал Хрущев, что он позже тщательно скрывал.)

В состав высшего руководства страны был введен ленинградец Н.А. Вознесенский. Он председательствовал на заседаниях Совета Министров СССР в отсутствие Сталина. Жданов фактически стал вторым лицом в партии после Сталина. Еще одного ленинградца, А. Н. Косыгина, избрали в марте 1946 года кандидатом в члены Политбюро. Можно сказать, «ленинградская команда» брала в свои руки все основные рычаги управления государством и партией.

Вопреки обыкновению, Г. М. Маленкова не сослали на периферию. Он остался в Москве, сосредоточившись на работе в качестве заместителя председателя Совмина СССР и куратора

программы создания ракетного оружия.

Маленков продолжал пользоваться доверием и уважением Сталина. Об этом свидетельствует красноречивый факт: в сентябре 1947 года на информационном совещании представителей европейских компартий от СССР выступили Жданов и Маленков. Первый сделал доклад о международном положении, а второй — о деятельности ЦК ВКП(б).

В докладе Жданова говорилось, в частности, об экспансии США одновременно по всем направлениям: 1. Военно-стратегические мероприятия (милитаризация страны, которой никто не угрожает; создание военных блоков, нацеленных на СССР). 2. Экономическая экспансия (использование в своих целях послевоенные экономические трудности европейских стран, обеспечение себя рынками сбыта и т. д.). 3. Идеологическая борьба, где главные цели — защита и пропаганда буржуазной лжедемократии и обвинение коммунизма в тоталитаризме.

Нетрудно заметить, что США продолжают наступление на Россию по всем этим направлениям и сегодня, несмотря на то, что она теперь стала капиталистической. Следовательно, дело не столько даже в идеологическом противостоянии, сколько в желании расчленить и полностью поработить еще недавно великую мировую державу.

Маленков в своем докладе затронул, помимо прочего, три темы, о которых есть смысл вспомнить. Он говорил:

«Одной из первоочередных задач является укрепление работы наших партийных организаций. В годы войны партийные органы проделали огромную работу по организации тыла и переводу хозяйства на военный лад. В условиях военного времени партийные органы вынуждены были нередко брать на себя оперативную работу по управлению хозяйством. Это было правильно в тех условиях. Однако нельзя не видеть, что это породило и некоторые отрицательные явления в практике работы партийных организаций, приводило к ослаблению внутрипартийной работы и вместе с тем к подмене государственных и хозяйственных органов. Оказался нарушенным один из основных принципов большевистского руководства».

Это едва ли не первое упоминание в официальном выступлении о необходимости ограничить влияние партаппарата на государственные и хозяйственные органы. Нет никаких сомнений, что данная проблема была одобрена или даже, скорее всего, инициирована Сталиным.

Другая тема: «культивирование и развертывание советского патриотизма» и «решительная борьба с различными проявлениями низкопоклонства и раболепия перед буржуазной

культурой Запада». Маленков привел слова Сталина: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».

Учтем: сказано именно о патриотизме как любви к Родине при братском сотрудничестве трудящихся вне зависимости от их национальности, вероисповедания и даже идеологических пристрастий.

По утверждению Маленкова, «низкопоклонство перед иностранщиной», распространенное среди некоторых слоев нашей интеллигенции, является «пережитком проклятого прошлого царской России». Увы, объяснение слишком примитивно и лишь вводит в заблуждение. Тут явно проявился дефект упрощенного классового подхода к явлениям общественной жизни. Ведь речь идет о новой поросли, воспитанной при советской власти. У них низкопоклонство перед Западом проявляется не в стремлении воспринять высокие достижения культуры, а в жажде материальных благ.

Говоря о внешней политике ВКП(б), Маленков подчеркнул главный принцип: «Мы исходим из факта неизбежности сосуществования на длительный период двух систем — капитализма и социализма — и придерживаемся курса поддержки лояльных добрососедских отношений со всеми теми государствами, которые проявляют желание к дружественному сотрудничеству при условии соблюдения принципов взаимности и выполнения взятых на себя обязательств».

Выступление Маленкова от имени ЦК ВКП(б) на крупнейшем форуме представителей коммунистических партий разных стран бесспорно свидетельствовало о том, что Сталин считает его верным своим соратником. Ему был поручен доклад, декларирующий основные идеологические принципы государственной политики Советского Союза.

«Ленинградское дело»

Обосновавшись после войны в столице, сплоченная ленинградская группа партийных и государственных деятелей быстро превратилась в наиболее влиятельную силу в руководящих органах СССР. Это должно было насторожить Сталина. Не потому, что он утрачивал личный авторитет или свою власть. Об этом ему не приходилось заботиться. Беспокоило явное проявление групповщины — основы коррупционных связей.

Формально все началось с того, что А.А. Кузнецова, которого многие считали одним из самых перспективных в новом поколении партработников и даже рассматривали как возможного преемника Сталина, 13 августа 1949 года арестовали в кабинете Г. М. Маленкова. По странному стечению обстоятельств в конце того же месяца умер от инфаркта Жданов.

Георгий Максимилианович вернул утраченные позиции в Секретариате ЦК. Это событие оказалось судьбоносным не только для него, но и для всей страны. Он фактически стал вторым человеком в партии, по заданию Сталина отвечая за работу парторганизаций. В его подчинение перешли партийные функционеры. После смерти Жданова он уже единолично, хотя и по указаниям вождя, определял идеологическую политику ЦК, а также курировал сельское хозяйство. Все это вместе взятое позволяло Маленкову влиять на кадровые перестановки в партаппарате. И он сполна воспользовался такой возможностью.

Для того чтобы упрочить свое положение и подняться к самой вершине власти, Маленкову надлежало избавиться от представителей ленинградской партократии. Правда, нет веских оснований обвинять его в стремлении ради своей карьеры целеустремленно устранять конкурентов. Маниакальной жажды власти у него не было. Вне зависимости от его устремлений, на них уже были накоплены серьезные компрометирующие материалы.

…О «ленинградском деле» известно довольно много. Почти все получившие по нему сроки заключения выжили и были реабилитированы уже в 1954 году. Но до сих пор наиболее популярна простая схема: Маленков и Берия устранили соратников и выдвиженцев Жданова как своих соперников в претензиях на наследство Сталина.

Однако ситуация, пожалуй, была значительно сложней. Судя по всему, Л. П. Берию следует считать главным организатором спровоцированного «дела Госплана». Удар направлялся в первую очередь против Н. А. Вознесенского. Он был деятелем одного с

Берией уровня: член Политбюро, во время войны введенный в ГКО; первый заместитель Сталина по правительству. Отношения между конкурентами, как отмечалось в мемуарах Микояна, обострились после войны. Молва считала Н.А. Вознесенского очень вероятным преемником вождя в руководстве правительством. Это заставляло Лаврентия Павловича искать пути к устранению соперника.

Алексей Александрович Кузнецов был яркой и сильной личностью, но как политик значительно уступал Берии. Кузнецов не был даже кандидатом в члены Политбюро, а перебрался в Москву только в 1946 году, тогда как Вознесенский (другой выдвиженец Жданова) работал в центре с 1938 года.

Конечно, и Кузнецов отчасти перебежал дорогу Берии, сменив его (осенью 1947) на посту куратора спецслужб. Вдобавок он был близок к министру госбезопасности В.С. Абакумову — выдвиженцу самого Сталина. Хотя Абакумов предпочитал не портить отношения с Лаврентием Павловичем, по некоторым сведениям, он нередко перед докладами Сталину советовался с Берией.

За Кузнецовым стояла мощная ленинградская партийная организация. Еще при Ленине она получила в некоторой степени привилегированный статус, который сохранился при Сталине. Он упрочился и вырос в годы страшной и героической блокады. При Жданове — заместителе Сталина по партии — парторганизация стала резервом руководящих кадров в Москве. Есть версия, что в начале сентября 1941 года, когда немцы замкнули блокадное кольцо, а Жданов свалился с инфарктом, Сталин позвонил Кузнецову и сказал: «Алеша, спасай Ленинград!»

Чтобы устранить Кузнецова, нужно было приложить немало усилий, в частности разгромить партийное руководство Ленинграда. Были слухи, будто Сталин после войны называл Кузнецова своим преемником на посту руководителя партии. Неизвестно, насколько соответствовали такие домыслы истине. Но бесспорно — они подливали масла в огонь маленковской неприязни к ленинградским партработникам и их лидеру.

Был еще один деятель, сыгравший важную роль в разжигании ленинградской трагедии. Это Хрущев. В мемуарах Никиты Сергеевича рассказан интересный эпизод. Как-то после войны, отправляясь на юг, Жданов остановился в Киеве, где встретился с Хрущевым. Тогда в непринужденной обстановке Андрей Александрович доверительно поделился с ним планами создания Коммунистической партии РСФСР.

Никита Сергеевич был начеку. Он быстро смекнул, что идея организации отдельной компартии в самой крупной и

многолюдной республике СССР вряд ли понравится Сталину. Судя по всему, будущий борец с культом личности не замедлил «просигнализировать» о ждановских планах вождю. Не с этого ли начали накапливаться сведения о подозрительных политических взглядах руководящих партийных кадров Ленинграда? Очень вероятно, что было именно так.

Однажды на квартире Кузнецова собрались: Вознесенский, предсовмина РСФСР М. И. Родионов и Первый секретарь Ленинградского обкома В.С. Попков. Угощение было обильным, спиртного тоже вдоволь. Начались разные разговоры на опасные темы. А квартира прослушивалась. Вскоре записи разговоров легли на стол Сталина.

Собеседники выражали недовольство тем, что РСФСР — единственная союзная республика, которая не имеет ни своей компартии, ни своей столицы. Прозвучали предложения сделать столицей РСФСР Ленинград и создать компартию РСФСР с местопребыванием ее ЦК в этом городе. Обсуждалась и кандидатура на пост Первого секретаря ЦК КП РСФСР. Решили, что им должен стать Кузнецов.

Сталин усмотрел в этих разговорах посягательство на прерогативу центра; сепаратизм, противопоставление Ленинграда всесоюзному руководству. Особенно возмутил его тайный раздел руководящих должностей за его спиной. Он мог простить прямые откровенные высказывания, даже неприятные для него, но только не тайные сговоры, угрожавшие расколом в партийном руководстве.

Но дело не только в этом. Только на поверхностный взгляд кажется, будто отсутствие республиканской компартии России ущемляло права русского народа. В действительности было как раз наоборот: утверждалась ведущая роль в руководстве русских коммунистов. Так же как отсутствие Академии наук РСФСР показывало, что основное место в АН СССР принадлежит российским ученым.

Вспомним, как оформлялось расчленение Советского Союза. Представитель какой республики стал инициатором? Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин. Он же запретил деятельность КПСС на территории России. Великая страна перестала существовать. Наша страна превратилась в экологический придаток, энергетического донора Запада. Подобные государства принято стыдливо называть «развивающимися»…

Не этот ли результат предвидел или предчувствовал Сталин, жесточайшим образом пресекая проявления сепаратизма?..

Последовал разгром ленинградской группы. Наряду с

ослаблением позиции ветеранов (Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна) это открывало «путь наверх» руководителю компартии Украины Н. С. Хрущеву.

За «ленинградским делом» последовало «московское». Оно было организовано Маленковым и, возможно, Берией. На это указывает, в частности, почти весь состав комиссии Политбюро, разбиравшей его: Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, М. А. Суслов (тогда близкий к Берии, но всегда остававшийся ловким и беспринципным интриганом).

После ареста ленинградцев на первый план выдвинулся Первый секретарь МК и МГК партии Г. М. Попов. Он занимал по совместительству пост Секретаря ЦК партии. Попов был растущим и влиятельным деятелем. Он набрал такой политический вес, что позволял себе вмешиваться в дела союзных министров и возглавляемых ими министерств. Возможно, этим воспользовался Маленков, обвинивший Попова в стремлении «подменять» министров, правительство и ЦК ВКП(б). Но и в этом случае не исключено, что события разворачивались без его активного вмешательства.

Обратим внимание на такой красноречивый документ — деловая записка Сталина:

«29 октября 1949 г.

Тов. Маленкову.

На днях я получил письмо… о недостатках в работе секретаря М К тов. Попова. Я не знаю подписавших это письмо товарищей. Возможно, что эти фамилии являются вымышленными (это нужно проверить). Но не в этом дело. Дело в том, что упомянутые в письме факты мне хорошо известны, о них я получал несколько писем от отдельных товарищей Московской организации. Возможно, что я виноват в том, что не обращал должного внимания на эти сигналы. Не обращал должного внимания, так как верил тов. Попову… Политбюро ЦК не может пройти мимо вышеупомянутого письма».

Это был очень серьезный сигнал.

Свержение Г. М. Попова безусловно усиливало позиции Маленкова. Он получил возможность поставить на освободившееся место своего сторонника. Кандидатура на это пост уже была: Н. С. Хрущев. Не исключено, что этот карьерист, будучи в Киеве, предложил Маленкову перевести его в Москву в качестве союзника, для чего организовать ряд провокаций против Попова.

Кого мог бы Сталин назначить столичным партийным лидером? Ясно, что известного ему нестарого партаппаратчика, хорошо знающего Московскую парторганизацию. С кандидатурой

Хрущева он должен был согласиться. Так и вышло.

Пленум МК и МГК ВКП(б), проходивший 13–16 декабря 1949 года, снял Попова и избрал на его место Хрущева. Никита Сергеевич унаследовал от Попова и пост Секретаря ЦК. Вместе с Маленковым он стал курировать партийные кадры, а также — что очень важно! — и спецслужбы.

Сталин понимал, что взамен ленинградской группы создается своеобразный союз Маленкова с Хрущевым, а также с Берией и Булганиным. Он постарался противопоставить им П. К. Пономаренко.

Помимо всего прочего, Хрущеву было поручено «опекать» КП(б) Украины. Он получил возможность опереться на верные ему местные руководящие кадры (Кириченко, Подгорного, Шелеста, Кириленко). В Москве Никита Сергеевич заручился поддержкой Шелепина, Гришина, Фурцевой. Хрущев вошел в число трех секретарей ЦК, являвшихся членами Политбюро.

Сталин все чаще болел, а у Маленкова отнимала много времени его работа по руководству Советом Министров СССР, особенно в отсутствие Сталина. Никита Сергеевич, целиком сосредоточившийся на партийной работе, все больше и больше становился хозяином партаппарата. Он приобретал опору среди придавленной сталинской твердой рукой, но ждущей своего часа партократии.

Маленков считал Хрущева своим выдвиженцем и надежным сторонником. Никита Сергеевич умел играть роль простачка. Будущий яростный борец против культа личности при жизни вождя угождал ему, как только мог. Втереться в доверие к Маленкову не представило ему большого труда. Тем более что на этом этапе их пути еще не пересекались.

Выходцы из народа

На июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года Генеральный прокурор СССР Р. Л. Руденко произнес, обращаясь к Маленкову: «Ведь культ личности И. В. Сталина и его последствия произошли потому, что вы изолировали Сталина от народа, от партии… Вы изолировали Сталина и забивали голову ему всякого рода шпиономанией, террором и т. д.».

Но таковы были старания не столько Маленкова, сколько Берии, Хрущева, Булганина. Новая поросль партократов пробивалась к вершинам власти упорно, как сорняки, истребляя и устраняя своих конкурентов. Но дело, конечно, не только в этих отдельных и достаточно заурядных личностях. Подобных людей среди партийной номенклатуры накапливалось все больше. Их тяготила суровая дисциплина, установленная со времен Ленина и поддерживаемая Сталиным.

Эти «выходцы из народа» (к ним Маленков не принадлежал по происхождению) все больше отделялись от народных масс, предпочитая заботиться о собственном благополучии, плести интриги и вести коварные «подковерные» междоусобицы.

У Сталина уже не хватало сил и времени, чтобы контролировать работу партийных и государственных органов, следить за непростыми событиями на «идеологическом фронте», ориентироваться в изменчивых международных отношениях. Тем более что в эти годы он написал две очень важные работы: «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». В первой вождь утверждал, в частности, приоритет языка и культуры над политикой и идеологией (ныне это мало кто из политических деятелей сознает). Во второй он постарался обосновать принципы экономики, не основанные на жажде наживы и погоне за прибылью.

В последние годы жизни Сталин был опутан паутиной интриг, сплетенной теми, кто ждал (быть может, подсознательно) его скорой смерти и надеялся возглавить великую державу. И дело не в том, из каких социальных слоев они вышли. Принципиально важно то, какими они стали, обретая все больше власти и возможности ею воспользоваться.

Избавиться от Сталина в его ближнем окружении наиболее сильно желали по крайней мере два человека: Берия и Хрущев. У каждого из них имелись свои резоны и виды на власть. Оба они обладали гипертрофированным честолюбием, жаждой господства над другими. Однако трудно поверить, будто они только ради удовлетворения своих низменных страстей готовы были

рисковать жизнью.

Казалось бы, все свидетельствует о том, что никакого убийства Сталина быть не могло по самой простой причине: за неимением в его ближайшем окружении тех, кто решился бы на столь рискованную акцию со смертельно опасными для себя последствиями.

Но дело не только в их личных опасениях или амбициях. У тех, кто пробивается к вершинам власти, всегда имеется немало помощников, союзников и соратников. Они образуют более или менее сплоченные группы. У них преобладают не личные интересы, а корпоративные, клановые, а в наиболее общем плане — социальные. Так налаживаются, крепнут и проявляются коррупционные связи.

В условиях улучшения жизни в стране, укрепления и расцвета державы Сталин и некоторые его старые товарищи оказались опасными людьми для руководителей разных уровней. В центре и на местах все более вожделенными становились материальные ценности. Таково победоносное распространение буржуазной, мещанской идеологии, которая была объективным, естественным порождением технической цивилизации на высшей индустриальной стадии. Ее главный движущий механизм основан на принципах выгоды и максимального потребления материальных благ.

СССР при всех своих индивидуальных особенностях был разновидностью именно индустриальной цивилизации. Это подчеркивала и приверженность сторонников марксизма к материализму.

Техническая цивилизация предельно материалистична. Высокие идеалы, включая идею коммунизма, идеалистичны по сути своей. Они вступают в непреодолимое противоречие со стихийно развивающейся на нашей планете техносферой. Буржуазные ценности, напротив, полностью отвечают ее требованиям.

В самом общем виде попытка построить коммунизм выглядит как проявление чистого идеализма. Ленин и Сталин, опираясь на поддержку народа, попытались создать общество, где преобладают не материальные, а духовные потребности. Увы, такая задача необычайно трудна.

Надежда на то, что пролетариат будет неуклонно исповедовать принципы коммунистической идеологии, оказалась иллюзорной.

Глава 6
Под уклон

Но героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, разврат и в бессилье.

М. А. Бакунин

Тайна особняка Берии

Необычайны превратности судьбы Маленкова. После смерти Сталина он стал, по сути, его преемником, осуществил благотворные для народа и государства реформы, приобрел немалую популярность. Казалось бы, ничто всерьез не угрожало его дальнейшему пребыванию на высоком посту.

Конечно же он пытался добиться того, чтобы для членов коммунистической партии, в особенности привилегированных, идейные принципы безусловно преобладали над материальными или карьерными устремлениями. Да, Хрущев в этом отношении оказался хитрей, находчивей, «нутром чующим» настроения партийной номенклатуры. Он сумел завоевать ее симпатии. Но разве одно это могло предопределить падение Маленкова и возвышение Хрущева?

На мой взгляд, для таких решительных перемен должны были быть более веские причины.

Ничего не мешало Георгию Максимилиановичу отказаться от жесткого курса в ограничении власти и возможностей партократии. Вряд ли он был таким же принципиальным и непреклонным сторонником идеи социализма и коммунизма, как Сталин. В последующие годы он постоянно уступал позиции напористому, при необходимости «простодушному» и изворотливому Хрущеву. Почему?

Когда такой насквозь пропитанный политиканством историк, как Рой Медведев, наивно ссылается на слабость Маленкова, якобы выпустившего из своих рук рычаги власти, надо быть слишком наивным, не сказать бы больше, чтобы с этим согласиться. Мы знаем, как смело сражался с троцкистами Георгий Максимилианович, как твердо действовал при Сталине, проявил мужество во время войны, достойно пережил опалу и сумел вновь утвердиться на верхних ступенях власти.

Слабые люди при Сталине не оказались бы в руководстве государством. В чем в чем, а в слабости их не упрекнешь.

Почему бы вдруг он оказался таким податливым под напором Никиты Сергеевича? Обмяк и расслабился? Почему не постарался заручиться поддержкой партийной номенклатуры? Не хватило сообразительности? Вряд ли. Она ему продемонстрировала свое отношение к посягательству на ее материальные возможности.

На мой взгляд, вразумительный ответ на эти вопросы можно получить лишь в том случае, если удастся раскрыть тайну особняка Берии.

Вспомним, как оперативно и жестоко было организовано

нападение на него. Серго, сын Лаврентия Павловича, узнав о масштабах этой операции, пришел к выводу, что так могли действовать только для уничтожения его отца. Зачем бы в другом случае устраивать пальбу почти в центре Москвы? Разве нельзя было подождать буквально несколько часов или день-другой, когда будет официально снят с должности Берия? Его охрана была бы расформирована, а резиденция изъята в пользу государства.

Очень странно и то, что охрана особняка оказала вооруженное сопротивление своим коллегам или даже своему непосредственному начальству. Неужели нельзя было обойтись без жертв? Казалось бы, захватывать силой, штурмовать его дом, да еще вступая в перестрелку с охраной, не имело никакого смысла, если бы в нем не находился хозяин.

И все-таки…

Есть еще одна причина, по которой следовало практически одновременно с изоляцией Лаврентия Павловича организовать нападение на его московский особняк.

Согласно весьма правдоподобным слухам, Берия собирал компрометирующие материалы на всех или почти на всех крупнейших партийных руководителей. Эти бумаги могли храниться у него в рабочем или домашнем кабинете. Наиболее целесообразно было наиболее важные материалы такого рода держать в своем особняке-крепости под надежной охраной и под присмотром сына. Последний мог в случае необходимости воспользоваться ими.

Вот свидетельство П. А. Судоплатова: «В апреле 1953 года в поведении Берии я стал замечать некоторые перемены. Разговаривая по телефону в моем присутствии (а иногда и еще нескольких старших офицеров госбезопасности) с Маленковым, Булганиным и Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК партии, обращался к ним фамильярно, на «ты»…

Однажды, зайдя в кабинет к Берии, я услышал, как он спорит по телефону с Хрущевым:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом.

Развязный тон Берии в общении с Хрущевым озадачил меня: ведь раньше он никогда не позволял себе такую вольность, когда рядом были его подчиненные».

Объяснить такое изменение в поведении Берии можно тем, что после смерти Сталина он получил и хранил у себя материалы, компрометирующие, в частности, Хрущева.

Следовательно, Берия должен был дать приказ своей охране никого ни при каких обстоятельствах не допускать в его домашний кабинет без личного распоряжения хозяина или его сына. Пока «компромат» находился в руках Лаврентия Павловича, он чувствовал себя в безопасности и мог шантажировать своих коллег.

Только по этой причине Хрущев, Булганин, Жуков и некоторые другие лица, включая Маленкова, были заинтересованы в штурме особняка Берии. При этом требовалась внезапность и оперативность. Многое зависело от того, в чьи руки попадет «компромат». И Хрущев постарался сделать так, чтобы этим человеком был он. Наиболее вероятным руководителем данной операции был Серов. Хотя не исключено, что провела ее военная разведка.

Теперь уже все козыри в игре за власть находились в руках Никиты Сергеевича. Как писал П. А. Судоплатов: «Архивные документы свидетельствуют, что Хрущев после ареста Берии перехватил инициативу». Он получил возможность уничтожить порочащие его сведения, добытые из сейфа Берии, одновременно получив возможность шантажировать своих коллег: Маленкова, Булганина, Жукова и т. д. Теперь уже он вел себя с ними развязно, демонстрируя свое превосходство.

Среди компрометирующих материалов, хранимых в сейфе Берии, почти наверняка были материалы, связанные с «ленинградским делом». Одним из главных пунктов обвинения была фальсификация партийными лидерами Ленинграда результатов выборов на партконференции. Во времена Сталина это считалось тяжким преступлением.

«Для нас, — писал П. А. Судоплатов, — самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена, но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. Дело партии было священным, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии…

Теперь мы знаем, что результаты подсчета голосов при тайном голосовании в Ленинграде в 1948 году действительно были сфальсифицированы, но осужденные не имели к этому никакого отношения. Политбюро в полном составе, включая Сталина, Маленкова, Хрущева и Берию, единогласно приняло решение, обязывающее Абакумова арестовать и судить ленинградскую группу…» По его словам, «мотивы, заставившие Маленкова, Берию и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть».

Следовательно, каждый из упомянутой «троицы» почти наверняка сообщал Сталину о том, насколько опасны для единства партии действия и замыслы конкурентов. Для Хрущева было наиболее важно уничтожить все следы своих доносов, что он и постарался сделать, сохраняя «компромат» на Маленкова.

Георгий Максимилианович оказался в трудном положении. Он имел возможность избавиться только от части документов по «ленинградскому делу», которые хранились у него. В 1989 году «Известия ЦК КПСС» опубликовали такие сведения:

«Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого «ленинградского дела» был поставлен после июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к «ленинградскому делу». Бывший заведующий секретариатом Г. М. Маленкова — А. М. Петроковский сообщил в КПК при ЦК КПСС, что в 1957 году он произвел опись документов, изъятых из сейфа арестованного помощника Г. М. Маленкова — Д. Н. Суханова. В сейфе в числе других документов была обнаружена папка с надписью «ленинградское дело», в которой находились записки В. М. Адрианова, личные записи Г. М. Маленкова, относящиеся ко времени его поезди в Ленинград, более двух десятков разрозненных листов проектов постановлений Политбюро ЦК, касающихся исключения из ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенского, конспекты выступлений Г. М. Маленкова в Ленинграде и записи, сделанные им на бюро и пленуме Ленинградского обкома и горкома партии. Во время заседаний июньского (1957) пленума ЦК КПСС Г. М. Маленков несколько раз просматривал документы, хранившиеся в сейфе Д. Н. Суханова, многие брал с собой, а после того как был выведен из состава ЦК КПСС, не вернул материалы из папки «ленинградского дела», заявив, что уничтожил их как личные документы. Г. М. Маленков на заседании КПК при ЦК КПСС подтвердил, что уничтожил эти документы».

Очень показательно, что ни о Берии, ни тем более о Хрущеве ничего не сказано. Материалы на первого теперь уже не имели значения, а Хрущева в период перестройки было принято считать зачинателем «оттепели» и едва ли не отцом русской демократии.

Неслучайно, конечно, Маленков пытался узнать у арестованного Серго Берия, где находятся архивы его отца. По-видимому, тогда Хрущев еще не признался, что они находятся у него. Но при первом удобном случае он дал понять Маленкову, что имеет на него компрометирующие материалы.

Однако не следует преувеличивать значение для жизни

страны борьбы за власть тех или иных государственных и партийных деятелей. Более существенно сказываются на историческом процессе объективные факторы: научно-технические достижения, изменение социальной структуры общества и духовной сферы, преобразование природной среды, а говоря обобщенно — эволюция техносферы, области глобальной деятельности человечества.

За последние два десятилетия историософия (или философия истории) стала преимущественно средством идеологической борьбы. Ее используют не ради познания общества, а как инструмент духовного порабощения людей. Стали популярными архаичные взгляды на исторический процесс как результат усилий нескольких руководителей крупнейших держав, их личных отношений, а внутреннюю политику рассматривают как хитрые козни, интриги и преступления в борьбе за личную власть.

Так произошло отчасти из-за стремления многих историографов, привыкших собирать и расставлять в хронологическом порядке факты, претендовать на их философское осмысление. Прежде у них была относительно надежная материалистическая основа (у советских специалистов — так называемая система исторического материализма). Отбросив ее как порождение марксистской идеологии, не способные на самостоятельные творческие искания историографы утратили всякие ориентиры.

В данной книге тоже слишком много места уделено взаимоотношению нескольких главных действующих лиц. Но такова специфика любой биографии. Надо лишь постоянно иметь в виду, что вся эта достаточно мерзкая явная или скрытая борьба за власть происходит на фоне грандиозных природных и техногенных процессов. Только очень немногим личностям, хоть как-то соответствующим масштабам Ленина и Сталина, удается выдержать этот напор и направить его в определенное русло.

Корпоративное единство партократии

В борьбе за власть Берия и Маленков допустили роковой стратегический просчет. Они как государственные (по преимуществу) деятели исходили из предположения, что КПСС является одной из составляющих системы управления страной.

Так было при Сталине. Но с его смертью ситуация существенно изменилась. Не стало человека, который умело, хотя и с немалыми трудностями, регулировал динамическое равновесие нескольких наиболее влиятельных общественных сил.

Исподволь подросло и окрепло новое поколение партийных руководителей высшего и среднего звена. Они не занимались конкретными вопросами государственного строительства, экономики и культуры. Зато осуществляли «партийный контроль» за всеми отраслями производства, социальной сферой, культурой, образованием, идеологической подготовкой, пропагандой.

У этих людей всегда была возможность переложить вину за свои ошибки на других и приписать себе чужие достижения. А главное, они имели немалые привилегии, которые было искушение увеличивать, пользуясь единовластием партаппарата и отсутствием грозного надзора «сверху», прежде всего со стороны вождя.

Хрущев был порождением партаппарата, его ставленником и заложником. Ему позволяли проводить непродуманные реформы, высказываться грубо и неумно, быть самодуром, доводить конфронтацию с Западом до критической черты… Многое ему дозволялось, лишь бы не страдали интересы расплодившихся в огромном количестве номенклатурных деятелей.

В возвышении Никиты Сергеевича есть свои неясности, но в общих чертах ситуация представляется такой. В своих притязаниях на власть он опирался на значительную часть руководителей партии и вооруженных сил, авторитет которых возрос после победоносной войны и свержения Берии и его ставленников. Маленков мог рассчитывать главным образом на государственный аппарат.

По-видимому, значительную роль сыграла изменчивая позиция Г. К. Жукова, который поначалу был человеком Маленкова, хотя и мог затаить на него давнюю обиду. После смерти (убийства?) Сталина он стал первым заместителем министра обороны Булганина (друга Хрущева), а фактически — главой военного ведомства и главкомом сухопутных войск, некоторые части которых он срочно ввел в Москву. Возможно, этим в какой-то степени объясняется загадка того, как быстро, без

сопротивления молодые сталинские выдвиженцы ушли в тень, на заштатные должности.

В сентябре 1953 года, когда было нарушено сталинское завещание о коллективном Секретариате ЦК КПСС, Булганин (вероятно, при поддержке Жукова) предложил Маленкову согласиться на избрание Хрущева Первым секретарем. Георгий Максимилианович не мог отказать уже по той причине, что опасался «разоблачений» со стороны Никиты Сергеевича. Поддержала Хрущева и старая партийная гвардия, которая могла опасаться единовластия Маленкова.

Теперь к власти пришла партийная номенклатура, во главе которой встал Хрущев. «Под его руководством, — пишет Д. Боффа, — Секретариат ЦК партии превратился в деятельный центр. С 1954 г. в Москве и на периферии был созван ряд совещаний руководителей и специалистов, на которых обсуждались прежде всего проблемы сельского хозяйства, а затем и других отраслей народного хозяйства; Хрущев беспрестанно разъезжал по стране, проверял состояние дел, вмешивался в руководство, повсюду выступал с речами».

Так Никита Сергеевич превратился в знаковую фигуру: он явно демонстрировал переход партийных функционеров к абсолютному господству над всеми государственными и общественными организациями. Маленков, оттесненный на второй план, не смел возражать. Он уже понимал свою обреченность.

Первый сигнал для него прозвучал 24 января 1955 года, когда в «Правде» вышла статья Д. Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма». В ней подчеркивалась ведущая роль КПСС во всех вопросах общественной жизни. Шепилов обрушился на «ревизионистов», ратующих за преимущественное развитие легкой промышленности и производства товаров широкого потребления. В этом автор статьи видел проявление «справедливо осужденных правоуклонистких идей». Кто подразумевался под этим уклонистом и ревизионистом, догадаться было нетрудно: еще недавно Маленков выдвигал такие идеи (естественно, не встречая никакого открытого отпора).

На следующий день состоялся Пленум ЦК КПСС, где уже без обиняков критиковали Маленкова прежде всего за ошибки, допущенные в руководстве сельским хозяйством. Он не возражал и ссылался на отсутствие опыта. Его отставка была официально принята на заседании Президиума Верховного Совета СССР 8 февраля. Возглавил Правительство СССР Булганин, оставив пост министра обороны маршалу Жукову.

Вот что говорил Хрущев о Маленкове в своем докладе на Пленуме ЦК КПСС 31 января 1955 года.

> «…В своей деятельности на посту Председателя Совета Министров СССР тов. Маленков не проявил себя достаточно политически зрелым и твердым большевистским руководителем. В этом отношении характерна речь тов. Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР. По своей направленности эта речь с большими, экономически малообоснованными обещаниями напоминала скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на снискание дешевой популярности, чем ответственное выступление главы Советского правительства. В той же речи тов. Маленковым было допущено теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам легкой и пищевой промышленности, выдвигался в качестве основного вывода лозунг форсированного развития легкой индустрии. Не случайно поэтому, что некоторые горе-экономисты, ухватившись за это ошибочное выступление тов. Маленкова, стали развивать уже явно антимарксистские, антисталинские, правооппортунистические взгляды по коренным вопросам развития советской экономики, преимущественных темпов развития легкой индустрии…»

Как видим, обвинения в точности соответствуют тем, которые выдвинул против анонимных оппортунистов Шепилов в газете «Правда». Обратим внимание на весьма характерную деталь: «правый уклон» Маленкова заклеймен как антимарксистский и антисталинский.

Хрущев поставил знак равенства между марксизмом и сталинизмом! В данном случае он выступил как закоренелый сталинист. Кто бы мог подумать, что уже на следующий год его идейные взгляды опишут дугу в 180 градусов и он заклеймит позором всю деятельность Иосифа Виссарионовича, перед которым еще недавно унижался и которого прославлял.

«Скажу несколько слов о позиции тов. Маленкова по вопросу нашей политики в Германии, — продолжал Хрущев. — Вы теперь знаете, какую линию вел Берия: он предлагал отказаться от курса на строительство социализма в ГДР. Надо прямо сказать, что тогда тов. Маленков был полностью с Берией в этом вопросе. Тов. Ворошилов не присутствовал на этом заседании, где обсуждался

вопрос о ГДР, потому что этот вопрос обсуждали не в Президиуме ЦК КПСС, а в Президиуме Совета Министров СССР. Все члены Президиума ЦК, которые одновременно были членами Президиума Совмина, выступили против предложения, все, за исключением тов. Маленкова. Все высказывались. Это, товарищи, была большая драка по важнейшему политическому вопросу.

Теперь о выступлении тов. Маленкова на собрании перед избирателями 12 марта 1954 года, где он допустил теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации» в случае, если империалисты развяжут третью мировую войну. Своим неправильным утверждением о гибели цивилизации тов. Маленков запутал некоторых товарищей. После этой речи за границей стали повторять положение, высказанное тов. Маленковым; наши товарищи стали повторять, считая, что если так говорит тов. Маленков, то это в какой-то мере отражает линию Центрального Комитета нашей партии. А авторитет Коммунистической партии Советского Союза надо всячески оберегать. Ведь это бесспорный авторитет для всех братских компартий. В речи тов. Маленкова было высказано теоретически неправильное и политически вредное положение, направленное не на пользу политики нашей партии, а способное породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров».

Никита Сергеевич в данном случае представил Маленкова как пацифиста, запуганным призраком третьей мировой войны. Правда, он не употребил слова «пацифист», которое в ту пору в официальных кругах считалось синонимом слова «пораженец», готового без боя сдаться врагу. Но смысл высказывания примерно такой. Воинственный пыл Хрущева можно расценивать как отрыжку троцкизма. Но, скорее всего, он прагматично поддержал влиятельных представителей военно-промышленного комплекса и Министерства обороны.

Хрущев продолжал: «Хочу сказать еще вот о чем, что его также характеризует не как дальновидного политического деятеля. В прошлом году мы готовились к сессии Верховного Совета СССР, на которой предполагалось обсудить вопросы Государственного бюджета Советского Союза. Тов. Маленков выдвигает такое предположение: «Давайте сделаем так, чтобы на этот раз не министр финансов делал доклад о Государственном бюджете, — а он, как Председатель Совета Министров СССР». Мы считали, что тут ничего плохого не будет, если Председатель Совета Министров Советского Союза сделает такой доклад.

Разъехались по домам. И вот тов. Маленков мне домой звонит, говорит: «Хочу посоветоваться насчет доклада». Приехал.

«Знаешь, — говорит, — я хочу в докладе о государственном бюджете поставить вопрос об улучшении социального обеспечения в стране».

А надо вам сказать, что этот вопрос только начинал по-серьезному готовиться. Говорю ему: «Позволь, ведь этот вопрос еще совсем сырой, его только готовят, никакого решения еще нет. О чем же ты будешь говорить? Неужели ты хочешь пятаки раздавать, сделать народу какие-то посулы?»

Дело социального обеспечения — сложное дело. Здесь тому пятак, тому гривенник прибавить, то можно и дешевенькую славу снискать. Скажут, сам тов. Маленков декларирует новые положения о социальном обеспечении. Тов. Маленкову нужна была эта дешевенькая слава. Эта песня из той же оперы, как и его выступление на V сессии Верховного Совета СССР.

Если говорить о пенсиях, то этот вопрос, конечно, можно упорядочить. Здесь не может быть двух мнений. Не надо его решать так, как решает партия все другие вопросы».

В этих словах Хрущева проскальзывает мысль о том, что улучшение жизни советского народа — само по себе дело второстепенное. Для него как партийного функционера важно, чтобы такие меры исходили от имени партийного руководства (и лично от него). Его беспокоило усиление позиций Маленкова, укрепление его авторитета в народе. Этого ни ему, ни его соратникам не нравилось.

Как бы смягчая напор на Председателя Совета Министров СССР и переводя критику в плоскость личных недостатков, Хрущев счел нужным завершить свое выступление так:

«Мы не сомневаемся в честности слов тов. Маленкова, но я очень сомневаюсь в его возможностях проведения твердой линии: у него нет твердого характера, хребта не хватает. Обменивались мы мнениями на этот счет, в частности, с тов. Молотовым, говорили, что, вот, Черчилль рвется к встрече с Председателем Совета Министров СССР, и, право, боязно, что, если он сюда приедет и наедине будет говорить с Маленковым, тот может испугаться, сдаться. Конечно, нельзя требовать от тов. Маленкова подтверждения противного, ибо нельзя это подтвердить и доказать, как математическую формулу. Но я вижу, что нет у него характера, если человек нередко теряется, заискивает перед другими.

Вопрос этот очень серьезный, и на такие веши надо смотреть трезво. Руководство такой великой партией, как наша Коммунистическая партия, руководство такой великой страной, как Союз Советских Социалистических Республик, приумножение и дальнейшее развитие всего, что накоплено нашей партией, во

многом зависит от того, кто стоит у руководства и как проводит он линию, намеченную партией, как претворяет в жизнь советы великого основателя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина и верного продолжателя его дела И. В. Сталина.

Помню, как однажды товарищ Сталин, когда был старым, говорил:

«Смотрите, как было. Ленин только власть взял, ничего у нас еще не было, а весь капиталистический мир ругал и буржуев не боялся. Наоборот, они смертельно боялись его. Смотрите, не трусьте, не отступайте от нашей линии, твердо и смело идите вперед».

Вновь Никита Сергеевич, словно по инерции, ссылается на Иосифа Виссарионовича как на высший авторитет. Судя по всему, у него еще не возникло даже намека на мысль о развенчании культа личности Сталина. Когда она могла появиться? Каким образом и почему созрела в его голове?

Вряд ли по этому поводу он даст ответ в своих воспоминаниях. Ответ, как я думаю, может подсказать еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек» (главный редактор А. В. Софронов) за вторую половину 1955 года. В нем постоянно мелькают фотографии Хрущева. Ничего подобного не было при Сталине, фотографии которого появлялись в журнале редко.

Вот Хрущев на воздушном параде в центре руководителей партии и правительства; справа от него Булганин, слева — Маленков. Через страницу — Хрущев и Булганин в центре лиц, присутствовавших на приеме в посольстве США. В том же июле видим его вместе с Булганиным, Молотовым и Жуковым на совещании глав правительств четырех держав. Затем большой фоторепортаж о том же событии, где главные действующие лица — Хрущев и Булганин. В августе — фоторепортаж о приеме у Булганина, где трижды на переднем плане Хрущев. Национальный праздник Румынии — и снова Никита Сергеевич. В сентябре на переговорах между правительственными делегациями СССР и ГДР на первом плане Хрущев. Приехала правительственная делегация Финляндии — он тут как тут, в центре…

Интересно, что Булганин почти везде позирует, тогда как Хрущев держится совершенно естественно и уверенно. На мой взгляд, все говорит о том, что бразды правления не только партией, но и страной окончательно перешли в его руки. Это была победа не только его лично, но всей партийной номенклатуры. Теперь Никите Сергеевичу, пожалуй, стало слишком тесно в доселе привычном прокрустовом ложе верного

соратника Сталина. Пришла пора создавать собственный культ. Не об этом ли он втайне мечтал многие годы?

В июле 1955 года на очередном Пленуме ЦК КПСС был отодвинут на второй план Молотов, вряд ли ожидавший такого поворота событий. При помощи Микояна и Булганина, а также изменивших Маленкову еще недавних его союзников Жукова, Первухина и Сабурова Хрущев добился избрания в Президиум ЦК КПСС своих сторонников Суслова и Кириченко.

14 февраля 1956 года открылся XX съезд КПСС. Он стал триумфальным для партийных функционеров и лично Хрущева. Он выставил себя инициатором тех реформ, которые начал Маленков. Более того, осмелел настолько, что зачитал уже после исчерпания повестки дня съезда секретный доклад, в котором обвинил Сталина во всех ошибках и злоупотреблениях властью за последние 30 лет. В этом выступлении он многократно преувеличил масштабы репрессий. О своих преступлениях не упомянул вовсе. Привел даже такое нелепое утверждение, будто Верховный главнокомандующий руководил военными действиями по глобусу.

Это была, по сути дела, проверка многих крупных партийных деятелей и военачальников на честность и мужество. Например, прославленный до неприличия Г. К. Жуков прекрасно знал, как Сталин руководил военными операциями, порой называя конкретные деревни и высоты, то есть оперируя тактическими картами крупного масштаба. Руководители органов государственной безопасности прекрасно знали, сколько было заключенных в лагерях в каждом году и какой процент составляли «политические», потому что они предоставили Хрущеву эти данные. Почти все делегаты прекрасно знали, как свирепствовал Хрущев во время репрессий.

Первый секретарь КПСС, ставший руководителем страны, выставляя себя борцом за правду, нагло и прилюдно лгал. Многие это прекрасно понимали. Но никто из осведомленных гражданских и военных деятелей ни тогда, ни позже не подняли свой голос в защиту правды.

«В докладе на XX съезде, — пишет Владимир Карпов, — было не только осуждение «культа», но произошло и саморазоблачение Хрущева как предателя, который долгие годы скрывался под личиной единомышленника Сталина. Об этом красноречиво свидетельствует «высший пилотаж» подхалимажа, продемонстрированный Хрущевым на XVIII съезде, в марте 1939 года, когда он умудрился за 20 минут 32 раза лизнуть вождю одно место! Он называл Сталина «гениальным руководителем», «вождем», «великим» (7 раз), «родным», «величайшим гением

человечества», «учителем» и в то же время «другом украинского народа».

Вот кто в меру своего таланта подхалима раздувал этот самый «культ личности Сталина». О подобных выступлениях Никиты Сергеевича знали едва ли не все делегаты, которые теперь лицезрели его в виде разоблачителя. Но ведь разоблачался он сам, понося того, кого еще недавно возносил до небес. Чем не образ храброго осла из басни Лафонтена, лягнувшего мертвого льва.

Вот какого человека партийная «элита» провозгласила своим вождем! Это стало красноречивым показателем степени моральной нечистоплотности, низости тех, кому теперь принадлежала власть в стране. Речь идет, конечно, о делегатах съезда, занимавших руководящие посты. А многие из тех, кто не входил в номенклатуру, были ошеломлены, пребывали в полной растерянности и не сразу поняли суть происходящего. Зато крупные партийные деятели наконец-то почувствовали себя полноправными хозяевами в своих «вотчинах».

Саморазоблачение Хрущева, разоблачителя «культа личности», стало своеобразной демонстрацией корпоративного единства «номенклатуры», а точнее говоря, партийных функционеров разного уровня. Они убедились, насколько лицемерен и лжив их вождь (едва ли не «крестный отец», как у мафиози, или «пахан», как у наших уголовников) Никита Сергеевич. Теперь можно было равняться по нему.

Характерная деталь: текст «секретного» доклада был вскоре опубликован за границей, оставаясь закрытым для «простых» советских граждан.

Однако после венгерского вооруженного восстания осенью 1956 года позиции Хрущева существенно пошатнулись. Его и Микояна справедливо обвиняли в венгерской трагедии. Удар, нанесенный по мертвому вождю, рикошетом ударил по компартиям зарубежных стран и обрушился на голову Хрущева. Теперь начал восстанавливаться авторитет Молотова.

В это время многое, пожалуй, зависело от того, на чьей стороне окажется маршал Жуков. Не исключено, что у него были свои тайные карты в этой сложной игре, где победа должна была достаться самому ловкому интригану. Неопределенность позиции Жукова вызывала беспокойство Брежнева (в ту пору ярого хрущевца).

Антипартийная группа

«Во второй половине 1957 года, — пишет Д. Боффа, — соотношение сил в Президиуме ЦК складывалось не в пользу Первого секретаря. Его противники окрепли, число их возросло. В условиях коллегиального руководства отношения резко ухудшились. Началась острая политическая борьба с неопределенным исходом».

И все-таки на первом этапе борьбы исход был вполне предсказуемым и определенным. Против Хрущева выступили большинство членов Президиума, причем наиболее авторитетные партийные и государственные деятели: Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Булганин, Первухин и Сабуров. К ним примкнул и Шепилов. На стороне Хрущева оказалось всего трое: Микоян, Суслов и Кириченко.

Судя по всему, Булганин и Шепилов присоединились к «антихрущевской коалиции» в уверенности, что она безусловно победит. Суслов и Кириченко своим выдвижением были обязаны Хрущеву, у них не было выбора: смещение «патрона» означало и их падение. А вот хитрый и неглупый Микоян, казалось бы, оплошал и выступил против своих давних товарищей, да еще и составляющих большинство. Хотя в действительности он предчувствовал бесперспективность их попытки ограничить притязания партии на неограниченную власть.

На заседании Президиума ЦК Н. С. Хрущев, согласно решению большинства, был снят с должности Первого секретаря ЦК КПСС. Булганин приказал министру внутренних дел СССР Н. П. Дудорову немедленно разослать об этом решении шифровки региональным партийным лидерам.

И гут произошло нечто неожиданное: Дудоров не выполнил приказ начальника. В своих мемуарах он представил эпизод так, будто все решилось во время его разговора с начальником фельдъегерской связи МВД СССР. Это мало похоже на правду. Приказы вышестоящего начальства на таком уровне не обсуждаются и тем более не отменяются. Нет сомнения, что совет, просьба или даже требование не торопиться исходило «свыше». А там у новоиспеченного министра, до этого не служившего в органах внутренних дел или госбезопасности, был тот же «благодетель», что и у Суслова с Пономаренко.

Дудоров был человеком Хрущева, поставленный им на пост министра (7 февраля 1956 г.) и введенный в ЦК КПСС. Как видим, предусмотрительный Хрущев поставил на многие ключевые посты своих сторонников, обязанных ему карьерой. Кстати,

руководители ТАСС и Госкомитета радио и телевидения тоже должны были известить страну и мир о смещении Хрущева, однако не выполнили распоряжения, отданного им от имени большинства членов Политбюро.

Партийные функционеры почуяли опасность, нависшую над ними, и сплотились во имя своих корпоративных интересов. Эти интересы не относились к сфере высоких идей. Они боролись за свое привилегированное положение и — на ближайшее будущее — возможность установления коррупционных связей.

Никита Сергеевич был абсолютно уверен в их поддержке. Поэтому спешно и тайно по личной инициативе и при содействии своих сторонников в Москве — Дудорова, Серова, Жукова — созвал чрезвычайный Пленум ЦК КПСС. Делегаты «слетались» изо всех концов страны спецрейсами и на военных самолетах. Это была поистине демонстрация единства партаппарата во имя сохранения своего господства, ради низменных антигосударственных интересов.

О том, как происходили дальнейшие события, интересно и поучительно услышать от первого лица — Николая Павловича Дудорова. Вот его рассказ:

«20 июня 1957 г. в субботу многим членам ЦК КПСС стало известно, что несколько дней без перерыва заседает Президиум ЦК КПСС, где рассматривается вопрос о руководстве партии и ее политической линии.

В тот же день, в 18 часов вечера, в Свердловский зал Кремля прибыли 107 членов ЦК партии из общего числа избранных на XX съезде партии 130 членов ЦК и предложили членам Президиума ЦК прекратить свое заседание. Члены Президиума прибыли в зал заседания Пленумов ЦК, где и было принято решение о созыве Пленума ЦК КПСС в понедельник 22 июня 1957 года в 2 часа дня.

После краткого сообщения рассматриваемых вопросов на закрытых заседаниях Президиума ЦК КПСС председательствующий предоставил слово для выступления Маленкову.

Я сидел в первом ряду зала заседаний Пленума, около трибуны, и пока Маленков выходил из-за стола Президиума Пленума ЦК, я занял трибуну и обратился к членам ЦК со следующей просьбой:

«В связи с обсуждением на Пленуме ЦК КПСС внутрипартийного вопроса я прошу членов Пленума ЦК разрешить мне выступить перед тем, как выступит Маленков. В своем сообщении я охарактеризую работу Маленкова в бытность его многие годы заведующим отделом кадров партийных органов ЦК и секретарем ЦК КПСС, и пусть он потом даст ответ Пленуму

ЦК партии. Для этого я располагаю неопровержимыми фактами и документами, которые раскрывают его лицо как человека, причинившего своими действиями непоправимый вред нашей партии».

Все участники Пленума ЦК в один голос ответили на мою просьбу: «Говори, товарищ Дудоров». Маленков ушел. Я в своем выступлении подробным образом рассказал членам Пленума о той преступной роли, которую исполнял Маленков по уничтожению кадров, и все, что мною выше изложено. Участники Пленума ЦК выслушали мое выступление с большим вниманием. После моего выступления Маленкова никто не хотел слушать, а по существу, его сняли с трибуны. По обсуждаемому вопросу выступило много членов ЦК партии и все выступающие клеймили позором деятельность раскольнической антипартийной группы.

Пленум ЦК КПСС единодушно принял решение исключить Маленкова, Молотова, Кагановича из членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС.

Первичные партийные организации, где они состояли на партийном учете, исключили их из рядов партии».

Из рассказа Дудорова становится ясно многое из того, о чем он не желал говорить. В частности, нет никакого сомнения, что и раньше, задерживая вопреки указанию Булганина отправку решения Президиума ЦК о снятии Хрущева, и теперь, подготовив свое выступление и сорвав доклад Маленкова. Почему Дудоров поступил так? Объяснение подсказывает его путь во власть.

Кем был он до недавнего назначения на пост министра внутренних дел СССР? Всего лишь заведующим отделом строительства ЦК КПСС. А еще раньше — в 1950–1952 годах — заведующим отделом строительства МГК КПСС. Тогда-то и приметил его Хрущев, содействуя его дальнейшей карьере. Дудоров не остался в долгу.

На первый взгляд может показаться несправедливым, надуманным, лживым клеймо: «антипартийная группа». Признаться, в те годы я так и думал. Можно ли называть так людей, которые многие годы были крупными партийными работниками? Некоторые из них, в отличие от Хрущева, вступили в партию еще до революции. Не было буквально никаких причин для того, чтобы они предали дело, которому посвятили всю сознательную жизнь.

Но когда знакомишься с материалами чрезвычайного Пленума ЦК, то приходится хотя бы отчасти соглашаться с таким названием группы, руководимой Молотовым и Маленковым.

Они конечно же не предлагали упразднить КПСС или установить многопартийную систему. (На мой взгляд, наиболее

разумно было бы превратить ее в общественную организацию; тогда в ней остались бы люди идейные, а не карьеристы и любители привилегий.) Предполагалось всего лишь предотвратить абсолютное господство КПСС над государственными и советскими органами, над общественными организациями. Это превращало партийных руководителей всех рангов в полновластных хозяев страны. Выходцы из народа начали господствовать над народом.

Георгий Максимилианович был прав: в СССР после смерти Сталина вместо диктатуры пролетариата, трудящихся, все более определенно устанавливалась диктатура КПСС. Это мнение разделял и Молотов, который не питал симпатии к Маленкову, а то и просто был к нему враждебно настроен, но беспокоился за судьбу страны.

Название «антипартийная группа», несмотря на явный перехлест, весьма показательно. Оно подчеркивает принципиально важное обстоятельство: партаппарат усмотрел угрозу своему всесилию в связи с возможной победой деятелей, которые главный упор делали не на партийную, а на государственную работу.

В ту пору вряд ли кто-нибудь с полной определенностью осознавал, что победа партократии расчищает для Советского Союза — великого государства Российского — путь в пропасть.

Смертельная опасность

Откуда могли появиться у Дудорова материалы, компрометирующие Маленкова? Неужели партийный куратор строительства на досуге развлекался тем, что собирал сведения, по большей части секретные и совершенно секретные, порочащие Георгия Максимилиановича? Сомнительно. Логичней предположить, что он получил их от своего покровителя.

Пожалуй, с этого момента начинает в какой-то мере проясняться тайна особняка Берии, его личного сейфа и досье на крупных партийных деятелей. В трудный для себя момент Никита Сергеевич раскрыл свои козыри, позаимствованные у того, кто слишком много знал и был за это убит. Хитрый Хрущев не стал сам себя защищать, а выставил «подсадную» фигуру вроде бы объективного свидетеля.

Инициативу Дудорова по разоблачению Маленкова подхватил, в частности, Руденко, сказав:

— Товарищ Серов помнит, что когда разбирали архив Берии, то нашли объяснение товарища Маленкова на имя Сталина… К «ленинградскому делу» никакого отношения в смысле нажима, предложения, Сталин не имеет… В июле 1940 года Абакумов с ведома Георгия Максимилиановича подает записку на имя Сталина, что Капустин — бывший секретарь горкома, который был в 1930 году в Англии как инженер, — что он является английским шпионом. С этого начинается «ленинградское дело».

Маленков справедливо заметил: «Я не имел к этому отношения. Почему с моего ведома, когда Абакумов не был мне подчинен».

Мы уже приводили эти слова. Они показывают, что куратором МГБ являлся не Маленков, а Хрущев, который тем не менее патетически воскликнул:

— Руки Маленкова обагрены кровью ленинградцев!

Казалось бы, в ответ на такой выпад следовало уличить Никиту Сергеевича в многочисленных злодеяниях и до войны, и после свержения Кузнецова. Но Георгий Максимилианович предпочел отмолчаться. Во-первых, многие и без него знали об активном участии Хрущева в репрессиях. Во-вторых, видя, что поражение неизбежно, Маленков постарался не раздражать нападавших и их идейного вождя. Тогда имелась возможность отделаться всего лишь переводом на низшую должность.

Поведение Дудорова и других противников «антипартийной группы» на чрезвычайном пленуме показывает, что все уже было заранее оговорено с Хрущевым и большинством членов ЦК. Им

нельзя было отдавать инициативу Маленкову и его сторонникам. Иначе пришлось бы обсуждать веские обвинения, направленные против Хрущева. А так перевели весь ход Пленума в другое русло, заставили замолчать Маленкова и яростно вцепились в тех, кто посмел хоть как-то ущемить и без того огромные права партийной номенклатуры.

После первого же дня чрезвычайного Пленума ЦК Никита Сергеевич, воодушевленный поддержкой партийных функционеров, стал вести себя как полноправный хозяин. Молотов, который еще при Ленине входил в руководство ВКП(б), обращался к нему на «вы», тогда как более молодой Хрущев ему «тыкал».

— Был момент, — говорил Хрущев, — когда мы освободили Маленкова и искали нового председателя. Тогда известное большинство настаивало, чтобы я принял на себя пост Председателя Совета Министров. Этот вопрос больше всего выдвигал Молотов. Я говорил, что надо усилить работу в Центральном Комитете партии, в партийных органах, а мне Молотов говорит, что было бы хорошо несколько снизить роль партии…

Хрущев так представил своим сторонникам программу этой группы:

— Во-первых, изменение политической линии партии… Во-вторых, изменение руководства партии… Следовательно, антипартийная группа ставила перед собой задачу — свернуть партию, страну с ленинского пути, опорочить все достижения партии за последние годы…

Вряд ли кто-либо из присутствовавших поверил подобным наветам. О каком изменении политической линии партии шла речь? Хрущев не привел ни одного аргумента, подтверждающего его обвинения. По-видимому, он намекал на стремление Маленкова несколько ослабить значение военно-промышленного комплекса и тяжелого машиностроения за счет увеличения товаров широкого потребления для народа.

На какое изменение руководства партии он намекал? Пожалуй, на возможную «чистку» ее рядов, обновление руководящего состава, налаживающего коррупционные связи.

Наконец, какие достижения партии за последние годы пыталась опорочить антипартийная группа?

…На этот счет хочу привести свое свидетельство как очевидца событий тех лет. В моем Московском геологоразведочном институте студенты первых курсов в 1956 году работали летом на целине. У нас училась молодежь преимущественно не столичная. Наши ребята лучше москвичей

понимали, как живут страна и народ, что происходит в сельском хозяйстве.

Так вот, вернувшись с целины, они на комсомольском собрании с возмущением говорили, как безобразно обстоят там дела. Нагнали много техники, распахивают огромные территории, рапортуют о замечательных успехах, тогда как засевают много, но потери урожая огромные: нет дорог, элеваторов, складов. А сильные степные ветры уносят плодородный слой почвы.

На собрании выступили партийные руководители института, обвиняя комсомольцев-целинников: мол, по молодости лет они не понимают глубину замыслов ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Но ребят не так-то просто было запугать. Они стояли на своем. Разгорелся спор с выкриками из зала. Правда была на стороне молодежи.

Оказывается, Маленков тоже выступал против массированного и неподготовленного наступления на целину, организованного по указаниям Хрущева. (Когда я много лет спустя работал в Казахстане, то видел заброшенные мертвые поселки целинников с улицами, словно засыпанными сугробами темно-коричневого снега; это были следы ветровой эрозии, пыльных бурь и деградации почвы — последствия «целинной эпопеи»).

Летом того же года я работал в Хакасии, на юге Сибири. В начале августа довелось увидеть там возделанное поле с какой-то странной темно-зеленой невысокой порослью. Присмотрелся — кукуруза…

Вспомнил удивившую меня статью в одном из весенних номеров «Огонька» 1955 года с названием: «Кукурузу — до Полярного круга!» Там говорилось о великолепных урожаях кукурузы на опытных участках, расположенных на Европейском Севере России. И говорилось, что предстоящей весной под посевы кукурузы будет отведено до 15 млн гектаров.

Конечно, я не был знатоком сельского хозяйства, однако публикация меня поразила прежде всего прилагаемой картой. На ней были показаны стрелками, подобно тому, как военные обозначают направления ударов при наступлении, распространение посевов кукурузы. Выходило, что их предполагается сразу продвинуть на север в среднем на тысячу километров! И не надо быть специалистом, чтобы понять: одно дело — опытные делянки, а совсем другое — обширные колхозные и совхозные поля.

Неслучайно от сельских жителей приходилось слышать в адрес Хрущева: «Кукурузник!» Неслучайно же в Хакасии,

например, большие поля не засеивали кукурузой.

Кстати, когда я в начале лета ехал в Хакасию, наш пассажирский поезд часто останавливался, уступая путь товарным эшелонам с сельскохозяйственной техникой и целинниками. Возвращаясь осенью, увидел поначалу ошеломившую меня картину. На подъезде к станции вдоль путей тянулась какая-то странная высокая насыпная гряда желтого цвета, покрытая чем-то черным. Приглядевшись, понял: это горы зерна, на которых жируют птицы.

Не менее показательной была картина на станции: хлебный ларек на привокзальной площади, осаждаемый огромной очередью…

Сейчас, признаться, не могу точно сказать, в каком году видел эту картину. Возможно, позже, а не в 1956 году. Но она врезалась мне в память прочно.

В начале 1960-х годов мне удалось в одной из статей написать, что ориентация на значительное расширение посевных площадей и увеличение голов скота не отвечает современному направлению сельскохозяйственного производства: повышение урожайности растений и улучшение качества животных. Формальные показатели не имеют серьезного значения. (Тогда нередко подсчитывали урожаи на корню или зерно, собранное комбайнами, и получались внушительные цифры.) Главное — хлеб на столе или зерно в кормушке.

…Вернемся на июньский чрезвычайный Пленум ЦК КПСС 1957 года. На нем Хрущев особо отметил (по-видимому, к немалому удовольствию присутствовавших): «ЦК не объявил ни одного выговора секретарям обкомов и крайкомов».

В своем выступлении он особое место уделил подчинению органов государственной безопасности партийному руководству. Он говорил:

— Органы государственной безопасности укреплены партийными работниками. Товарищи, лживо утверждение Маленкова и Кагановича, что материалы КГБ докладываются только Хрущеву… Антипартийная группа неслучайно хотела этот орган оторвать от партии…

По словам Хрущева, антипартийная группа хотела предоставить Булганину, Председателю Совета Министров СССР, еще и должность начальника КГБ:

— Каганович, Молотов и Маленков хотели туда посадить своего человека и через Булганина прекратить поступление в Президиум материалов, разоблачающих преступные действия, которые были совершены Молотовым, Кагановичем и Маленковым по уничтожению цвета нашей партии…

Его поддержали голоса из зала. Отозвался Г. К. Жуков: «Правильно!»

Вообще-то, если согласиться с мнением Хрущева, картина получалась занятной: если лучшие, цвет партии, уничтожены, то, стало быть, настало время сорняков?

Но антипартийной группе было не до шуток. Вот ведь как получалось: сначала свалили все преступления на Берию и быстро избавились от него: потом обвинили покойного Сталина; теперь главный удар нанесли по Маленкову, Молотову и Кагановичу. Двум последним как остаткам «ленинской гвардии» смертельной угрозы не было. Однако положение Маленкова было близко к катастрофическому.

Член ЦК партии, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС П. Ф. Юдин — идеологический работник, специалист по историческому материализму, ставший в 1953 году академиком АН СССР, — не пожалел черной краски, давая характеристику Маленкову:

«Товарищи! Маленков — зловещая фигура в нашей партии. С его именем за последние двадцать лет связаны самые тяжелые события в жизни партии и народа. Он непосредственный организатор самых чудовищных террористических злодеяний против основных кадров нашей партии. Он приложил свою нечистую руку к истреблению сотен тысяч коммунистов и беспартийной интеллигенции.

Берия и Маленков — это сиамские близнецы… Собрат Маленкова умер, а этот живет и продолжает дело своего брательника.

Маленков — это своего рода Макиавелли в советском обществе, который ради достижения своих корыстных целей не гнушается никакими средствами…»

Такое выступление, более похожее на призыв к расправе над оставшимся в живых «сиамским близнецом», не сулило Маленкову ничего хорошего.

Гнетущее впечатление производит цинизм Юдина, который до этого времени выслуживался, в частности, и перед Маленковым (в противном случае не стал бы академиком: не ученые же предложили ему это звание). В то же время печально отмечать невежество этого, с позволения сказать, историософа. Его ссылка на Макиавелли нелепа, как будто не читал его работ и не знал его биографии. Маленков не мог походить на флорентийского мыслителя уже потому, что не был теоретиком. Конечно, Никколо Макиавелли в начале XVII века вел дипломатическую работу в республиканской Флоренции, но не совершал никаких злодеяний и не преследовал корыстных целей.

Последнее было характерно и для Маленкова.

У Макиавелли было высказывание, за которое его лицемеры и глупцы обвиняли в беспринципности. Он исходил из реальности, когда утверждал, что ради упрочения государства допустимы даже преступные средства, если они необходимы: «Не откланяться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо».

Разве не так все происходит в действительности? Разве реальные правители — даже самые гуманные — не вступают «на путь зла» в тот момент, когда это требует безопасность государства? Ведь казнь преступников или военные действия — очевидные отклонения от добра.

Пожалуй, Маленков всегда действовал по такому принципу. Если было бы иначе, если бы обнаружились документы, бесспорно свидетельствующие о его преступных деяниях, то его могла бы ожидать судьба Берии. Во всяком случае, Юдин обвинял его утрированно и голословно. Большинство участников чрезвычайного Пленума (если не все) прекрасно знали, что Хрущев осуществлял жестокие репрессии на Украине и в Москве, а Маленков в этом отношении ему значительно уступает.

Георгия Максимилиановича спасла сдержанность. Была ли это трусость? Возможно. Хотя точнее сказать — благоразумие. Никаких шансов на победу не было. Оставалось смириться с поражением и не раздражать противников.

Сначала его союзником был Председатель Правительства СССР Николай Булганин, переметнувшийся от своего давнего приятеля Хрущева к антипартийной группе. Но, в трудную минуту он дрогнул.

Вот свидетельство Андрея Георгиевича Маленкова:

«Отчетливо помню, какой неясной тревогой в июньские дни 57-го года был наполнен наш дом. Мы решительно ни о чем не догадывались, но по каким-то нюансам в поведении отца видели: хоть и держится с полным спокойствием, но нервы у него на пределе. Однажды невольно услышал, как Георгий Максимилианович властно сказал кому-то по телефону: «Николай, держись. Будь мужчиной. Не отступай…» Как потом стало ясно, разговор этот происходил уже в дни работы июньского Пленума, на который Хрущев успел свезти своих верных сторонников — что-то около одной трети ЦК. А разговаривал отец с Булганиным, который должен был опубликовать в «Правде» решение Президиума о снятии Хрущева.

Увы, «Николай» уже искал лазейки и компромиссы, чтобы уцелеть перед бешеным напором хрущевцев. Механически собранные в «антипартийную группу» Маленков и его враги,

Молотов и Каганович, были навсегда удалены с политической арены. А немногим позже один за другим исчезли с нее Булганин и Ворошилов. Сразу же после Пленума или через какое-то время поплатились своей политической карьерой и все те из высшего эшелона власти, кто в той или иной мере поддерживал предложение Маленкова о снятии Хрущева с поста генсека.

Так Хрущев совершил государственный переворот и единолично захватил власть в стране. Известно, чем закончилась эта «победа». В начале 1960-х годов Хрущев вернул ранее отмененные непомерные налоги на крестьян, ликвидировал приусадебные участки и, укрупнив колхозы, а многие из них превратив в совхозы, тем самым окончательно доконал сельское хозяйство. Отныне наша страна уже не могла обойтись без ежегодного импорта зерна.

Ну а об остальных «деяниях» Никиты Сергеевича — от совнархозов и разделения обкомов на промышленные и сельские до страшного расстрела в Новочеркасске, расправы с «инакомыслящей» творческой интеллигенцией и демагогического обещания коммунизма к 1980-му году — я говорить не стану: они всем известны».

Уточним: о единовластии Хрущева надо говорить с оговоркой и уточнением. Да, теперь Никита Сергеевич, как позже выразился его духовный сын Ельцин, получил возможность «порулить», не имея над собой руководителя более высокого ранга. Однако это стало возможным лишь при попустительстве возвысившей его партократии.

В дальних краях

Летом 1957 года Георгий Максимилианович Маленков был изгнан из номенклатуры. На чрезвычайном Пленуме ЦК КПСС он вел себя, как мы знаем, сдержанно и по большей части признавал свои ошибки. Резких выпадов в адрес Хрущева не делал. Ему это зачлось. Наказание было не слишком суровым.

Ему довелось примерно половину своей сознательной жизни — в начале и в конце — провести как более или менее обычному гражданину. К переменам в своей судьбе он относился, как принято говорить, философски. Это делает ему честь. Впрочем, оставил он номенклатуру не по своей воле.

В ЦК партии ему предложили на выбор два места работы. Он решил поехать директором Усть-Каменогорской ГЭС на Алтае. Поработал он там недолго: перевели в Экибастуз. «В этом, тогда еще небольшом городке угольщиков, — пишет его сын, — отец проработал директором ТЭЦ десять лет…

В Экибастузе над нашей семьей сразу был учрежден тщательный и открытый надзор КГБ. Родителей поселили в стандартном двухэтажном доме в трехкомнатной квартире. В соседней одновременно обосновался агент. Что уж он там докладывал своему ведомству, не знаю: ведь и здесь мы твердо следовали правилу — дома на политические темы не говорить. Частенько «сосед» шагал за нами по пятам по улице. Затем его подменяли другие. Вообще все время, вплоть до снятия Хрущева в 1964 году, никому из нас нельзя было ни пройти по городу, ни в поезде проехать, чтобы за нашими спинами не мелькали знакомые фигуры с военной выправкой, но в штатском. Иногда подходили к нам какие-то незнакомцы и тут же начинали сочувственные разговоры о том, какой плохой Хрущев и как весь народ любит Маленкова. Мы эти провокации сразу же пресекали…»

Вообще-то в то время недовольство Хрущевым в народе нарастало. Так что нелестные высказывания в его адрес могли быть вполне искренними. И фигуры «с военной выправкой», насколько я понимаю, секретными агентами не работают. Но безусловно, Георгию Максимилиановичу приходилось опасаться провокаторов. Не в то ли время он стал особенно нелюдимым? Хотя однажды ему объявили партийный выговор «за панибратство с рабочими». Значит, надзор за ним был.

Продолжим рассказ А. Г. Маленкова о пребывании его отца в Казахстане:

«…В ненастную пору в свободные часы устраивались читки

вслух. Отец выбирал те же вещи, которые в его исполнении мы помнили с детства — чаще всего Чехова, Лескова, пьесы Шекспира и А. К. Толстого. Читал, на мой взгляд, великолепно. Еще играли в шахматы. Отец любил разбирать шахматные композиции, этюды, задачи и, не зная детально теории дебютов, как правило, разворачивался в миттельшпиле и не раз обыгрывал перворазрядников…

Надо сказать, что местная ТЭЦ до приезда Маленкова находилась в самом плачевном состоянии. По проекту станция была рассчитана на угольное топливо, мазут предназначалось использовать только для «поджига». Однако технология сжигания угля не была освоена, и станция работала целиком на мазуте. Себестоимость «мазутного» киловатта была баснословной, а потому коллектив станции давно уже забыл о премиях. Царили пьянство, прогулы, разгильдяйство. Люди, утратив надежду на какие-либо перемены к лучшему, уходили.

Буквально за три месяца отцу удалось выправить положение. Помню, началось с долгих бесед отца с главным инженером ТЭЦ Веселовым, талантливым, но вконец растерянным человеком, топившим свое отчаяние в вине. Сначала вдвоем, а затем привлекая и других инженеров, Маленков и Веселов все же наладили угольную технологию, и постепенно в кабинет директора пошли люди со своими предложениями. Отец с юмором рассказывал мне: «Вместе с человеком посмотришь, подумаешь, а потом достаточно только сказать: «Здорово это вы придумали, идите и делайте…» Посмотрят этак недоверчиво, и что ты думаешь — ведь идут и делают».

Отец много сил отдавал станции, и за десять лет его директорства коллективу удалось преобразить и саму ТЭЦ, и жизнь людей. Технологические перемены вскоре начали давать ощутимую прибыль, что позволило впервые за все годы выдавать рабочим и служащим месячные и квартальные премии (получали их все, кроме отца, которому премиальные выдавать было запрещено «сверху»). На средства, заработанные от перевыполнения плана и строжайшего режима экономии, удалось провести капитальный ремонт, построить новый поселок для энергетиков, отстроить профилакторий с грязелечебницей. В рабочей столовой за счет общественных огородов и подсобного хозяйства были организованы хорошие и дешевые обеды. На станцию стали привозить деревья из-под Баян-Аула (в самом Экибастузе и его округе их почти не было), и территория ТЭЦ постепенно превратилась в зеленый оазис среди выжженной голой земли. В итоге Экибастузская ТЭЦ стала занимать первое-второе места в республике».

Такому знаменитому человеку, как Георгий Маленков, было конечно же проще руководить предприятием, чем заурядному директору. При всех происках против него Хрущева (реальных или мнимых) даже среди крупных государственных деятелей были такие, кто ему сочувствовал или разделял его убеждения.

«Вспоминаю один характерный эпизод, — пишет Андрей Георгиевич. — Нужно было срочно достать необходимые для капремонта механизмы, а станция — буквально на голодном пайке. И вот однажды заходит к отцу один из снабженцев и говорит: «Георгий Максимилианович, напишите мне, пожалуйста, собственноручно записку, что это вы лично послали меня за оборудованием для станции». — «И что же вы с этой моей запиской будете делать?» — «Да я с нею всю страну проеду, а добуду, что надо!..» И действительно: снабженец «выбил, что надо», в том числе и новый котел, сверхпланово изготовленный на новосибирском заводе под ту самую «записочку». Так что, по-моему, и в этом случае ясно прослеживается уважение к Маленкову со стороны многих людей, помнивших конечно же о его попытках преобразовать страну, — уважение к нему и едва скрываемое, с каждым годом нарастающее недовольство Хрущевым. Порой мне даже казалось, что, помогая в те годы Экибастузской ТЭЦ, некоторые хозяйственники делали это как бы в пику тогдашнему лидеру. И еще скажу: к враждебности со стороны властей предержащих отец относился как к должному, хотя и тягостному для него факту, но вряд ли он смог бы перенести все, что на него обрушилось в годы опалы, если бы среди сотен и тысяч людей, не связанных с партаппаратом и репрессивными органами, он встретил не моральную поддержку, а такую же враждебность…»

Надо отметить, что в те годы бурный и во многом бестолковый реформаторский зуд Хрущева стал сказываться на состоянии прежде всего наиболее слабой отрасли, в которой он считался специалистом, — на сельском хозяйстве. Вот уж когда действительно во всей неприглядности проявила себя так называемая административно-командная система. При Маленкове и Сталине таких перехлестов не бывало.

И. А. Бенедиктов, руководивший сельским хозяйством при трех вождях, свидетельствовал:

> «Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точке зрения, к которой склонялся он сам. Если «диссиденты» выступали аргументированно и

> убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в нее существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство. Хрущев, действия которого со временем все больше определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно «инакомыслящим», иначе. В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и «научно обосновать» уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял даже вопреки очевидным фактам. С легкой руки Никиты Сергеевича в сельском хозяйстве, да и других отраслях с невиданной быстротой стали размножаться руководящие и научные кадры типа «чего изволите», затирая тех, кто привык думать собственной головой и отстаивать свою точку зрения до конца».

Возможно, продолжая обличать Маленкова и дав указание соответствующим органам вести расследование его «антипартийной деятельности», Хрущев хотел укрепить свой авторитет и отвлечь внимание общественности от своих промахов. Не потому ли в октябре 1961 года на XXII съезде партии в некоторых выступлениях прозвучали обвинения в адрес Маленкова? Хрущев даже «покаялся»: мол, выгораживал прежде Маленкова, сваливая вину за «ленинградское дело» на одного Берию, тогда как тот вершил преступления вместе с Маленковым.

Судя по всему, такой возврат к прошлому, чреватый очередными репрессиями, не понравился многим влиятельным членам партии. Нападки на Маленкова прекратились. А вскоре Хрущева отправили на пенсию.

Георгий Максимилианович, у которого в 1968 году скончалась мать, написал заявление об уходе с работы, приехал в Москву на похороны Анастасии Георгиевны и остался жить в столице как пенсионер, избегая новых знакомств. Он умер в январе 1988 года, прожив 86 лет. Похоронили его на Кунцевском кладбище.

Глава 7
Личность в истории

Природа дала человеку в руки оружие — интеллектуальную моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону, поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким, самым низменным в своих половых и вкусовых инстинктах.

Аристотель

Сокровенная тайна

Лето 1887 года Владимир Иванович Вернадский, тогда молодой геолог, провел в экспедиции, изучая почвы Смоленской губернии. Впечатление от провинциального быта было тяжелое: «Вообще среда здесь незавидная, и уезд спит глубоким сном… Вся жизнь этого уезда, вся она, такая монотонная, бесцельная, горемычная и такая гадкая… При размышлении об этой жизни, о ее бесцельности, о ее заглушенности, о ее страдальческой спячке и толчении воды в ступе, становится невольно как-то тяжело, грустно и ужасно».

Для себя он нашел выход из этой тоскливой безысходности — научное творчество. И позже, став знаменитым ученым, историком и незаурядным мыслителем, отметил:

«Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих знаний».

Такова сила человеческой личности, способной преодолеть сопротивление окружающей среды, превозмочь сложившиеся стереотипы и создавать что-то новое, небывалое, замечательное — в мире духовном и материальном.

А как проявляется личность в истории человечества или, конкретно, нашей страны? Об этом невольно задумываешься, завершая книгу.

Мне приходилось много писать о самых разных выдающихся людях. Но впервые восстанавливаю биографию человека, руководителя великой державы, безусловно исторической личности, которая, как это ни странно, промелькнула в истории России мимолетно, словно не оставив и следа.

О Георгии Максимилиановиче Маленкове весьма скупо упоминается буквально во всех исторических сочинениях. Хотя без внимательного анализа его двухлетнего правления и связанных с этим событий, как мне представляется, невозможно понять историю нашего Отечества во вторую половину XX века, а также причин развала СССР.

К сожалению, не имея его воспоминаний или дневниковых записей, мы вынуждены судить о его убеждениях, мыслях, устремлениях, личных идеалах лишь косвенно, преимущественно по его официальным выступлениям. А в подобных случаях перед нами находится «человек в футляре», вынужденный выдерживать ту роль, которая предопределена его положением в служебной иерархии.

Например, С. П. Красиков охарактеризовал его так: «Партийный приват-доцент, или мягкотелый интеллигент». Однако судя по некоторым воспоминаниям, он бывал и совершенно другим. Как свидетельствовал поэт Илья Сельвинский, его в 1943 году вызвали в Москву в ЦК партии. Оказалось, что поводом стало его четверостишие, написанное год назад, в котором были такие строки:

Сама как русская природа,
душа народа моего —
она пригреет и урода,
как птицу выходит его.

«Заседание Оргбюро, — записал Сельвинский, — вел Маленков. — Кто этот урод? — металлическим голосом спросил он. Я начал было объяснять ему смысл этого четверостишия, но он меня перебил: «Вы тут нам бабки не заколачивайте. Скажите прямо и откровенно, кто этот урод? Кого именно вы имели в виду? Имя?» — «Я имел в виду юродивых». — «Неправда! Умел воровать, умей и ответ держать!» Вдруг я понял, что здесь имеют в виду Сталина: лицо его изрыто оспой; мол, русский народ пригрел урода…

Неизвестно, как и откуда в комнате появился Сталин. Неся, как обычно, одну руку в полусогнутом состоянии, точно она висела на перевязи, он подошел к Маленкову и стал тихо о чем-то с ним разговаривать. Насколько я мог судить, речь шла не обо мне. Затем Сталин отошел от Маленкова, собираясь, видимо, возвратиться к себе, и тут взглянул на меня: «С этим человеком нужно обращаться бережно — его очень любили Троцкий и Бухарин…»

Я понял, что тону. Сталин уже удалялся. «Товарищ Сталин! — заторопился я ему вдогонку. — В период борьбы с троцкизмом я еще был беспартийным и ничего в политике не понимал». Сталин остановился и воззрелся на меня напряженным взглядом. Затем подошел к Маленкову, дотронулся ребром ладони до его руки и сказал: «Поговорите с ним хорошенько; надо… спасти человека».

Сталин ушел в какую-то незаметную дверцу, и все провожали его глазами. Маленков снова обратился ко мне: «Ну, вы видите, как расценивает вас товарищ Сталин! Он считает вас совершенно недостаточно выдержанным ленинцем» — «Да, но товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти». Эта фраза вызвала такой гомерический хохот, что теперь уже невозможно было всерьез говорить о моем «преступлении».

Возвратился домой совершенно разбитым. На Оргбюро я шел

молодым человеком, а вышел оттуда — дряхлым стариком. Боже мой! И эти люди руководят нашей культурой!»

Очевидно, на поэта поступил донос в ЦК по поводу «подозрительного» четверостишия. Подобные письма не оставались без внимания: на них принято было реагировать. Несмотря на военное время, устроили разбирательство на высшем уровне.

Все это с формальной стороны дела хорошо. Но по сути получается скверно и глупо.

Как тут не вспомнить анекдот, очень похожий на правду. Однажды маршал Жуков, выходя от Сталина, в сердцах произнес: «Черт усатый». Сидевший в приемной Берия, зайдя в кабинет, доложил это вождю. Тот попросил вернуть Жукова и спросил:

— Товарищ Жуков, вы кого имели в виду, когда сказали «Черт усатый»?

— Гитлера! Кого же еще, товарищ Сталин?

— А вы кого имели в виду, товарищ Берия?

Известно, что Иосиф Виссарионович обладал чувством юмора, был остроумен. По-видимому, этого нельзя сказать о Георгии Максимилиановиче. Беда, конечно, невелика; ему же приходилось работать не массовиком-затейником.

И все-таки, если Сельвинский точно запомнил встречу с ним, Маленков в данном случае выступил как герой сатиры Салтыкова-Щедрина, закоренелый бюрократ. Казалось бы, ему следовало прежде всего разобраться с доносчиком, усмотревшим «крамолу» в безобидной вроде бы аллегории.

Выходит, Маленков не отличался интеллектуальными способностями? В это трудно поверить. Не стал бы Сталин приближать к себе и терпеть на ответственных постах глупца или тупого исполнителя. Во многих случаях Маленков проявлял и ум, и находчивость. Или, как бывает с чиновниками, работа наложила свой отпечаток? Привычка действовать по определенной программе вполне отвечает принципам партийного функционера. Неужели такова каинова печать, налагаемая на каждого, кто поднимается по карьерной лестнице до самых высот?..

Короче говоря, личность Георгия Максимилиановича Маленкова во многом остается для меня загадкой. Возможно еще и потому, что мы принадлежим к очень разным типам людей. Ведь я, в отличие от него, в партию не вступал, чиновником не был, о служебной и даже научной карьере не заботился, к формальностям всегда относился неприязненно… Такие люди государственными деятелями не становятся.

По моему разумению, Маленков, в отличие от Хрущева, не был приспособленцем. Он имел достаточно твердые моральные

принципы, старался избегать лицемерия и лжи, не был злобным, не страдал избытком честолюбия. Казалось бы, такой человек, став во главе государства и проведя реформы, хорошо воспринятые в народе, должен был и впредь осуществлять разумную политику на благо страны и народа.

Нам нет необходимости разбирать, как в школьном сочинении, черты характера Маленкова. Для нас в данном случае он интересен как историческая личность в связи с судьбой Отечества. Надеюсь, такого же мнения придерживаетесь и вы, читатель. Нам надо понять прошлое ради осмысления будущего. Вот почему в завершение книги, когда о главном герое многое мы выяснили (хотя осталось немало неопределенностей, загадок и даже тайн), постараемся расширить тему.

Когда побеждает подлейший…

Интересно проследить, каким образом Хрущев поднялся на пик под названием «Вершина власти». Его с полным основанием можно считать типичным и уродливым порождением партийной номенклатуры, а в некоторых проявлениях личности — антиподом Г. М. Маленкова.

Никита Сергеевич как великолепный приспособленец-хамелеон менялся и даже перерождался по мере продвижения по служебной лестнице. Обратим внимание на некоторые сведения и документы, достаточно красноречиво характеризующие его.

Не исключено, что этот «борец с культом личности» был искренен, когда восклицал: «Наша партия беспощадно сотрет с лица земли троцкистско-правую падаль… Это предупреждение всем врагам народа, всем тем, кто вздумает поднять руку на нашего Сталина». Через два десятилетия он сам посмел поднять руку на Сталина, но уже мертвого.

Позже он признавался: «Близость к Сталину несомненно повлияла на мое быстрое продвижение вверх… Долгие годы я всей душой был предан Центральному Комитету и лично Сталину». И еще: «Я не только ждал смерти Сталина, но и боялся этой смерти, боялся ее последствий в стране… У меня еще не было недоверия к Сталину».

Тут явно что-то не вяжется. Он писал вождю, жалуясь на сокращение в Москве списков репрессированных, присылаемых им с Украины. Курировал органы госбезопасности. Почему же недоверие к Сталину проявилось только после смерти вождя, когда он, Хрущев, возглавил страну?

Из заявления Н. С. Хрущева об ошибочности его выступления (за укрупнения колхозов), опубликованного («Правда», март 1951 г.) и резко раскритикованного вождем:

> «Дорогой товарищ Сталин!
>
> Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью… подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок, прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.
>
> Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мою грубую ошибку и тем самым,

насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев».

Сталин простил Хрущева, поверив в его искренность. Но страх за карьеру, который испытал, как видно из письма, Никита Сергеевич, должен был вызвать в нем неприязнь к «вождю и учителю», которого он непомерно восхвалял. От лести и подобострастия до ненависти один шаг.

В то время Хрущев уже начал подбираться к верхушке руководства партии. Вряд ли потому, что предвидел возвышение партократии. Просто в управлении государством все высшие должности были «забронированы» Маленковым, Берией, Булганиным. Как пишут Данилов и Пыжиков: «В результате конфигурации власти в 1951–1953 гг. начал зримо вырисовываться новый дуэт Булганина — Хрущева, которые состояли в хороших личных отношениях еще со времен довоенной работы в Москве (соответственно на постах председателя Моссовета и секретаря парторганизации)… Булганин становился одним из главных действующих лиц ВПК, Хрущев же приобретал сильные позиции в аппарате Центрального Комитета».

Именно эти две могущественные структуры в советской системе власти, а также руководство вооруженными силами поддержали впоследствии этот дуэт в его борьбе за власть в 1953–1955 годах сначала с маленковцами, а затем с группой «старой гвардии», возглавляемой Молотовым. Но, как мы знаем, прежде всего надо было избавиться от Берии. Он, как говорится, слишком много знал.

Началось с того, что 5 марта 1953 года была создана комиссия для изучения материалов архива И. В. Сталина. Маленкову, Берии и Хрущеву поручалось принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина были приведены в должный порядок. Поскольку такие архивы — сфера деятельности спецслужб, основные материалы попали в руки Лаврентия Павловича. Он получил возможность использовать их против Маленкова и Хрущева. Оба, конечно, испытывали немалую тревогу или даже страх.

Возможно, их больше всего беспокоила таинственная тетрадь, которая всегда лежала на письменном столе Сталина в его служебном кабинете. Иосиф Виссарионович время от времени в нее что-то записывал. Можно предположить, что он заносил туда те сведения, которые с глазу на глаз докладывали ему, в частности, Маленков и Хрущев.

Пожалуй, в этом архиве Берия обнаружил нечто весьма полезное для себя. Не этим ли объясняется то, что он, такой осторожный, хитрый и осмотрительный, уже в апреле 1953 года начал решительное наступление на Игнатьева, за спиной которого стояли Маленков и Хрущев.

Даже жена Берии Нина Теймуразовна советовала ему, настаивала на том, чтобы муж не предпринимал нападок на Игнатьева. Она утверждала, что этим он обрекает себя на неминуемую гибель. Но Берия, судя по всему, понадеялся на имеющийся у него компромат на руководителей государства, извлеченный из архивов Сталина. Даже после смерти вождь мог стать его союзником, обеспечившим полную победу над конкурентами.

Вслед за арестом и процессом Игнатьева и игнатьевцев Берия постарался избавиться от опеки своих первых заместителей, Круглова (человека Маленкова) и Серова (ставленника Хрущева), заменив их своими людьми. Круглов и Серов прекрасно знали, что живой Берия для них очень опасен.

Как мы уже говорили, Лаврентий Павлович, став во главе объединенного МВД и КГБ, сразу же продемонстрировал свои демократические намерения, стремясь завоевать авторитет и симпатии в обществе как поборник справедливости, либерал и гуманист.

Историк В. П. Наумов отмечает: «Освобождение политических заключенных началось в первой половине марта… Берия лично отправился в тюрьму и освободил участников так называемого «ленинградского дела». Соответствующие решения Президиума ЦК КПСС, подтверждающие деятельность Берии, были приняты позднее… 3 мая 1953 г.…решение было принято по «ленинградскому делу» и персонально о пересмотре дела Кузнецова, Попкова и Вознесенского».

Оба эти дела были сфабрикованы при участии Маленкова и Хрущева не без помощи Берии. Георгию Максимилиановичу нетрудно было понять, что после смерти Сталина ему рано успокаиваться. Находясь на вершине власти, он попадал под перекрестный огонь конкурентов. Они прослеживали его действия, фиксируя все промахи и накапливая компрометирующие материалы. В этом отношении Берия представлял наибольшую опасность.

«Берия раздражал Маленкова, — пишет Н.А. Зенькович, — в союзе с Хрущевым, Берия поспешил избавиться от Игнатьева, человека Маленкова, который отвечал за партийный контроль над органами безопасности… Хрущев успешно маневрировал… Он поддерживал Берию, чтобы ослабить Маленкова, когда

Игнатьев оказался скомпрометированным после провала дела о «заговоре врачей». Поддерживал он его и тогда, когда надо было лишить Маленкова власти, которую давал ему пост секретаря ЦК (его отстранили на Пленуме ЦК 14 марта 1953 года. — *Р. Б.)*. Хрущев вовремя воспользовался и недовольством среди других руководителей, вызванным всплеском активности Берии, чтобы устранить его».

«К лету 1953 г., — отметил Наумов, — Берия близко подошел к обнародованию фактов, которые могли дискредитировать Хрущева, Маленкова и других членов Президиума ЦК. Министр внутренних дел поставил вопрос об аресте бывшего секретаря ЦК и министра госбезопасности С. Д. Игнатьева; был арестован начальник следственной части МГБ по особо важным делам М. Д. Рюмин, который был готов дать показания на Маленкова и Хрущева».

По словам Наумова, «Хрущев поддерживал хорошие отношения и с Маленковым и с Берией, но они не воспринимали его как конкурента в борьбе за власть. Каждый из них старался приблизить его к себе, и Хрущев положительно откликался на такие действия как со стороны Маленкова, так и со стороны Берии».

Показная дружба Маленкова и Берии дала трещину в первые же недели после смерти Сталина. Их скрытое соперничество вызвало необходимость иметь нейтрального посредника. Таким человеком и оказался Хрущев, поддерживавший хорошие отношения с Булганиным, а также имевший своим сторонником Суслова — ловкого и коварного царедворца.

Позиция Хрущева была наиболее выгодной: ему оставалось только следить за тем, кто из двух главных соперников победит, и при возможности ослабить его позиции. Но как только стало ясно, что Берия сможет претендовать на верховную власть и «потопить» двух своих бывших друзей, Хрущеву пришлось спешно устранить Лаврентия Павловича с помощью военных.

Ключевой фигурой в этих интригах оказался Игнатьев. По его перемещениям можно судить о том, какая из соперничающих сторон побеждает. Как пишет В. П. Наумов: «Показательно отношение со стороны руководства ЦК КПСС к С. Д. Игнатьеву, который был министром МГБ в 1951–1953 гг. После того, как были вскрыты и преданы огласке преступные дела М ГБ в конце 40-х — начале 50-х годов, готовились судебные процессы над бывшими руководителями этого ведомства. С. Игнатьев… в апреле 1953 г. был выведен из состава ЦК и назначен секретарем Башкирского обкома партии. Однако летом 1953 г. (после устранения Берии. — *Р. Б.)* он был вновь возвращен в состав ЦК

КПСС».

Соперничество Берии и Маленкова за высшие посты в государстве велось более или менее откровенно. Они претендовали на должность Председателя Совета Министров СССР.

Хрущев действовал хитрей и осторожней, занимая выжидательную позицию. Он постарался укрепиться как партийный лидер. Хотя удар по Игнатьеву мог рикошетом пройтись и по его карьере. 1 апреля 1953 года в совершенно секретной записке в Президиум ЦК КПСС Берия потребовал: «… Рассмотреть вопрос об ответственности бывшего министра государственной безопасности СССР т. Игнатьева С. Д.».

Георгий Максимилианович понял, что наступление ведется на него, но дать отпор не мог (или опасался). По предложению Л. Берии, поддержанному другими членами Президиума ЦК партии, Комитету партийного контроля при ЦК КПССС было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности Игнатьева.

Такое решение вынесли Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Каганович, Булганин, Микоян. Они постановили: «Одобрить проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабриковании фальсифицированных дел на честных людей».

Как видим, в тот момент никто и не помышлял о том, чтобы обвинить Лаврентия Павловича в антипартийной или тем более антигосударственной деятельности. Напротив, даже Маленков и Хрущев поддержали его инициативу (о чем они никогда не вспоминали). Не для того ли, чтобы ослабить его бдительность и вскоре приступить к радикальным действиям против Берии, который уже был уверен в своей победе?

По справедливому мнению Н.Н. Жукова, за Хрущевым стояла 125-тысячная армия партийных функционеров и централизованная, хорошо управляемая пропагандистская машина.

«Хрущев… — отметил Н.Н. Жуков, — поначалу вел себя незаметно: как один из шести секретарей ЦК партии, хотя руководивший повседневной работой партийного аппарата. Нам думается, что в те дни (март — апрель 1953-го. — *Р. Б.)* он еще страшился ответственности за трагедию, происшедшую при похоронах Сталина… Ведь именно он как председатель комиссии по организации похорон обязан был сделать все возможное, чтобы избежать жертв чудовищной давки (вину за которую впоследствии свалил на Берию. — *Р. К.)*.

Увереннее Хрущев почувствовал себя после Пленума ЦК,

когда официально стал председательствовать на заседаниях Секретариата ЦК. Но и тогда он продолжал уклоняться от поддержки, даже косвенной, любого из двух претендентов на полную власть… Опереться на какого-либо из секретарей означало в открытую либо стать на сторону Маленкова, либо Берии, то есть выиграть многое или проиграть все. Опора же на отделы сулила возможность потом, кто бы ни взял верх, возглавить многотысячный партийный аппарат. Хрущев избрал второй вариант… все силы отдал реорганизации части аппарата ЦК, обосновывая ее оглашенной тенденцией к упрощению и сокращению управленческих структур».

Хрущев начал тайные антибериевские контакты с Маленковым, сумев обхитрить весьма подозрительного и проницательного Лаврентия Павловича. В своих мемуарах Хрущев признавался, что еще с 1930-х годов был другом Берии. «Неразлучной парой» называли их ветераны сталинского Политбюро. (Впрочем, предают ведь друзей, а не врагов.)

«Досье на всех членов Президиума ЦК, — по словам В. П. Наумова, — после смерти Сталина оказались у Берии. После его ареста документы из его сейфа изымались секретарем ЦК Н.Н. Шаталиным, помощником Маленкова Д. Н. Сухановым и заведующим административным отделом ЦК КПСС А. К. Дедовым. Таким образом, вся эта группа состояла из приближенных Маленкова. Документы из сейфа Берии — полностью или с частичным изъятием — остались в ЦК.

В 1955 г. по распоряжению Хрущева были уничтожены бумаги Берии, документы о Сталине и других руководителях партии. Всего было уничтожено 11 бумажных мешков. Чем более надежно скрывались документы, тем более эмоционально осуждал Хрущев преступления, в которых и сам принимал активное участие».

Обратим внимание на то, что упоминается изъятие бумаг из служебного кабинета Берии. Но у него был и личный архив, хранившийся в особняке.

В борьбе со своим «другом» Маленковым Хрущев прибег к испытанному методу клеветы и лжи, заручившись сначала поддержкой своих многочисленных сторонников — крупных партийных деятелей. Вот выдержка из стенограммы июньского, 1957 года, Пленума ЦК КПСС.

«Хрущев. Берия и Маленков расправились бы и с Булганиным… Сталин сказал тогда: я стар, кого сделать Председателем Совета Министров? Тогда Поскребышев назвал Булганина. Сталин сказал: «Да, Булганина». Об этом разговоре узнали Берия и Маленков. Вскоре после этого был посажен в тюрьму маршал Яковлев. Это был прямой подход к Булганину…

Голоса. Правильно.

Хрущев. Кто этим делом заправлял?

Булганин. Маленков».

Чтобы понять, о чем идет речь, надо вспомнить, что произошло несколькими годами раньше. Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, его подчиненный генерал И. И. Волкотрубенко, а также заместитель министра вооружения Мирзаханов 31 декабря 1951 года были сняты со своих постов, а в феврале 1952 года арестованы по обвинению во вредительстве. 17 апреля 1953 года Берия направил записку в Президиум ЦК КПСС с предложением реабилитировать и освободить из-под стражи Яковлева и других проходивших по этому делу в связи с отсутствием материалов, «которые могли бы дать основание обвинить арестованных по настоящему делу во вредительстве».

Как видим, Хрущев совершенно несправедливо обвинил Берию в преступлении, которого гот не совершал. И заправлял ли Маленков этим делом? Соответствующих документов нет.

Есть основания предполагать, что в нем был замешан сам Никита Сергеевич. Любопытная деталь. На том же пленуме ставленник Хрущева Генпрокурор СССР Руденко обвинил Маленкова в том, что тот поддержал Абакумова, когда тот подал на имя Сталина записку, послужившую началом «ленинградского дела». Маленков возразил:

— Я не имел к этому отношения. Почему с моего ведома, когда Абакумов не был мне подчинен?

Кому подчинялся Абакумов по партийной линии, он не уточнил. По всей вероятности, остерегся назвать имя Хрущева.

Десятилетиями и на Лаврентия Павловича сваливали чужие грехи. «Колобок» Хрущев сумел обхитрить своих соперников и «докатиться» до вожделенного единовластия. С помощью своих соратников и подчиненных он организовал культ своей личности, хотя в народе о нем отзывались с насмешкой или презрением. Тогда у «простых» людей доставало здравого смысла. Утрачен он был значительно позже…

Конечно, окончательная победа Хрущева в борьбе за власть определилась в результате сложного взаимодействия различных факторов, распределения сил (личных и групповых интересов) в руководстве страны и партии. Но за этими частностями видится главное: переход всей полноты власти над народными массами к новому, уже достаточно хорошо сформировавшемуся господствующему классу. Основу его составила партийная номенклатура, «выходцы из народа», типичнейшим представителем которых был Никита Сергеевич.

Возможно, он даже ясно не сознавал, что является

представителем и слугой нового «класса», обладавшего всей полнотой власти и владевшего всем национальным достоянием, которым имел возможность распоряжаться с выгодой для себя. Теперь построение коммунистического общества можно было осуществлять дифференцированно, выборочно: прежде всего для партократии, а уж затем, — когда будут удовлетворены растущие материальные потребности этого класса, — для всех остальных.

Можно вспомнить знаменитую остроту В. О. Ключевского: «всякая власть развращает; абсолютная развращает абсолютно». Это относилось к самодержавию, но с таким же успехом применимо к власти кланов, социальных групп, капитала. В нашем случае такой абсолютной властью в СССР стал обладать партаппарат.

Само по себе это еще не катастрофа. Вопрос в том, какие цели преследует такая власть, какие люди ее осуществляют, чем они руководствуются в своей деятельности. Формально в этом отношении было все в порядке. Идея коммунизма — благородная, отвечающая лучшим чаяниям людей, созвучная учению Христа, — безусловно достойна быть путеводной звездой на пути людей к счастью, справедливости, полноте существования. Но это идеал (антикоммунисты предпочитают слово «утопия»). Он в чистом виде, возможно, неосуществим. Однако разве из этого следует, что к нему не надо стремиться?

В условиях единовластия КПСС в СССР идею коммунизма начали использовать как прикрытие совершенно других устремлений власть имущих. «Элита» сосредоточилась на своих корыстных интересах, что очень быстро стало сказываться на благосостоянии народа. В целом оно продолжало расти в связи с общими успехами народного хозяйства, внедрения новой техники, использования более совершенных технологий.

Но несравненно быстрей увеличивались материальные потребности и благосостояние партийной и хозяйственной (торговой) «элиты». Она стала все более отдаляться от народа. Возникла так называемая «теневая экономика», основанная на спекуляции, организации «дефицита» (с целью наживы), расхищения государственных средств, злоупотреблении служебным положением.

Все более значительная часть номенклатурных работников и их родственников заражалась буржуазными идеалами. А «теневики» создавали все более мощный капиталистический сектор экономики, ориентированный на средства потребления. Все это вместе разрушало, растлевало, заражало изнутри советское общество.

Сыграло свою роль и то, что Хрущев опошлил идею

коммунизма, явно солгав, что такое общество будет построено в СССР в 1980-е годы (именно тогда, кстати, партократией был совершен крутой поворот к капитализму!). Мало кто в это верил, и меньше всего те, кто повторял на разные лады глупейшую хрущевскую агитку.

Показательно, что Хрущев и некоторые его сторонники, вроде бы не стремившиеся прежде к роскоши, постарались обзавестись новыми резиденциями на Ленинских горах. Более того, в Сочи и в Крыму для Хрущева были возведены дворцы (его не устраивали сравнительно скромные сталинские дачи). И это, повторим, даже не столько из жажды особого комфорта, сколько в связи с веянием времени, как символические акции, подчеркивающие выход на передний план нового правящего класса. Для него наиболее близок стал давний лозунг Бухарина: «Обогащайтесь!»

Партаппарат подмял под себя государственную власть, тем самым избавившись от надзора над собой. Это наглядно показала победа Хрущева, сумевшего благодаря подчинению органов госбезопасности партии «свалить» Маленкова. Приведем в этой связи малоизвестный факт.

В мае 1956 года помощник Маленкова Д. Н. Суханов был арестован Московским уголовным розыском. Его обвинили в том, что он, «используя служебное положение в период ареста Берии, совершил хищение облигаций Государственных займов на сумму 100 000 рублей, 8 штук часов различных систем». Во время следствия Суханов подал подробное заявление в Президиум ЦК о взаимоотношениях Г. М. Маленкова с Л. П. Берией.

Несомненно, следователи взяли Суханова «в оборот», используя его положение с целью дискредитации Маленкова. Обвинение в близких политически доверительных отношениях с врагом народа Берией было очень опасным, почти смертельным для Маленкова. Таким образом, Маленкову был нанесен сокрушительный удар, что и преследовала проведенная операция. Неслучайно по предложению Р.А. Руденко, Генерального прокурора СССР, и И. А. Серова, также очень близкого к Хрущеву председателя КГБ СССР, Суханову, получившему десять лет лишения свободы, в мае 1957 года, меньше чем через год, сократили срок наказания до двух лет.

Маленков с Берией (так же, как и Хрущев) были внешне, для окружающих, близкими друзьями. Но, скорее всего, Лаврентий Павлович долгие годы держал Георгия Максимилиановича «на крючке», используя показания арестованного в свое время Ежова, которые компрометировали Маленкова. Эти сведения могли стать одной из главных причин маленковского заговора против Берии в 1951–1952 годах.

Получая сухановские свидетельства, Хрущев достигал сразу две цели. Во-первых, кража ценностей при обыске в бериевском особняке отвлекала внимание общественности от вполне резонного вопроса: а было ли устранение Лаврентия Павловича в июне 1953 года только политическим? Или, быть может, и физическим? А если последнее, то имел ли к этому отношение Хрущев? Во-вторых, сухановские показания давали Хрущеву возможность уничтожить политически Маленкова, уже утратившего значительную долю власти после отставки с поста Председателя Совмина СССР в январе 1955 года.

Вот что писал бывший помощник Г. М. Маленкова Суханов в Президиум ЦК КПСС:

> «Берия организует специальный допрос Ежова о Маленкове. Ежов дал собственноручные показания (объемом до 20 страниц) на Маленкова. Этот документ до момента ареста Берии и Кобулова хранился у них, в июле 1953 года работавший в то время секретарем ЦК Шаталин (правая рука Маленкова. — *Р. Б.)* прислал этот документ мне, а я в феврале 1955 года (вскоре после отставки Маленкова с поста предсовмина. — *Р. Б.)* вместе с большим количеством документов показал Маленкову и собственноручные показания Ежова о Маленкове, который, заявив, что об этом материале все знают, забрал у меня документ с собой на квартиру для уничтожения».

Маленков еще не думал сдаваться. Решительные действия Хрущева и его явные претензии на единоличное лидерство вызвали серьезную озабоченность части руководителей партии и правительства, принадлежавших к «сталинской гвардии». Однако к этому времени Хрущев уже обзавелся сторонниками из новых партократов. И вообще, по-видимому, в этой среде возобладало стремление избавиться от того жесткого, а то и жестокого контроля, который существовал во времена Сталина. Настала пора воспользоваться своим привилегированным положением.

Неслучайно надежным (хотя и не во всех ситуациях) сторонником Хрущева стал Булганин, не отличавшийся нравственной чистотой, но весьма склонный к «сладкой жизни». Именно он рассказал на июньском Пленуме ЦК в 1957 году об организации «антипартийной группы». Он каялся в том, что поначалу поддался было на уговоры:

«*Булганин*. Как дело было? Возглавляла все «тройка» — Маленков, Молотов, Каганович. Каковы были роли? Главная организаторская роль принадлежала Маленкову… Он бегал из

кабинета в кабинет и не давал никому покоя.

Первухин. Это совершенно правильно…

Булганин. Каганович, следующий за ним, делал то же самое, менее активно, но более увесисто… В секретари должны были ввести Маленкова и Кагановича».

А вот что сообщил на том же пленуме Л. И. Брежнев (из стенограммы выступления):

«Я вышел из зала и решил связаться с тов. Жуковым… Приехал тов. Жуков. Я ему рассказал до входа в зал, что группа требует созыва Президиума, что есть какой-то каверзный вопрос, который они требуют обсудить. Тов. Жуков тут же рассказал мне, что его утром в этот день вызвал к себе Маленков и вел с ним заискивающий и сомнительный разговор о том, что ему время быть членом Президиума ЦК, что нам надо поговорить о руководстве партии и т. д. В свою очередь я тов. Жукову сказал, что это Маленков прощупывал Вас, на чьей стороне Вы можете быть. Я ему говорю, на какой стороне, на их стороне или нет? И в зависимости от этого будет решение. Мы сговорились стоять насмерть».

Крупный воинский политработник Брежнев, как видим, сумел привлечь на свою сторону маршала Жукова. Трудно точно сказать, что заставило последнего принять сторону Хрущева, да еще так безоглядно. Не исключено, что он опасался ответственности за участие в уничтожении Берии. Во всяком случае Жукова смогли убедить в том, что группа Молотова — Маленкова — Кагановича угрожает ему какими-то репрессиями. На них намекнул хрущевец, член Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлов, выступая на июньском Пленуме 1957 года с обвинениями в адрес антипартийной группы. Он заявил, что «затем дело дошло и до тов. Жукова, они учинили бы с ним расправу, если бы члены ЦК не предотвратили этот позорный акт».

Хрущевцы, в том числе и Козлов, совершили «этот позорный акт» над Жуковым всего через 4 месяца после того, как Козловым были сказаны эти слова. А еще через шесть лет то г же «позорный акт» был совершен Хрущевым и над самим Козловым. Таковы были методы «дорогого Никиты Сергеевича» (напомним, так назывался прославляющий его кинофильм) в борьбе за власть… Нет, не только личную, а прежде всего — партийной номенклатуры. Он стал исполнителем ее воли и устремлений.

Интересно, что в борьбе со «сталинской гвардией» хрущевцы стали обвинять ее в тех преступлениях, которые еще недавно приписывались только Иосифу Виссарионовичу. На это обратил внимание, в частности, А.В. Пыжиков:

«…Пленум можно охарактеризовать как существенный шаг

назад в оценке культа личности Сталина по отношению к XX съезду партии. В ходе его работы предприняты последовательные попытки отделить фигуру Сталина от массовых репрессий 30-х — начала 50-х годов.

Показательно в этом плане выступление Г. К. Жукова — одно из первых на пленуме, задавшее тон всему последующему обсуждению. Приведя основательный фактический материал по репрессивным делам, Жуков заявил, что главными виновниками арестов и расстрелов партийных, советских и военных кадров были Маленков, Молотов, Каганович. В отношении же причастности самого Сталина к вопиющим преступлениям он давал следующие пояснения: «Тут Сталин ни при чем», «Это уже было без влияния Сталина», «Тут, товарищи, нельзя сослаться на Сталина или на какую-то тройку». Подобная тональность прослеживалась у многих выступавших на пленуме. Так, например, Малин (зав. общим отделом ЦК КПСС) говорил: «…все сейчас сваливается на Сталина. Нет, Каганович, Молотов — они повинны за это!» Ответственный сотрудник ЦК Киселев заявлял «Вы (антипартийная группа. — *АЛ.)* свалили всю вину за расстрелы на Сталина».

Торжество партократии

Постыдны лицемерие и цинизм партийной верхушки: имя Сталина, которое Хрущев, ее лидер, недавно проклял, при необходимости эти же люди использовали как орудие против «антипартийной группы».

Никакой «реабилитации» Сталина подобная политическая интрига, судя по всему, не предусматривала. Возможно, Г. К. Жуков, которого так ловко использовал Хрущев, предполагал, что имя Сталина вновь станет идеологическим оружием, укрепляющим патриотизм, единство армии и народа, символом былых побед и достижений. Последующие события — вынос тела Сталина из Мавзолея и тайное захоронение, переименование Сталинграда — ясно показали, что новый правящий класс боится этого славного имени, избирает иную политическую линию: на «коммунизм» для отдельно взятых социальных групп, обеспечивших свое господство над народом.

Торжеством партократии можно с полным основанием называть тот период, который начался с воцарением Хрущева. Его легкое свержение показало, что он являлся марионеткой — хотя и не всегда управляемой — в руках новой правящей элиты. Когда поведение Первого секретаря стало непредсказуемым и чересчур своевольным, его убрали «без шума и пыли». То, что Хрущев уцелел, показывает не столько либерализм и гуманность его противников, сколько незначительность его фигуры, никто не опасался его возвращения во власть или разоблачительных выступлений. Пожалуй, Никита Сергеевич так и не понял, что был выдвинут партократией, исполнял ее волю и был сброшен ею же за ненадобностью.

Наступило время партократии — время деградации социалистической системы хозяйства и коммунистической идеологии. Попытку остановить этот процесс предпринял Ю. В. Андропов, но подозрительно быстро ушел в небытие.

Из этой среды партократов и вышли «капиталистические перерожденцы» Горбачев и Ельцин. Они, в сущности, были столь же несамостоятельными, как Хрущев, хотя управляли ими не только номенклатурные партаппаратчики, но и зарубежные «хозяева». В результате рухнул СССР.

Торжество партократии — нового своеобразного эксплуататорского класса — означало подавление народа и оболванивание значительной части населения с помощью психотехнологий и использования электронных средств массовой пропаганды. Расстрел ельцинистами Верховного Совета показал,

что наступила эпоха диктатуры переродившийся партократии.

Но почему так произошло? После тяжелейших испытаний, преодолев все трудности и опасности, построив ценой колоссального напряжения сил и немалых жертв великую державу, наш народ в благоприятных для жизни, труда и творчества условиях, без войны ее утратил. Как такое возможно? И что сулит будущее?

Для ответа на подобные вопросы надо исходить из некоторых общих закономерностей. Это не связано напрямую с жизнью и деятельностью героя данной книги. Надеюсь, читателю будет интересно и небесполезно выйти за достаточно тесные рамки биографии более или менее типичного представителя советской руководящей элиты. Все-таки главное для каждого из нас — задуматься о судьбе Родины в недавнем прошлом, настоящем и, быть может, в будущем.

Извращение и опошление истории

В морально здоровой среде не смогут проявлять свои худшие качества личности хрущевского типа. Следовательно, созданная в СССР система имела существенные изъяны, несла в себе ген саморазрушения. Чтобы разобраться в этой проблеме, следует обратить внимание на самые общие теоретические представления о жизни общества.

Пользуется широкой популярностью, а во времена Советского Союза был распространен и официально насаждался упрощенный взгляд на исторический процесс. Его «раскручивали» в виде спирали. На последнем этапе капитализм порождал социализм, а в перспективе сияло коммунистическое будущее.

Как в некоторых религиозных учениях предполагается, будто все уже предопределено каким-то высшим законом природы или Бога. Остается, как говорил герой Достоевского, есть, пить да заботиться о продолжении рода человеческого. Процесс идет и рано или поздно завершится… По древней версии — концом света и Страшным судом, а по более поздней — всеобщим благоденствием и коммунизмом. А в романе Андрея Платонова «Чевенгур» идейный мыслитель Дванов так выразился о тех, кто пытается по своей воле изменить будущее:

— Эти люди хотят потушить зарю, но заря не свеча, а великое небо, где на далеких тайных звездах скрыто благородное и могучее будущее потомков человечества. Ибо несомненно — после завоевания земного шара — наступит час судьбы всей Вселенной, настанет момент Страшного суда человека над ней…

Подобная схема, выраженная более сухо и деловито, отражает веру в беспредельный прогресс. Она имеет определенное основание, обобщает множество фактов, исходит из некоторых философских предпосылок. Ее называют историческим материализмом. С ней можно соглашаться во всем или частично, ее можно опровергать. Но следует признать, что она привносит научные принципы в историософию.

Однако при таком подходе, как мне представляется, недооценивается духовная жизнь общества, не учитываются трансформации человеческой личности в разные эпохи, взаимосвязь природы и цивилизации, свобода воли человека. В результате получается схема, далекая от реальности. В принципе ничего плохого в этом нет (схематизация неизбежна). Беда лишь в том, что ее считали ретивые идеологи единственно верной, что повредило более всего самому историческому материализму. Он превратился в окаменелость, лишившись возможности

развиваться.

С крушением СССР и коммунистической идеологии у нас произошло нечто значительно более печальное и опасное: началось тотальное опошление истории культуры, цивилизаций, природы.

Делается под видом популяризации знаний. Примитивнейшие, вульгарные идеи преподносятся с большим апломбом многомиллионной аудитории, в сопровождении кино- и фотоиллюстраций, со ссылками на документы, порой извлеченные из секретных архивов, с высказываниями свидетелей. Создается полная иллюзия достоверности. И только заинтересованный специалист способен заметить, что преподносится тенденциозная выборка, замалчиваются важнейшие сведения, порой показывают фальшивки, а выводы не соответствуют фактам.

Главный вопрос: для чего это делается, ради каких целей и в чьих интересах?

Ответ на последний вопрос в нынешних условиях капиталистической, буржуазной и коррумпированной России не представляет труда: в интересах имущих власть и капиталы.

Ради каких целей? Естественно, для того, чтобы данные группы, кланы, социальные прослойки укрепляли свою власть и увеличивали капиталы.

Можно возразить: но ведь данный контингент заинтересован в том, чтобы сохранялась, укреплялась Россия, а ее народ, который они эксплуатируют, воспринимал свое положение спокойно или даже с удовольствием. Для этого следует позаботиться о его благосостоянии. Разве не так?

В идеале любой собственник не заинтересован, чтобы его «дойная корова» худела, чахла и могла отбросить копыта или взбеситься. О тех, кого эксплуатируешь, целесообразно хотя бы минимально заботиться. На это и рассчитывали те «россияне», которые голосовали за капитализм, передачу национальных богатств в частные руки. Они готовы были служить хозяевам, надеясь получить от них больше благ, чем предоставляла им социалистическая система.

На деле вышло иначе (о чем нетрудно было догадаться заранее, если бы массы не подверглись основательному «промыванию мозгов»). Ловкие хозяева, воспользовавшись случаем, позаботились о том, чтобы в кратчайшие сроки стать миллионерами и миллиардерами. За счет кого? За счет, естественно, народа. В результате появились массы безработных или месяцами не получающих зарплату, бомжи, нищие, беспризорные дети, самоубийцы в невиданных нигде и никогда

масштабах, а народ стал вымирать.

Так почему же новоявленные эксплуататоры ведут себя столь непредусмотрительно? Почему они не боятся народного гнева, забастовок, бунтов, новой революции? Разве они не чувствуют, что пилят сук, на котором сидят, режут курицу, несущую золотые яйца, уничтожают собственную дойную корову?!

А чего бы им бояться, если народ предпочитает влачить жалкое существование и вымирать, но не восставать против несправедливости, ради собственного будущего? Впрочем, и восставать ему не надо. Ведь установлена в России буржуазная демократия. Значит, вполне достаточно на выборах проголосовать против тех, кто обманом навязал этот губительный для большинства режим.

Например, были недовольны Ельциным. Почему бы не «прокатить» его на выборах, как это сделали белорусы с его сообщником Шушкевичем? Нет, избрали Ельцина президентом второй раз даже после того, как по его приказу расстреляли Верховный Совет и убили несколько сот граждан. Он в очередной раз обманул ожидания избирателей, вызвал общее недовольство… На следующих выборах избрали того, кого он назначил своим преемником.

Подавляющее число граждан возмущены обокравшими их Гайдарами, Чубайсами, абрамовичами и пр. А в результате голосуют за партию власти и за тех президентов, при которых продолжается «гайдарономика» и на высших должностях находятся нелюбимые, а то и ненавистные деятели.

Казалось бы, уму непостижимое явление: спокойная реакция большинства населения России на то, что произошло и происходит с Отчизной, на свое униженное жалкое положение на собственной земле. Массовое безумие?

В книге одного из крупнейших современных социологов С. Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум» подзаголовок: «Утрата здравого смысла. Утрата логики. Утрата меры». На огромном количестве примеров он показал, как чудовищно умственно деградировали современные интеллектуалы, которых удалось обмануть с помощью нехитрых приемов западной агитации и пропаганды. Им внушили веру в несусветные блага капитализма — открытого общества, правового государства, священной частной собственности — и неисправимые пороки социалистического закрытого бесправного общества. Это удалось сделать легко и просто прежде всего потому, что эти люди имели одинаково скудные представления и о западном, и о советском обществе (наиболее яркий пример — академик А. Сахаров), а также об истории Отечества и человечества.

Здравый смысл и логику люди забывают обычно тогда, когда им это выгодно. Ибо их утрату нетрудно при желании восполнить: достаточно оглядеться вокруг, поразмыслить, почитать книги умных и честных авторов. Было бы только желание понять, обдумать всерьез.

Потеря совести, сострадания, чувства взаимопомощи и справедливости — безнадежна. Подавив в себе эти чувства, люди совершают любые самые скверные, мерзкие поступки, презренные и проклятые с давних пор: предательство, измену воинской присяге, обман, казнокрадство, ложь… Послушный эмоциям рассудок подыщет им оправдание. Такова структура человеческой психики.

В том-то, пожалуй, и беда, что не утратили «враги народа» (назовем так тех, кто исполнен нечистого буржуазного духа личной выгоды, алчности, лжи, изворотливости, стремления получать максимум денег за минимум работы) ни рассудка, ни здравого смысла, ни логики. Они быстро нашли оправдание. Оно основывается главным образом на «обновленном» освещении истории России в XX веке. В кратком изложении эта версия такова.

Российская империя при Николае II была процветающим государством. Ленин на германские деньги осуществил революцию, развязал Гражданскую войну, выдворил из страны всех носителей высокой культуры, устроил геноцид русского народа. Подлинными героями и патриотами России были белогвардейцы, а носителями культуры — эмигранты. Тех и других надо прославлять.

Сталин продолжил черное дело Ленина: скрыл от народа его завещание; убил своего лучшего друга Кирова, установив режим массового террора; расстреливал или загонял в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей; на костях рабов воздвиг «стройки коммунизма», а благодаря штрафным батальонам и заградотрядам победил фашистов; по маниакальным побуждениям репрессировал целые народы (чеченцев, крымских татар и пр.), не успев сделать то же с евреями. Подлинными патриотами России были генерал Власов, бандеровцы и все те, кто выступал против русских оккупантов и сталинщины. После Сталина его черное дело продолжил Маленков. Только Хрущев осмелился проклясть «вождя народов» и провести демократические преобразования. Но ему не дали развернуться, Брежнев и прочие довели страну до полного кризиса, особенно страшного — колбасного, и только горбачевская перестройка и ельцинские рыночные реформы ввели государство Российское в мировое сообщество процветающих капиталистических держав…

Короче говоря, коммунисты — изверги, Ленин и Сталин — величайшие злодеи всех времен и народов. Они создали империю зла — Советскую Россию — СССР. Вывод очевиден: такую страну необходимо было разрушить до основания. Ленину, Сталину и их сообщникам — проклятье во веки веков. Русскому народу, пособнику этих злодеев, надо всемирно покаяться. Необходимо воспитать новых русских, россиян, отрешившихся от 70 лет гнусного и презренного советского прошлого и приобщенных к западной цивилизации.

Вполне логичная конструкция, не правда ли? Далеко не всякий обыватель сможет установить, что вся она построена на лжи, клевете, подлогах. Ну а если его такая конструкция устраивает, то и принять ее можно без сомнений. Когда говорят, что ложь грязная, смердящая, отравленная и отвратительная, все это субъективные определения. Та же самая ложь может быть увлекательной, привлекательной, желанной, кисло-сладкой.

При советской власти многие историки, называвшие себя марксистами, старались изображать историю царской России в мрачных красках. Понять это можно: требовалось оправдать свержение царизма и укреплять доверие к советской власти. Только во второй половине 1930-х годов, когда Сталин стал диктатором, положение постепенно стало меняться: он понимал, что патриотизм предполагает любовь к Отечеству, а не только к существующему государственному устройству.

Проникновенно сказано замечательным русским философом, вынужденным эмигрантом Сергеем Николаевичем Булгаковым:

> «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Такими же таинственными и неисследованными связями, которыми соединяется она через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и природе… Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы *познать самого себя* в своей природной индивидуальности, уметь полюбить *свое*, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий…»

Не следует искать смысл последней фразы: мол, атеистическая советская власть боролась с религией, а потому не позволяла человеку узнавать в себе образ Божий. Такое толкование слишком убого. Ведь все дело в том, во что человек верит, как он живет, как относится к ближним и дальним, к

Родине.

Не в отмаливании грехов своих, не в стоянии со свечкой, не в поклонении иконам, не в исполнении церковных обрядов и правил заключается твердыня веры. Она — в душе человека и его поступках. Иисус Христос учил распознавать лжепророков: «По делам их узнаете их»…

О культе и личностях

Извращение и опошление истории начинается с исторических личностей. Этот процесс протекает у нас и на Западе в русле общего опошления культуры, отрешения от высоких духовных ценностей и самобытности наций.

Достаточно обратить внимание на то, как — за редчайшими исключениями — преподносятся нам сведения о мыслителях, религиозных и государственных деятелях, ученых и прочих представителях культуры. Выуживают из биографий факты для сплетен, «пикантные» эпизоды.

Одной из первых «ласточек» такого полета была книжка писателя и поэта В. Солоухина «При свете дня», изданная в Москве в 1992 году. Но в ней — то беспросветный мрак, то сумерки (по Велемиру Хлебникову — «умерки дня»). Деликатную, но уничтожающую критику этой поделки дал хорошо знавший Солоухина В. Кожинов в книге «Россия. Век XX (1901–1939)». Он не сдержал своего недоумения: «Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести — откуда такое берется?!».

Подобные «историки» пишут о десятках миллионов жертв ленинского и столько же — сталинского террора. Не говоря уже о непомерном преувеличении числа погибших или погубленных, удручает, помимо явной лжи, все то же опошление исторического процесса. Кожинов тщетно пояснял: «Необходимо иметь в виду всеохватывающий и всесокрушающий «ураган» революции, а не «агрессивную психику» Ленина или кого-либо еще».

Но вот в 1995 году вышла статья кандидата исторических наук И. В. Соколова с уничтожающим заглавием: «Ленин — палач русского народа и обычный педераст». Данный специалист и вовсе отличился. Он углубился в специфическую тему, упоминая о «марксистской попочке»… Впрочем, об этом — чуть позже. Все-таки мы сейчас говорим об историософии, а не о сексопатологии.

Революционный ураган — явление объективное, мощное и страшное. Противопоставлять ему одну какую-то личность означает, помимо всего прочего, придание ей нечеловеческого могущества. Самый настоящий, да еще безмерно утрированный, исполненный злобы культ личности!

Впрочем, подобные авторы могли явно или неявно иметь в виду ту или иную фигуру как воплощение массового явления. И тогда Ленин выступает олицетворением большевиков, захвативших власть, создавших ЧК, сражавшихся с белогвардейцами и Антантой, учинивших «красный террор».

Правда, власть они взяли практически бескровно у дряблого Временного правительства демократов, утративших доверие народа. Орган госбезопасности учредили по необходимости (так делают руководители любого государства), а слово «чекист» пугало только врагов народа. Безусловно, этим не оправдываются сотни и тысячи невинных жертв, расстрелы заложников.

Пожалуй, в жестокости против собственного народа всех превзошла тройка: командующий войсками в Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский, начальник его штаба и активный пропагандист его культа бывший царский офицер Н. Е. Какурин, председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко. В их приказе от 23 июня 1921 года говорилось:

«Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу… По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников… жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей… Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока… взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и вторично предлагается выдать бандитов и оружие… В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д.».

По приказу Тухачевского против восставших крестьян использовали даже химическое оружие: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Приведя эти сведения, В. В. Кожинов заключает: «Все трое в 1930-х годах погибли, и их участь рассматривается как одно из проявлений варварского сталинского террора. Но согласитесь: их гибель — чем бы она ни была вызвана — меркнет перед их злодеяниями 1921 года по отношению к множеству людей».

Тухачевский, Какурин, Антонов-Овсеенко были, как говорили в те времена, «редисками»: красными снаружи, белыми внутри. Все трое служили в царской армии и перешли на сторону большевиков совсем не из любви к русскому народу и тем более пролетариям.

Но разве белогвардейцы воевали в белых перчатках? Об их злодеяниях писал Михаил Булгаков, бывший белогвардейский военврач. Михаил Пришвин, долго не признававший советскую власть, сделал в июне 1920 года запись в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы

просидели у красных». О том же писал беспристрастный свидетель В. И. Вернадский, проехавший по тылам деникинцев и не пожелавший эмигрировать в Англию, где ему предоставляли политическое убежище. Даже деятель Белого движения В. В. Шульгин вынужден был признать, что если белые начинали воевать почти как ангелы, то кончили почти как дьяволы, тогда как красные — наоборот.

Сергей Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация», словно возражая клеветникам, написал о Ленине: «Не палач, а спаситель». И сослался на слова Сергея Есенина, так отозвавшегося на смерть вождя:

Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Вот и великий князь Алексей Михайлович, больший патриот России, чем вышеназванные «историки», вынужден был признать: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не. щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Остается последний довод: а как же расценивать расстрелы большевиками православных монахов? Чем они-то провинились? Можно ли было так насаждать воинствующий атеизм?

Однако начался конфликт большевиков с православной церковью не по их вине. Сергей Есенин рассказал о своем разговоре с монахами в родной своей деревне:

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их…
Не в пух, а прямо в прах…
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!

Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю И не поцелую.

Был ли Есенин одинок в этом своем переживании? Нет. Церковь, не пожелавшая встать над схваткой противоборствующих сторон, лишь усугубляла междоусобицу. Только по этой причине развязанная позже антицерковная кампания большевиков (под руководством, напомню, Троцкого) не встретила значительного сопротивления.

В марте 1922 года была опубликована статья Ленина «О значении воинствующего материализма». В ней он полностью соглашается с Троцким, призывавшим развернуть широкую и решительную борьбу с традиционной религией. Сталин не выполнил этого ленинского завета.

Яростным и неугомонным борцом против Русской православной церкви был Хрущев, любимец либеральной интеллигенции. Но и при Сталине воинствующий атеизм некоторое время процветал. И это было вполне естественно. Иосиф Виссарионович выступал как продолжатель дела Ленина, при котором «секта» воинствующих атеистов превратилась в серьезную и авторитетную политическую организацию, действующую в рамках ВКП(б). Выступать против нее было бы по меньшей мере глупо, а возможно и самоубийственно.

И все-таки Сталин 16 августа 1923 года, вопреки мнению Троцкого и, пожалуй, пользуясь болезнью Ленина, направил всем партийным организациям строго секретный циркуляр, в котором сразу же было заявлено:

«ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и вообще в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувства верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XII партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»…»

Были приведены многочисленные примеры подобного

отношения к верующим, попам, предметам культа. Приказывалось:

> «1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений… по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место — отменить немедля;
>
> 2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;
>
> 3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г., п. II;
>
> 4) воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями «служителей церкви» и верующих;
>
> 5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИК от 29/III-23 г.;
>
> 6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих — гонения только укрепляют религиозные предрассудки, — а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.;
>
> 7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.
>
> ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.
>
> *Секретарь ЦК И. Сталин. 16/VIII-23 г.»*

Постановление строго секретное. Почему? Разве не в интересах партии провозгласить во всеуслышание эти пункты,

чтобы заручиться симпатиями верующих? Какие могут быть секреты, если имеются открытые ссылки на партийную программу?

Наиболее логичное объяснение такое. Политбюро по предложению Троцкого приняло строго секретное постановление о суровых репрессиях в отношении церкви и священнослужителей. На попытку М. И. Калинина ослабить это давление (он обратился за помощью к Сталину) последовало в начале августа 1922 года строго секретное постановление Пленума ЦК, подтверждающее антицерковную политику.

Однако через год ситуация изменилась: Ленин оказался не у дел, авторитет Сталина значительно вырос, а Троцкого — снизился. Вот и появилась возможность отменить прежние секретные указания, которые и раньше не отвечали соответствующим местам официальной партийной программы (тайно от них конечно же, отступали).

Все это не означает, будто Сталин был приверженцем православного культа. Он не лукавил. Это вообще было не в его правилах. Еще в молодости стал материалистом и атеистом. Но не воинствующим, во-первых. И не примитивным (что обычно для атеистов), во-вторых. Судя по всему, он сознавал: в мире присутствует нечто высшее, умом человеческим не постигаемое, но ощутимое глубинными струнами души. То, без чего материя мертва… На склоне лет, давая письменные указания расставить по порядку книги в своей обширной личной библиотеке, последним пунктом он назвал: «Атеистическая макулатура».

В конце прошлого века с победой второй буржуазной революции в России, казалось бы, грянуло религиозное возрождение. Под покровительством Ельцина и новых русских повсюду стали восстанавливать и строить церкви, часовни, монастыри, мечети. Члены правительства, недавние воинствующие атеисты, встали рядами со свечками.

Суть этой идеологии «открытого общества» верно раскрыл Сергей Кара-Мурза: «В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождения от человечности, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко *антихристианское,* несмотря на его внешнюю набожность».

Вообще, спекуляция на понятии свободы — один из приемов пропаганды самых подлых и пошлых нравов, воспитания потребленца и приспособленца. Ибо ни в природе, ни в обществе

никакой человек не может быть абсолютно свободен. Ему дарована лишь духовная свобода.

Надо ясно сознавать, какая свобода имеется в виду, для кого и с какими целями. Пора бы отличать свободу паразита от свободы трудящегося, свободу подлеца и лжеца от свободы искателя истины, свободу подонка от свободы личности. Когда глаголют о правах человека, надо поинтересоваться: кого имеют в виду? Если иному индивиду предоставить свободу, тем самым могут быть попраны права других людей, а то и всего народа.

Итак, сделаем вывод. Извращение и опошление истории — один из наиболее надежных способов оправдания самых гнусных человеческих качеств, подавления свободы мысли, формирования убогих стандартных индивидов, которых с полным правом можно называть недочеловеками.

Как бы мы ни относились к большевикам, их победа в Гражданской войне — неопровержимый исторический факт. Они победили в конечном счете благодаря поддержке народа. Как бы мы ни относились к Ленину, он был и остается великой и даже героической исторической личностью. Он был вознесен к вершине власти на волне революционного подъема и оставался там по воле народа. Как бы мы ни относились к Сталину, но именно он стал создателем великой державы, под его руководством наш народ победил в Отечественной войне.

История в сослагательном наклонении

Принято считать, что история не терпит сослагательного наклонения. Мол, в прошлом ничего нельзя изменить. Надо его осмысливать, извлекая полезные уроки.

Все это верно, но лишь отчасти. Да, свершившегося не изменишь. Но оно может стать полезным уроком. Однако понимать прошлое, даже если известны одни и те же факты, можно по-разному. Вдобавок со временем открываются новые сведения. Меняется окружающая обстановка, открываются новые исторические перспективы.

Принципиально важно и то, кто пытается осмыслить историю, с какой целью и в расчете на какую аудиторию. Вот и получается, что события прошлого пребывают неизменными только в абстракции, в каком-то умозрительном всемирном хранилище информации, проникнуть в которое не способна мысль человека.

Пожалуй, в таком смысле надо понимать слова Сталина, обращенные к Черчиллю и приведшие того в недоумение: «Прошлое принадлежит Богу». По-видимому, имелся в виду Разум Вселенной, нечто превышающее умственные возможности человека.

Однако история как область научных знаний и философских рассуждений вполне приемлет сослагательное наклонение. Это называется моделированием. Можно представить себе определенный исторический период и предположить, что могло произойти в тех или иных обстоятельствах.

Подобные «путешествия в прошлое» чаще всего позволяли себе писатели-фантасты. Они не имели в виду исследовательские задачи, не претендовали на научные выводы. «Машина времени» фантастов — выдумка. Как справедливо писал замечательный религиозный философ Августин, прошлое и будущее существуют в настоящем (или иначе: настоящее, прошлое и будущее пребывают в вечности, подобно тому, как многие виды пространства находятся в едином пространстве Вселенной).

Тем не менее теоретические модели «альтернативных» исторических процессов могут принести определенную пользу в тех случаях, когда мы пытаемся понять смысл, значение и последствия тех или иных исторических решений, значение поступков исторических личностей.

Во времена Хрущева, а еще чаще при Горбачеве нередко можно было услышать: вот если бы жив был Ленин, все было бы в СССР прекрасно, не было репрессий, а то и войны с фашистской

Германией, расцветала бы многопартийная демократия и банковская деятельность, не было бы колхозов, торжествовали бы частная собственность и конкуренция, население бы богатело, рухнул бы «железный занавес», граждане СССР могли бы посещать любые страны…

Примерно об этом, если не ошибаюсь, мечтали диссиденты, академик Сахаров и пр. Например, крупный партийный работник, один из «прорабов перестройки Федор Бурлацкий писал: «Зададимся простейшим вопросом: проживи Ленин еще 10–20 лет — разве страна прошла бы через те жестокие испытания, которые выпали на ее долю?.. Да никогда в жизни!»

Подобные предположения выглядят по меньшей мере наивными. Если вспомнить, в каком состоянии находилась Россия после Гражданской войны, они покажутся нелепыми.

Представим себе, что могло произойти, если бы Ленин продолжил реализовать свои идеи. Никаких либеральных реформ он бы не проводил (таких планов у него и в помине не было), но почти наверняка постарался бы лишить Сталина его высокого партийного поста, а также поддержать авторитет Троцкого. Владимир Ильич не любил, когда кто-то из его соратников обретал слишком большую власть.

Впрочем, зная характер его болезни, предположение о возможности выздоровления — чистая фантастика. Вполне реалистичен другой вариант. XIII съезд РКП (б) мог принять предложение Ленина и снять Сталина с поста Генерального секретаря. Никаких весомых аргументов против такого решения у Иосифа Виссарионовича не было. Ему пришлось бы уйти в отставку. Он и сам не раз вносил такое предложение. Кто мог занять его место? Наиболее вероятная кандидатура — Троцкий.

Его сторонники могут решить, что в таком случае если не все, то многое в мечтаниях диссидентов могло реализоваться. Во всяком случае, было бы покончено с диктатурой партии, бюрократизмом, зажимом критики и прочими дефектами «сталинизма». Разве не об этом писал Лев Давидович?

Увы, его выступления против сталинской системы была чистой воды демагогией. Он критиковал своего более сильного или, как он полагал, удачливого противника, которого поддерживали, в частности, русские националисты.

Взяв власть в свои руки, Троцкий постарался бы ее удержать. А для этого был только один путь: поставить своих сторонников на все ключевые посты в партии, правительстве, армии, НКВД. Ведь у него среди основной массы членов партии было сравнительно мало сторонников.

Чтобы произвести такую радикальную чистку и значительное

обновление управленческого аппарата, где преобладали приверженцы сталинского курса (ведь он подбирал кадры), Троцкому пришлось бы устранять — правдами и неправдами — своих противников. Начались бы острейшие внутрипартийные конфликты. Этим непременно должны были воспользоваться враги РКП(б) и СССР.

Троцкий вряд ли отказался бы от установки на мировую революцию, ограничившись построением социализма в одной стране (такой была стратегия Сталина). Для него даже мирное строительство означало превращение страны в военный и трудовой лагерь. Он предполагал использовать русский народ как средство разжигания мирового пожара (с какой тайной целью — приходится только догадываться). Такая внутренняя и внешняя политика была бы губительной для России — СССР.

Есть один пример торжества революционной концепции Троцкого: Кампучия (Камбоджа), где в 1975 году к власти пришла Ангка, руководимая Пол Потом. Он прошел курс обучения в Париже вместе с выходцем из богатой семьи Кхиеу Самфаном. Оба этих интеллектуала попали под воздействие идей французских троцкистов.

Кхиеу Самфан в своей магистерской диссертации разработал теорию общества, которым руководит небольшая часть «передовой» элиты, обладающая неограниченной властью над остальным населением — «абстрактными существами». Народ в такой схеме представлен как средство построения идеального государства, в сущности, как строительный материал, наряду с прочими живыми и неживыми объектами.

Вернувшись в Кампучию, эти интеллектуалы приступили к реализации своих теоретических схем. Они создали тайную организацию Ангка, а затем армию красных кхмеров. Ее основу составляли юноши не старше 24 лет. По убеждению Пол Пота, «незараженные буржуазными идеями подростки, впитавшие в себя ненависть к угнетателям, — лучший материал для партии истинных революционеров».

(Как гут не вспомнить ставку Троцкого на молодежь, не зараженную предрассудками прошлого; он ее называл верным барометром партии, противопоставляя старшему поколению. Для разрушительных действий наиболее пригодна именно молодежь, не научившаяся трудиться и легко поддающаяся ультрареволюционной агитации.)

Что произошло с Кампучией, когда к власти пришли интеллектуалы Пол Пот и Кхиеу Самфан? Это похоже на страшный сон. Менее чем за четыре года, по некоторым данным, была уничтожена треть населения страны, разрушена

традиционная культура, подорваны устои прежде всего крестьянства.

Итак, мы приходим к выводу: скорее всего, во время проблематичного «правления Троцкого» в партии произошел бы серьезный раскол, а в стране вспыхнула бы новая кровавая междоусобица. Этим непременно постарались бы воспользоваться западные державы. С помощью остатков белой армии и внутренних врагов советской власти они почти наверняка смогли бы «навести порядок» и установить «демократическое правление».

Но, может быть, такой поворот событий стал бы для России спасением? Из эмиграции вернулись бы представители интеллигенции, аристократы, белогвардейцы, банкиры, промышленники, помещики, представители царствовавшей династии…

К чему это могло привести?

Судить по примеру современной капиталистической России нельзя, ибо она возникла в предельно благоприятных экономических и социальных условиях, которые обеспечила советская власть. В 1923 году страна находилась в разрухе, экономика только лишь начала восстанавливаться, в народе продолжалось брожение, вызванное революциями, Гражданской войной, нэпом. Отказ от генеральной линии партии, предложенной Сталиным и его соратниками, означал бы начало новых социальных потрясений, междоусобицы в партии и стране, усиление сепаратизма, развал только что образованного Советского Союза, а значит, Великой России.

Свергнутая народом царская или буржуазно-демократическая власть не имели никаких шансов противостоять процессу распада. Он был неизбежен, какими бы иллюзиями ни тешили себя монархисты или демократы. Для удержания власти им потребовалась бы помощь извне все той же Антанты. А восстановление Великой России не входило в планы руководства крупнейших держав: Англии, Франции, Германии, Японии, США (можно добавить еще Польшу, Финляндию, Турцию). Они, как положено хищникам, не упустили бы благоприятную ситуацию для того, чтобы расчленить СССР, а затем РСФСР, установив свое господство.

Разделяй и властвуй! Разве не такую политику воинствующего империализма демонстрируют они поныне?

Для советской власти в обстановке внутренней нестабильности при враждебном окружении (расчет на мировую революцию и поддержку пролетариев всех стран не оправдался) требовалась консолидация всех сил. Устойчивость нового

общества могла обеспечить только правящая партия — как центр кристаллизации прочной государственной системы. Ради этого приходилось действовать жестко, а то и жестоко.

Из подобных соображений исходил Сталин. И не только он один. Это же если не понимали с полной определенностью, то интуитивно чувствовали не только делегаты партийных съездов и большинство членов партии. В народе, измученном социальными и экономическими потрясениями, тоже преобладали такие настроения.

…Постарайтесь мысленно перенестись в Россию начала 1920-х годов, только еще начавшую восстанавливать народное хозяйство и налаживать мирную жизнь. Как можно определеннее и объективней представьте себе состояние культуры и экономики, настроения, господствовавшие в разных социальных слоях, брожение в партийном руководстве и растерянность в рядах членов партии. Необходимо решить, куда двигаться дальше. Как поступить в этом случае? Какую «генеральную линию» предпочесть?

На мой взгляд, тогда партия сделала верный выбор. Он был спасительным для России.

Теперь продолжим мысленный эксперимент и представим себе, что могло произойти, останься Маленков главой Правительства СССР на десять или более лет. Осуществилось бы коллегиальное руководство. Функционеры КПСС не имели бы абсолютной власти. Продолжились либеральные реформы…

Что означает либерализация экономики? Ослабление контроля над предпринимателями, торговцами, разного рода бизнесменами со стороны государства. Создание совместных предприятий с зарубежными партнерами. Внедрение так называемой рыночной экономики. Частная собственность на средства производства, земельные угодья, добычу природных ресурсов. Стремление получать максимальную прибыль при минимальных затратах.

Все это означает полную смену внутренней политики и фактически отказ от марксистско-ленинской коммунистической идеологии. Осуществился бы переход, пускай не резкий, к капиталистическим отношениям.

Что в таких условиях могли предпринять «твердокаменные» ленинцы и тем более сталинцы? Бороться за свои идеалы. Но к тому времени стали набирать вес и влияние другие представители партийной номенклатуры, относящиеся к типу приспособленцев. Они бы постарались использовать изменившуюся ситуацию в своих корыстных целях. Для этого требовалось совсем немного: налаженные связи в условиях

переходного периода и принцип «Обогащайся!»

Возможно, в то время, когда значительная часть народа еще не была оболванена буржуазной пропагандой, произошли бы острые схватки в руководстве страны и партии. Реально возникли бы две партии, условно говоря, коммунистическая и капиталистическая…

Однако в условиях либеральной экономики явное преимущество получили бы владельцы капиталов, имеющие налаженные коррупционные связи. Они бы воздействовали всеми способами на обывателя, доказывая верность своего политического курса по направлению к буржуазному раю…

Нетрудно заметить, что примерно так происходили события в нашей стране начиная с середины 1980-х годов под лозунгами «перестройки». Возник бы если не Горбачев, то еще какой-либо лидер, действовавший примерно так же, как он. Брежневский период лживо и безо всякого обоснования называют «застойным», хотя тогда народное хозяйство страны развивалось быстрей, чем в большинстве индустриально развитых государствах.

Следовательно, тогда если и был «застой», то не экономический, а политический, идеологический, духовный. На два десятилетия растянулся «переходный» период, когда набравшая силу партийная номенклатура приступила к осуществлению буржуазной революции. Она была инициирована «сверху», с помощью реформ и массового внушения с помощью покупных и продажных деятелей СМИ.

Объективные процессы, преобладающие в общественной жизни, в условиях техносферы благоприятствуют распространению буржуазных идеалов, процветанию типов приспособленцев, имеющих целью наживу (об этом мы уже говорили). Чтобы всему этому противостоять, требуются значительные усилия, целенаправленные и достаточно жесткие действия, приоритет духовных идеалов над материальными ценностями.

Г. М. Маленков не был тем человеком, который смог бы, подобно Сталину, управлять обществом. То же, пожалуй, относится и к В. М. Молотову. Так проявляется роль личности в истории. Рассуждать о том, что могло бы произойти, если бы Сталин прожил еще десятилетие, не имеет смысла. Такой срок в жизни общества слишком мал. На «культурную революцию», как поступил Мао Цзедун, он вряд ли бы решился. Он не был сторонником резких преобразований.

Получается тупиковая ситуация. Вроде бы Советский Союз был изначально обречен. Такая мысль выглядит убедительной еще и потому, что так и произошло.

Если дать волю фантазии, то выход есть. Но для этого необходимо было активное вмешательство научной мысли. Прогностические исследования, не преследующие никаких иных целей, кроме поисков истины, могли продемонстрировать разрушительный характер «либеральных реформ» и перехода с более высокого в социальном, культурном, нравственном и экономическом плане уровня (социалистическая система, при всех ее недостатках) на низкий, примитивно капиталистический, давно пройденный индустриально развитыми странами…

Спору нет, наши рассуждения предельно упрощены. У нас же не научное исследование. И все-таки они, как мне представляется, дают более или менее верную схему возможных путей развития нашей страны.

…История не терпит сослагательного наклонения. Реальный исторический процесс протекает в реальном времени, он необратим и неповторим. Но наша мысль способна преодолевать подобные ограничения, выходя за пределы реальности для того, чтобы лучше ее понять.

«История нас рассудит»

Такую фразу любили повторять деятели, вынужденные сойти с исторической арены. Возможно, в их числе был и Г. М. Маленков. Он убедился, что победа его недруга Хрущева обернулась для последнего полным поражением. Но и Георгию Максимилиановичу уже не суждено было вернуться в руководство страной.

Суд истории суров, беспощаден и отмене не подлежит.

Теперь многие историки, не говоря уже о журналистах, вершат суд над историей. Честные и квалифицированные специалисты стремятся осознать прошлое. Однако их работы издают небольшими тиражами, создавая видимость свободы слова. За последние десятилетия подлинно массовыми являются только электронные СМРАП (средства массовой рекламы, агитации, пропаганды). Их совершенно неправомерно и хитро называют СМИ (средствами массовой информации). Хотя в действительности важнейшая их роль для имущих капиталы и власть — использование психотехнологий для интеллектуального и духовного закабаления народа, внедрения в сознание миллионов дезинформации.

Это не означает, будто СМРАП постоянно изливают грязную ложь. На то и психотехнологии, чтобы в необходимых дозах предоставлять правду, приправляя ее дозами лжи. Создают информационный шум с помощью постоянных рекламных и музыкальных перебивок. В мелко раздробленных новостях важные сведения теряются в пустяках. Бьют по нервам материалами о катастрофах, убийствах. Главное — не давать возможности задуматься, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Простейший и безотказный прием — повторять как бы между прочим, как само собой разумеющееся определенное утверждение. Или сослаться на какой-либо авторитет. И тогда в сознании людей имена Иван Грозный или Сталин тотчас порождают внедренный штамп: «тиран и коварный злодей», тридцать седьмой год — «массовые репрессии», Советский Союз — «тоталитарное государство», ГУЛАГ — «система концлагерей для инакомыслящих», советский человек — «тупой совок», русский — «оккупант», а теперь еще и «фашист»…

Эти лживые определения от постоянных повторений внедряются в подсознание как неоспоримые истины. Надо лишь действовать напористо и нагло. Ссылаться на слухи, воспользоваться единичными и ничего по сути дела не доказывающими фактами, фальсифицировать некоторые

материалы, не гнушаться клеветой.

Так, говоря о репрессиях, называют несусветные цифры в десятки миллионов. Утверждают, будто Сталин был параноиком, а его соратники, тупицами и трусами. В частности, Георгия Маленкова уличают в беспробудном пьянстве. Намекают, будто в ГУЛАГе находились лишь невинные жертвы режима и политзаключенные…

Не стану продолжать. Всю эту ложь и клевету много раз буквально убийственно критиковали В. Кожинов, С. Кара-Мурза, В. Бушин и немало других знающих и честных людей. Разве что-нибудь от этого изменилось? Грязную ложь на Советский Союз, советский народ, Сталина продолжают изливать отечественные СМРАП, как ни в чем небывало, изобильно и непрерывно. А чистая правда поступает ничтожными порциями, обычно попадая к тем людям, которые и без того ее знают или о ней догадываются.

Как же обманывают массы людей, если в реальности все иначе? Для этого надо прежде всего представить историю так, как требуется определенной категории влиятельных деятелей. Я называю их государственными или, шире, глобальными владыками (ГВ). В их распоряжении находятся рычаги власти, включая СМРАП.

Почему требуется искажать именно историю? Потому что представления о прошлом формируют картину настоящего.

Вот, например, в интервью по ТВ 9 июня 2001 года Солженицын с возмущением признал, что Ельцин, Гайдар и Чубайс ограбили народ. А затем обмолвился: мол, в советское время расстреливали миллионы людей. Такой вот лукавый прием: подумайте, что для вас лучше, быть ограбленным или убитым? Но известно, что с 1921 по 1953 год у нас было расстреляно около 800 тыс. человек. Среди них были, в частности, военные преступники.

Какое впечатление сложится у вас о человеке, про которого будут рассказывать только одно плохое, преувеличивая его недостатки, смакуя ошибки, выдумывая пороки, сообщая сомнительные сведения как достоверные. Естественно, самое негативное.

Помнится, великая балерина Галина Уланова незадолго до смерти призналась, что даже не подозревала, в каком ужасном обществе жила при Сталине. Другая великая балерина Майя Плисецкая утверждала, что ее третировала советская власть, как бы позабыв, что еще в 1959 году она стала народной артисткой СССР, а в 1985 году была удостоена почетного звания Героя Социалистического Труда.

(Кстати, лишь одну эту награду носил Сталин, которого выставляют маниакальным честолюбцем. Он возражал против присвоения ему звания Героя Советского Союза, ссылаясь на то, что не совершал геройского подвига. Но разве не беспримерным его подвигом в эти годы было руководство не только действующей армией, но и тылом, партизанским движением и разведкой, внешней и внутренней политикой страны?!)

За последние 20 лет принадлежность к семье бывших узников ГУЛАГ а или к «репрессированным народам» стала преподноситься как своеобразная «родовитость», печать избранности. И никто толком не пояснит, а за что же были высланы представители некоторых национальностей? А сколько в действительности их погибло из-за, как говорят, невыносимых условий? И почему они не вымерли, как ныне вымирает русский народ? И разве в ГУЛАГе пребывали одни невинные? Я, например, был знаком с десятком «лагерников», и никто из них не был без вины виноватым. Конечно, были исключения, но только не в массовых масштабах.

…Слишком легко, просто и комфортно быть гуманистом, борцом за права человека и критиком тоталитарного режима. При этом прошлое представляется, обсуждается и осуждается с позиций современных. Напрочь отбрасывается исторический метод, предполагающий предельно точное воссоздание обстановки определенного периода и стремление исходить из нее, как бы переносясь в ту пору, ставя себя на место людей той эпохи.

Еще в 1915 году поэт-философ Максимилиан Волошин писал:

Ложь заволакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.

И гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.

Можно возразить: а разве советская пропаганда не искажала историю? Да, искажала. Вопрос лишь в том, до какой степени и в каких целях.

Например, Кожинов справедливо возмущался словами Сталина, выступавшего в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической

промышленности: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били…» Тут Вадим Валерьянович сделал пропуск. Запомним это обстоятельство. И учтем, что там же у Сталина высказана еще более возмутительная мысль: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества».

Вот вам и русский великодержавный шовинист, вот вам и руководитель Великой России — СССР!

Правда, надо бы учесть обстановку того времени, цель доклада и прочесть высказывание вождя без пропусков. Тут он объясняет, в частности, почему не может последовать совету Ленина не торопиться.

«Иногда спрашивают, — говорил Сталин, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно…»

Общий посыл понятен: убедить слушателей в необходимости мобилизовать все ресурсы для индустриализации страны. Использованы не только риторические, но и демагогические приемы. Не упомянуто, например, что русские били и монгольских ханов, и турецких беев, и шведских феодалов, и польско-литовских панов… Правда, поражения в Крымской и Японской войнах остались безответными. Казалось бы, только о них бы и следовало говорить. Тут явное желание очернить всю историю страны.

Сталин сделал оговорку: «между прочим». Можно это понять как намек на то, что о наших победах не будет сказано. Он ведь не сослался на разгром французской армии в Отечественной войне 1812 года. Но все-таки оговорка не может затушевать явно несправедливое — «непрерывно били». Зачем это сделано? Ради унижения старой России? Да. Но с тем, чтобы подчеркнуть, пусть и в утрированном виде, ее отсталость. Это, по его мнению,

должно вдохновить слушателей на строительство новой индустриальной России.

Он продолжил: «Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать».

Как видим, он даже отчасти неправдами стремится доказать главную мысль своего доклада. Его может оправдать лишь то, что он делает не научный доклад, а политический, и позволяет себе ложь или, точней, не всю правду ради укрепления СССР, новой Великой России.

С той же целью он высказал сомнительную мысль о том, что «у нас не было и не могло быть отечества». Если понимать отечество в привычном для нас значении «родина», «место рождения», то получается нелепость. Родина есть у каждого, кто рожден, и отрицать это глупо.

Значит, он имел в виду другой смысл этого слова: «государство, в отношении к подданным своим» (так пояснено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля). И он пояснил: «Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость?..

Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Так поставлена проблема. Прав Сталин? Да, прав. Через десять лет началась Великая Отечественная война. Успели мы до этого срока провести индустриализацию? Да, почти успели. И только поэтому победили в войне, где решали все техника, общее состояние страны и духовная мощь народа.

Вот характерное признание В. И. Вернадского, убежденного индивидуалиста и поборника прав личности, свидетеля двух мировых войн и революций. Сравнивая Первую мировую с Отечественной, он сделал вывод: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и

обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерами и солдатами. Много талантливых людей… достигает высших военных должностей».

Правда Сталина заключалась в том, что к трудящимся прежней России государство и руководство не относились по-отечески. Выражение «царь-батюшка» звучало аллегорически. Какой это батюшка, если его надо почитать как наместника Бога на земле? Если ему надо кланяться в ноги? Если к нему нельзя обратиться, как к отцу родному?

В этом отношении новый «Хозяин», безусловно, значительно больше походил на отца. Новая государственная власть относилась к трудящимся по-отечески, товарищески, а не свысока, по-барски или с показной «демократической» простотой.

Сталин был прав даже тогда, когда говорил не полную правду. Потому что он не только говорил, но действовал. Не ради себя, — ради Великой России, советского народа, русской и, шире, советской многонациональной культуры. Он поднял страну на трудовой подвиг. Он не дал врагам смять нас.

Такова правда истории. Она рассудила именно так, а не иначе.

О тоталитарном режиме

Утверждение об исторической правде деяний Сталина и его соратников, в частности Маленкова, может показаться преувеличением или чудовищной попыткой оправдать создание тоталитарного государства, подавляющего свободу личности и попирающего права человека.

Но следует учесть одно важное обстоятельство. Государственные режимы, если они устойчивы (а Сталин 30 лет находился на вершине власти), складываются под воздействием многих объективных факторов и отражают преимущественно характер народа, а не личные качества вождя.

При Ленине, Сталине, Маленкове и позже наше государство было тоталитарным. Это понятие (согласно словарю иностранных слов) означает политический строй, при котором власть сосредоточена в руках какой-либо одной партии (группы), уничтожившей демократические свободы и возможность возникновения оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть насилием, террором, духовным порабощением народа. Над всеми сферами жизни общества осуществляется полный контроль со стороны государственной власти.

Но ведь политический строй еще не тождественен общественному устройству. Господство одной-единственной партии означает, безусловно, тоталитарность режима. Но разве обязательно при этом осуществляется экономическое и духовное порабощение народа в пользу каких-либо привилегированных групп?

Например, в США многопартийность — это чистая демагогия, а не демократия. Во-первых, реально борьба за власть идет только между двумя партиями. Во-вторых, обе они являются двумя крылами правящей в стране буржуазной элиты. В-третьих, в руках или под контролем этой элиты находятся практически все финансы и СМИ.

Гражданам внушают, будто у них есть выбор. Однако пространство политического выбора у них предельно узкое. В сущности, это две параллельные дорожки с незначительными различиями. Обман примитивный, давно разоблаченный, но действующий безотказно. За иллюзию выбора граждане платят колоссальные деньги. А результат предсказуем: победит партия, осуществляющая тоталитарную буржуазную демократию.

В XX веке сформировались три типа тоталитарных обществ: тоталитарная буржуазная демократия капиталистического типа

(США, Великобритания и т. п.); тоталитарная народная демократия социалистического типа (СССР, КНР и др.); тоталитарная военизированная фашистская демократия национал-социалистического типа по названию и национал-капиталистическая по сути (фашистские Италия, Германия, Япония и пр.).

К сожалению, даже в теоретических трудах отсутствует подобное четкое разделение, схематично отражающее характерные черты общественного устройства. А политизированные идеологи постарались предельно запутать проблему. Теперь даже у нас господство частного капитала стали называть торжеством подлинной свободы и демократии. Хотя на примере развала СССР в результате победы буржуазной революции совершенно очевидно, какое это несчастье для народа и его культуры.

Тоталитарная буржуазная демократия наиболее близка к фашизму. Она разрушительна для духовной культуры и человеческой личности. Об этом в 1923 году писал Николай Бердяев:

«В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к их духовному уровню. Эта идея хотела бы отвлечь внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления… Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину».

В дальнейшем его мысль полностью подтвердилась. Цивилизация, где главенствует принцип выгоды, подавляет культуру, техника определяет развитие науки, материальные ценности безраздельно господствуют над духовными.

Буржуазная демократия тоталитарна и агрессивна (подобно фашистской диктатуре), ибо ориентирована на постоянное увеличение материальных потребностей, которые не может удовлетворить, используя собственные ресурсы. Сталин отказался от идеи мировой коммунистической революции. Однако США и их союзники во второй половине XX века стали негласно осуществлять мировую капиталистическую революцию. Они бросили огромные средства на развал социалистической системы, на расчленение СССР, Чехословакии, Югославии.

Сталин окружил СССР дружескими странами народной демократии, создав единое экономическое пространство. При этом «старший брат» не эксплуатировал более слабые

государства, а осуществлял взаимовыгодное сотрудничество нередко в убыток себе.

США тоже помогали странам Западной Европы. Но, во-первых, нажившись на войне; во-вторых, предварительно ограбив эти страны; в-третьих, препятствуя влиянию социалистических идей и развязав информационную войну.

С позиций марксизма-ленинизма хищнический характер капитализма объясняется классовыми интересами буржуазии и шкурными — их обслуги, включая интеллектуальную. Однако причины значительно глубже и серьезнее.

Сказывается общая принципиальная установка технической цивилизации на создание, умножение, распространение и усовершенствование технических систем. Происходит это за счет деградации окружающей среды, биосферы. В. И. Вернадский надеялся на переход ее на более высокий уровень ноосферы, области господства научной мысли. В действительности она превращается в техносферу, область господства техники.

Тоталитарная буржуазная демократия в наибольшей степени, так же как фашистская диктатура, соответствует техносфере. Она механична в своей основе. Некоторые ее защитники и пропагандисты утверждают, будто она представляет собой «открытое общество». В реальности все как раз наоборот. Никогда еще не было столь закрытого общественного устройства, где разобщение людей так велико.

Что произошло в России при установлении в конце прошлого века тоталитарной буржуазной демократии, «открытого общества»? Мы уже говорили: металлические двери, огромные глухие заборы, строго охраняемые виллы, многочисленные охранники повсюду, камеры видеонаблюдения, заказные убийства, пронизывающие всю государственную систему метастазы коррупции, у людей страх быть уволенным, «черный нал» и тройная бухгалтерия… Открытыми для расхищения оказались национальные богатства, открыт их вывоз за рубеж, открыты для врагов многие государственные тайны, открыта утечка в другие страны отечественных специалистов, открыта безудержная кампания лжи и клеветы на Советский Союз, советских вождей, советского народа.

Это и есть реальное, а не на рекламное, западное «открытое общество». Многих у нас оно устраивает. Это нынешняя правящая элита и их обслуга, «новые русские», ловкие дельцы, приспособленцы и ненасытные потребленцы. Они — мутанты, возникшие под воздействием интенсивного облучения западной пропагандой. Это и есть торжество буржуазной демократии. Она губительна для настоящих русских людей — открытых миру и

друг другу, товарищей.

Могу свидетельствовать как очевидец: даже в суровые, порой трагические сталинские времена не было у нас такого духовного и экономического тоталитаризма, такого упадка культуры, такого массового снижения интеллектуального и нравственного уровня, такой деградации личности, как за последние 20 лет. Победа буржуазной идеологии обернулась потерей русской национальной идеи, в основе которой — любовь к Родине, и утратой отечества как страны для народа, а не для «избранных», не достойных ничего, кроме презрения.

…Любая устойчивая государственная система тоталитарна. Мне, например, в принципе не нравится государственная власть, ибо она неизбежно одних подавляет, другим предоставляет привилегии. Тем более если она отражает волю и желание оболваненного с помощью СМРАП большинства. Я — анархист. Но мне довелось командовать отделением, быть начальником геологического отряда, экспедиции. Порой, особенно в экстремальных ситуациях, я действовал как диктатор. Только поэтому удавалось избегать жертв.

Не исключаю, что и Сталин в душе был коммунистом-анархистом. Но во главе государства в период тяжелейших испытаний, когда судьба России — СССР висела на волоске, он был должен, обязан быть диктатором и устанавливать тоталитарный режим. Вопрос лишь в том, в какой обстановке и с какими целями он установлен.

Расцветает в стране культура? Растет благосостояние народа? Сокращается смертность, число самоубийств, преступность? Растет численность населения? Увеличивается продолжительность жизни? Справедливо распределяются национальные богатства? Обеспечено достойное будущее народу, поднимается его интеллектуальный, нравственный, эстетический уровень?

Если ответы на эти вопросы положительные, значит, общественная система действительно народно-демократическая, достойная свободного человека. Если ответы отрицательны, значит, общество нездоровое, уродливое, подавляющее человека и разрушающее природу. Вот и решайте, какое общество было у нас при Сталине и какое установилось после развала СССР и под воздействием антисоветской пропаганды.

Буржуазная тоталитарная демократия — это социальная организация, поощряющая худшие человеческие качества. Она формирует убогую личность, ориентированную на получение прибыли, приспособление к окружающей среде и на максимальное потребление материальных ценностей. В таком

обществе гасятся творческие порывы и опошляются высокие идеалы. Возможно, это путь к позорному финалу современной глобальной технической цивилизации.

Заключение
Прошлое — пролог будущего

Для разума нет исхода,
Но дух ему вопреки
И в безднах чует ростки
Неведомого восхода.

М. А. Волошин

1

Можно проклинать или восхвалять свое прошлое, даже отрекаться от него, это не изменит главного: мы — его продолжение. Оно остается в нас, входит во все то, что нас окружает. Без него нет настоящего.

Можно хулить или хвалить ушедшее, однако занятие это будет бесплодным или даже вредным, если не пытаться исследовать историю с предельной скрупулезностью, внимательно и чистосердечно ради поисков истины, а не того, чего хотелось бы найти.

Для понимания исторического процесса совершенно недостаточно знать и выстраивать в хронологическом порядке различные сведения. Такую работу способен выполнить и компьютер. Необходимо научиться думать, что не так уж просто. Желательно обладать достаточно полным и конструктивным личным опытом, знать ту страну и тот народ, о которых пытаешься судить.

Но даже при выполнении всех этих условий вряд ли можно претендовать на то, что нам удалось понять прошлое, тем более не в общих чертах, а в деталях. Вот и тайну ленинского завещания, о котором у нас шла речь, невозможно раскрыть полностью и окончательно. Впору вспомнить совет Козьмы Пруткова: «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное».

Основная трудность в том, что многое зависит не только от стихийных процессов и статистических закономерностей, связанных с взаимодействием общества с окружающей средой, с развитием техники и социальных структур, демографических явлений и т. п. Порой существенно сказываются субъективные

факторы, связанные с конкретными историческими личностями, их замыслами и устремлениями, интеллектуальными и нравственными качествами.

Например, я совсем не уверен, что хорошо понимаю сокровенные замыслы Маленкова. В его поведении, высказываниях, деятельности слишком много противоречивого, двусмысленного, изменчивого со временем. Замыслы и действия Ленина или Сталина более ясны, ибо прошли проверку временем.

В отношении этих двух величайших политических и государственных деятелей XX века самое трудное — освободить их образы от массы измышлений. Аналогия с фресками великих авторов, пострадавшими от времени, замаранными бездарными художниками, изгаженными и исцарапанными пошляками, оставившими свои подписи…

Увы, после такого глумления над прошлым многое невозможно восстановить. А сделать это необходимо даже не ради минувшего и ушедшего безвозвратно, не ради давно почивших людей, кои «сраму не имут». Сделать это необходимо ради нашего общего будущего, ради нашей Родины, нашей культуры, нашего народа.

2

Историографы — хроникеры минувших событий. Историософы пытаются осмыслить исторический процесс. Первые восстанавливают события прошлого, выстраивают их в хронологическом порядке. Вторые по большей части философствуют.

И то и другое по-своему интересно и увлекательно. Однако вновь и вновь возникает вопрос: зачем вообще нам нужно знать историю?

Очевидный ответ: знание былого помогает предвидеть будущее. Это справедливо, но лишь отчасти и с оговорками. Ведь многое нам никогда не удастся воссоздать во всей полноте и непротиворечиво.

Прошлое раскрывает сущность настоящего и нас самих. Ведь общество продолжает существовать при постоянном обновлении слагающих его клеточек-индивидуумов, нас с вами. Оно сохраняет свои извечные качества и приобретает новые. Оно, как всякий живой организм, не может измениться совершенно — это будет означать его перерождение и гибель.

Итак, история помогает нам лучше и глубже понимать свою страну, свой народ и собственную личность. Это чрезвычайно

важно. С этого начинается культура. Недаром во времена античности был популярен афоризм: «Познай самого себя». Самопознание — отличительная черта человека.

Самопознание общества — это и есть история.

Расширяя в прошлое свой умственный горизонт, охватывая длительные исторические периоды, переходишь в иные масштабы пространства и времени, для которых десятилетия и наша собственная жизнь — лишь краткий эпизод.

Общество меняется, и чаще всего — необратимо. Уроки прошлого не пойдут впрок, если плохо ориентируешься в настоящем и не осмыслил общее направление эволюции глобальной цивилизации и данной конкретной ее части. Но в любом случае невозможно безошибочно определить, что может произойти в ближайшие годы, не говоря уж о более далеких перспективах.

Убедительных прогнозов на будущее не выработать никакими средствами. Хотя конечно же есть возможность просчитать и оценить те или иные варианты. Только при этом нужна не только компетентность, но и абсолютная честность — продукт во все века дефицитный.

Что касается нашей Родины, то беглый взгляд на ее историю с более пристальным всматриванием в минувший век приводит — еще раз придется признать — к выводам неутешительным.

Беда не только в том, что с нами произошло (без катастроф жизнь государств не обходится). Главная беда в том, что происходит поныне, в упорном нежелании правителей понимать и учитывать государственные, национальные, общенародные интересы. Но ведь и народ безмолвствует…

Нам надо уяснить одну простую мысль, высказанную Николаем Бердяевым: «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, «скромного» пути для России нет».

Не хочется думать, что выбор уже сделан.

3

Историческую память можно не только извращать, но и ловко использовать в политических целях.

Какое событие наиболее доказало верность политического курса Сталина, исполнившего, отчасти по-своему, ленинские заветы? Победа в Великой Отечественной войне. Это бесспорное

доказательство, достоверный исторический факт.

Но вот парадокс: в буржуазной антисоветской РФ торжественно празднуют великую Победу в Отечественной войне советского народа под руководством И. В. Сталина. И одновременно не прекращаются потоки лжи, изливаемые СМРАП на советскую эпоху и конечно же на Сталина, Ленина, большевиков и коммунистов.

Неудивительно, что на Западе к нам и нашей величайшей победе отношение презрительное или снисходительное: мол, была Победа ваша, стала наша; прежде мы вас опасались, с вами считались, а то и заискивали перед вами, а теперь вы у нас под пятой.

Некогда благодаря успешной, поистине мудрой внешней политике Ленина, а затем Сталина мы не только стали сверхдержавой, уважаемой во всем мире, но и создали дружественное окружение стран народной демократии. Теперь из некоторых бывших союзных республик раздаются проклятия в адрес «русских оккупантов». Хотя еще недавно тот же эстонец или латыш были полноправными гражданами великой державы. Где это видано, чтобы оккупанты имели не больше (а то и поменьше) прав и возможностей, чем «порабощенные» народы? Не секрет, что нацисты считали прибалтов недочеловеками. Неужели им теперь хочется оправдать эту гнусную характеристику?

Ну а какое же отношение к нашей 60-летней давности победе в современной Германии? Коротко сказать — разное. Однако общую, отчасти официальную установку раскрывает полученное мной в мае 2004 года письмо из Кельна. Автор, ссылаясь на мою (соавтор С. С. Миронов) книгу «Дипломатические поединки Сталина», пишет:

> «Я ждал эту книгу 50 лет! Мой отец, которому в этом году исполнилось 90 лет, ветеран Великой Отечественной войны (с июня 1941-го по декабрь 1946-го прошел дорогами войны от рядового до капитана) просит передать низкий поклон авторам…
>
> Приближается Великий юбилей — 60-летие нашей Победы. Магазины Европы завалены макулатурой о войне (альбомы, мемуары, энциклопедии, хорошо иллюстрированные фотографиями сгоревших танков и колоннами наших пленных), они доказывают, что войну выиграли западные «союзники», открыв второй фронт и разгромив в Африке 80-тысячный (!) корпус Роммеля. А куда исчезли тысячи «тигров», «пантер», «Фердинандов», «мессершмитов» и миллионы немецких солдат и

офицеров в 1945-м??? Кто победил во Второй мировой войне? Кто «заплатил» за Победу? Что такое «блокада»? Немцы считают, что «блокада» была в 1948 году в Западном Берлине, но почему-то стесняются показывать свое «Пискаревское кладбище». Где они, умершие от голода в Западном Берлине?

Мой отец участвовал в великих битвах: в 1941-м их 104-я стрелковая дивизия не пустила немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» в Мурманск, а в 1944-м выгнала захватчиков-террористов с родной земли. Осенью 1944-го их дивизию перебросили на 3-й Украинский фронт, под Яссы. В январе 1945 г. под Будапештом 104-я и многие другие попали в окружение: это была вторая «Курская битва»: остановив наступление в Арденнах (Бельгия), немцы перебросили 6-ю танковую армию СС за 1000 км по всей Европе (где же были хваленые бомбардировщики союзников? Бомбили беззащитные Лейпциг и Дрезден!) и ударили по 3-му Украинскому фронту. Окружение было недолгим — на помощь пришел 2-й Украинский, и они вместе освободили Будапешт и Вену. В Вене — памятник нашим с боевым приказом Сталина!..

Моя семья в 1996 г. была вынуждена эмигрировать из-за голода, переживаний за детей, ухудшения жизни. Я работал начальником производства завода железобетонных изделий, моя жена — старший инженер ПКТБ, дети учились в школе. Наша беда — мы не умели воровать и спекулировать! Поэтому был только один выход — продали квартиру наших родителей (ничего больше у нас продавать не было), купили билеты на самолет и улетели: это тоже история России!

Я никогда и ничего не боялся: играл в регби на первенство Москвы, служил в СА в РЭЗМ-3 Прикарпатского ВО (сам напросился в боевую часть — как отец). Мой отец строил Останкинскую телебашню и лауреат: это тоже история России!

С уважением, Александр Тринкер. Кельн, Германия».

Так пишет русский советский патриот, немец по национальности. Он приводит не мнения, а факты.

Под лозунгом «ускорение, перестройка, гласность» свершилась у нас буржуазная революция. Перезревшая номенклатура и массы жаждущих капиталистического рая

подорвали моральный дух народа и экономику страны, получили доступ к национальным богатствам, расчленили СССР. Появились миллионы безработных и нищих, беженцев, десятки миллионов бедняков.

С тех пор повторяется: лишь бы не было гражданской войны, довольно с нас потрясений! А гражданская война не прекращается все эти годы. Она происходит в скрытой форме, подобно коварной смертельной болезни, а потому для многих прозрение, осознание опасности может прийти слишком поздно.

Симптомы этого недуга нетрудно распознать. Катастрофически растет смертность и вымирает население. Средняя продолжительность жизни мужчин не дотягивает до пенсионного возраста. Не утихают кровавые конфликты на Северном Кавказе. Убийства и самоубийства, эпидемия СПИДа и проституция, наркомания и алкоголизм…

Корысть, стремление к наживе — основа нынешней идеологии — разъединяют людей и разлагают общество. Утрачиваются понятия: Родина, патриотизм, справедливость, равенство, братство. Разгул коррупции, расхищение национального достояния, падение нравов. Продажность и преступность как принципы жизни. Такая гнилая социальная структура обречена на полное вырождение.

В нынешней гражданской войне, и это надо ясно сознавать, народ оказался побежденным, униженным, подавленным, загнанным в экономическое и духовное стойло. Теперь его убеждают, будто так было при советской власти. Тем самым хозяева и их лакеи оправдывают свои интересы и предательство интересов России.

4

Переубеждать убежденных врагов Советского Союза, русского народа и коммунистической идеи я не собираюсь. Объясню свою позицию тем, кого это интересует.

С именем Сталина неразрывно связана история СССР, его великие победы в труде и сражениях. И не в данном выдающемся государственном и общественном деятеле корень проблемы. Его имя — символ, лишь косвенно связанный с конкретной личностью. У этого человека были свои достоинства и недостатки. Но не только пропаганда, а прежде всего народная молва, вера и чаяния сотен миллионов людей во всем мире вознесли его на вершину славы. Ему суждено было стать ключевой фигурой XX века.

Он 30 лет руководил государством нового типа, которое в одиночку противостояло ведущим капиталистическим державам. Оно выигрывало мирное соревнование с ними практически по всем показателям развития: экономического, социального, нравственного, культурного, научно-технического. Это стало залогом победы в Великой Отечественной войне.

Рост могущества и авторитета Советского Союза сопровождался восхвалением Сталина. Крупный русский мыслитель и публицист В. В. Кожинов, который был даже отчасти антисталинистом, справедливо отмечал: «Культ Сталина — это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление, которое осуществлялось повсюду от Мадрида до Шанхая». Даже враг народовластия Черчилль вынужден был признавать высочайшие достоинства советского вождя.

В те времена многомиллионные массы людей нельзя было оболванить, как это делается теперь. Для народов мира он был не сверхчеловеком или полубогом; он и сам был предельно прост, общаясь с самыми разными людьми или выступая перед аудиторией. Его имя прославляли как символ СССР, советского (русского) народа. Он и сам это прекрасно сознавал, так и не ответив Лиону Фейхтвангеру на вопрос о культе личности Сталина.

Антисоветская пропаганда замусорила мозги миллионам россиян. Загрязнение духовной среды в наше время стало самым страшным бедствием, разрушившим связь поколений и породившим массовое отторжение тысячелетних нравственных идеалов.

Эпоха сталинского правления была для нашего народа героической. В такие времена свершаются великие деяния, а они сопряжены с немалыми жертвами. Так было во все века в разных странах. И дело, конечно, не столько в правителе, сколько в народе, вернее сказать, в его единстве и самоотверженности.

Героизм не бывает подневольным, трудовой подъем — по приказу начальства. Массовый террор никогда и нигде не укреплял государство. Тем, кто убежден в обратном, хорошо известны, по-видимому, страх и лицемерие, но неведома суть подвига, энтузиазма и любви к Родине.

…Существует два принципиально разных вида террора. В одном случае он направлен на привилегированные, криминальные и антинародные группировки, в другом — на народ.

За последние два-три столетия в капиталистических странах особенно успешно используется экономический тоталитаризм. Он

действует значительно эффективней, чем политический (который существовал в СССР и практически не затрагивал интересов народных масс). Еще губительней духовный тоталитаризм. Современные психотехнологии позволяют осуществлять террор особого рода, калечащий души людей.

Как мы уже говорили, элементы духовного гнета в той или иной степени присутствуют в любом обществе. Были они и в Советском Союзе. Вопрос лишь в том, во имя чего осуществляется диктат. Или ради сохранения власти и материального процветания меньшинства, порой ничтожного (и количественно, и качественно). Или ради процветания страны и улучшения жизни народа.

Безусловно, далеко не все наши воины шли умирать за официальную идеологию, не все любили Сталина. Но все они сражались и умирали за Родину. А она у них была одна — Советская Россия. Другой у них не было! У тех, кто ценой собственной крови добывал Победу, даже родившихся в царское время и служивших в царской армии, родиной был Советский Союз.

А генерал Власов оказался предателем. Он сдался в плен после разгрома своей армии — вовсе не из идейных соображений. В записях Геббельса 7 марта 1945 года приведен его разговор с Власовым. Этот бывший советский генерал утверждал, будто русский народ мечтает сбросить сталинское иго — надо лишь нанести Красной армии сокрушительный удар.

Геббельс отметил: «Когда Власов заявляет, что Сталин — самый ненавистный человек в России, то это, конечно, говорится ради собственного оправдания».

Существует синдром предателя. Тот, кому по каким-то соображениям или обстоятельствам приходится нарушать присягу, отказываться от партии, в которую вступал добровольно, резко менять идеологическую установку, вынужден оправдываться прежде всего перед самим собой (если он не законченный подлец). Поэтому он начинает выпячивать, преувеличивать многократно недостатки преданного им государства и его руководителей. Никому не нравится клеймо предателя, а потому надо выставить себя идейным противником, борцом за демократию, права человека и пр.

…За последние два десятилетия в сознание наших граждан упорно внедряется мысль, будто подлинная высокая русская культура, отечественные традиции хранило в годы «плебейской» советской власти русское зарубежье.

Безусловно, можно сочувствовать русским патриотам, которые волею рока были оторваны от родины, вынуждены были

жить на чужбине. Но надо ясно понимать: национальная русская культура всегда произрастала прежде всего на родимой почве, а не ютилась, подобно паразитическому растению или экзоту, в каких-то иных местах. Упоминаю об этом для тех, кого одурманила антисоветская (а по сути своей — антирусская) пропаганда.

5

Заранее признаю свое предвзятое отношение к личностям Ленина, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Тухачевского.

Объясняется это прежде всего тем, что приходится преодолевать ложные стереотипы, внедренные за последние десятилетия в сознание миллионов людей. Невольно допускаешь полемические преувеличения. Другая причина: стараюсь выяснить правду. Никакой другой цели у меня нет. В наше время моя позиция не приносит ни выгод, ни славы. Напротив, грозит неприятностями. Третья причина: я люблю свою Родину, свою культуру, свой народ — тех «старых русских», к которым принадлежу сам.

В отличие от многих нынешних антисоветчиков, я не был членом КПСС, не имел никаких привилегий, работал много лет геологом. Бывали у меня неприятные столкновения с цензурой (как автора «Нового мира» и концепции техносферы). Отец мой воевал в Гражданскую и Отечественную войны, отчим — в Финскую и Отечественную.

Отношение к советской власти, недостатки которой я видел всегда, у меня изменилось в период горбачевской перестройки. Я понимал: взят курс на уничтожение народовластия даже в тех ограниченных пределах, которые были в СССР, на развал великой России. К сожалению, мои прогнозы сбылись.

…Писать эту книгу было нелегко прежде всего из-за обилия разнообразных материалов и противоречивых мнений. Помимо всего прочего, трудно судить о взаимоотношениях главных героев между собой и со многими государственными, общественными, военными деятелями, об их замыслах, дружеских или враждебных отношениях, тайных сговорах. Возможно, следовало бы основательно поработать в архивах, пытаясь обнаружить какие-нибудь сенсационные материалы.

Впрочем, как я убежден, известных фактов достаточно много, а среди них имеются наиболее существенные. Поэтому задача не выискивать мелочи и не закапываться в них, а пытаться осмыслить то, что более или менее хорошо известно. Делать это я

старался, исходя не из частностей, а из самых общих представлений об эволюции цивилизации, истории России — СССР.

Мои научные и философские интересы мало связаны со сталинской эпохой. Не стал бы я тратить время и силы на изучение соответствующих материалов и написания книг, посвященных этой теме и, в частности, на данную нелегкую для меня работу, если бы не одно обстоятельство.

Россия находится на грани полной деградации, развала, русский народ деморализован и духовно подавлен, русская культура (включая науку) переходит в разряд «бывших», прекративших свое развитие. Гибель еще недавно великой цивилизации — катастрофа. Для меня это личная трагедия, ибо речь идет о моей Родине.

Приложение

Георгий Максимилианович Маленков не оставил воспоминаний. Почему? Мне кажется, о многом ему нельзя было писать по разным соображениям. А в той полуправде, которая остается после умолчаний, слишком много лжи.

Скажем, Никита Сергеевич оставил после себя обширные мемуары. Но там повсюду — вкрапления лжи. Употреблять подобную нечистую интеллектуальную пищу рекомендуется только специалистам, которые приобрели соответствующий иммунитет.

Некоторые идеи Г. М. Маленкова изложил его сын в книге «Омоем отце Георгии Маленкове» (НТЦ «Техноэкос», Москва, 1992). Мы публикуем главу из нее: «О взглядах отца на экономику, политику, жизнь».

Однако придется прерывать этот текст своими комментариями. И дело не только в том, что некоторые утверждения Андрея Георгиевича вызывают серьезные сомнения и возражения — не голословные, а основанные на фактах. В ряде случаев, как мне представляется, он недопустимо осовременил взгляды отца, а то и приписал ему собственные воззрения. Слишком очевидно его стремление вписаться в модные ныне среди многих интеллектуалов мнения о благе частной собственности, власти капитала, рыночной экономики и пр.

Данная глава дает представление о том, как воспринимали многие наши интеллектуалы, работники по научному ведомству, идеи академика А. Д. Сахарова и других «прорабов перестройки».

Итак, предоставим слово Андрею Георгиевичу Маленкову.

«Мое духовное сближение с отцом произошло в совместной деловой работе — сначала над программой «Защита организма человека», а затем над статьей «О всеобщности принципа: жизнь противостоит гравитации»… Причем, говоря о духовном сближении, я имею в виду вовсе не единодушие по всем вопросам, которые мы обсуждали, а стремление понять позицию друг друга. Такого понимания мы не обрели, пожалуй, лишь в одном — оценке личности Ленина. Но об этом — чуть позже…

Государственная деятельность Г. М. Маленкова зафиксирована во множестве официальных документов. Естественно, в тех из них, которые появлялись при Сталине, экономические и политические устремления самого Маленкова почти неразличимы — они, как правило, поглощались волевыми установками «Хозяина», выдававшимися за волю всей партии.

Правда, даже в этих условиях Маленкову (в отличие от всех других деятелей высшего эшелона власти, кроме Н. Вознесенского) все-таки удавалось проявить именно свой, индивидуальный подход к некоторым политическим и экономическим проблемам. Наиболее отчетливо это отразилось, как уже было сказано, в докладе о ежовщине в 1938 году, в выступлениях на XVIII партконференции в 1940 (1941 году. — *Р. Б.)* и на XIX съезде партии в 1952 году. (Для объективности надо сказать, что и Хрущев при жизни Сталина решился однажды проявить самостоятельность, выступив с идеей «агрогородов», но сразу же был жестоко высмеян за свое прожектерство, что, увы, не пошло ему впрок в дальнейшем.)

И только после смерти Сталина, в короткий срок между 53–55-ми годами, Г. М. Маленков предложил народу именно свою программу преобразований, в которой наконец-то политика была подчинена экономике…

Сейчас, вспоминая многочасовые беседы с отцом в последние годы его жизни и пользуясь записками, которые он оставил, постараюсь дополнить то, что уже было заложено в задушенных реформах 50-х годов, более поздними его размышлениями об экономике и политике. Ведь не победи тогда партократия во главе с Хрущевым, успешная реализация реформ вне всяких сомнений уже в 50-е годы привела бы Маленкова к тем мыслям, которые рождались у него позже. А так как у Георгия Максимилиановича между словом и делом дистанция была кратчайшая, то, по моему глубочайшему убеждению, наша страна давно уже двинулась бы по пути настоящей перестройки и никогда не дошла бы до нынешнего развала.

Итак, об экономических и политических взглядах отца в их развитии от 50-х до 80-х годов…

1. Первое для страны дело — возрождение крестьянства. Резкое увеличение приусадебных участков, уменьшение налогов, первые шаги к фермерству — только начало. Полное личное владение землей и продуктами своего труда — в последующем. Как-то я спросил у отца: «Так ты что же, разрешил бы частную собственность на землю?» Отец: «Ее давно разрешил один из первых декретов Советской власти: «Землю — крестьянам!» Если бы этот декрет был осуществлен, сами крестьяне без насильственного сгона их в колхозы и совхозы непременно бы самоорганизовались в ту или иную кооперацию, прежде всего — сбытовую». И далее он стал развивать мысль о том, что необходимейшая обязанность государства, если оно хочет благоденствовать, — всестороннее обеспечение крестьян (в первое время главным образом на основе кредитов) техникой,

семенами, стройматериалами, горючим, удобрениями, а также квалифицированной помощью агрономов, зоотехников и других специалистов (на основе договоров)».

КОММЕНТАРИЙ. Трудно судить, все ли тут изложено так, как имел в виду Георгий Максимилианович. Лозунг «Землю — крестьянам!» еще не предполагает частную собственность на сколь угодно большие наделы. Иначе сравнительно быстро появились бы богачи-землевладельцы и поденщики.

О самоорганизации крестьян в колхозы и совхозы можно говорить только умозрительно. Ничего подобного в реальности не произошло. Надо учитывать психологию русского крестьянства, формировавшуюся столетиями, и активное противодействие такой самоорганизации (которая сама собой вряд ли возможна, тем более в разнообразных природных и социальных условиях в разных районах огромной страны).

Рассуждая абстрактно, на маниловский манер, можно согласиться с доводами Андрея Георгиевича. Только следовало бы учитывать исторический опыт нашей страны. Не от хорошей жизни и не по прихоти «деспота» пришлось у нас проводить насильственную коллективизацию. Сталин признавал, что это было не менее трудное время, чем Отечественная война. В том-то и дело, что после страшной разрухи Гражданской войны город не мог обеспечить крестьян техникой, семенами, удобрениями и пр. А крестьяне только за бумажные деньги, на которые мало что можно было купить, не желали продавать сельхозпродукцию.

Прежде чем давать подобные всем давно известные рекомендации, надо было бы поинтересоваться, в каких природных условиях и каким образом организовано фермерство в индустриально развитых странах, как оно развивалось и с чего начиналось. С. Г. Кара-Мурза в серьезном исследовании убедительно доказал всю пагубность прославляемых ныне столыпинских реформ.

«2. Раскрепощение села, полагал отец, невозможно без раскрепощения города. Надо снять все запреты и ограничения на хозяйственную — индивидуальную и кооперативную деятельность. При этом важно, чтобы государственная власть не обладала разрешительными функциями — приобретение недвижимости и средств производства должно происходить на основе аукционов, бирж и т. д. Государственный банк должен

обеспечивать кредитование производственной деятельности частного человека. Только тогда появится слой экономически независимых, а значит, полностью свободных людей. Между прочим, тут отец сказал про М. Горбачева: «Поначалу я ему симпатизировал, а сейчас вижу: он ушел в политическую игру, вместо того, чтобы серьезно заняться экономикой. Прежде всего экономикой. Может наломать дров» (напомню: разговор шел в 1987 году)».

КОММЕНТАРИЙ. Андрея Георгиевича, развивавшего столь наивные мысли, извиняет лишь то, что писал он это на заре российского капитализма ельцинской поры. К чему это привело в экономике, демографии, культуре — очевидно.

В 1987 году мне довелось беседовать с заведующим экономическим отделом журнала «Коммунист» Егором Гайдаром. Тогда я написал большой, около 100 страниц, очерк о немарксистских взглядах на историю, где предположил, что произойдет в результате «рыночных реформ». (Была опубликована лишь часть этой работы в журнале «Слово»: «Почему я против строительства капитализма в России».) Предсказал инфляцию, экономический упадок, более 10 млн безработных. В одном ошибся: не произошли сколько-нибудь серьезные социальные выступления трудящихся. Сказалось «промывание мозгов», произведенное посредством СМРАП. В этом отчасти и заключалась «политическая игра» М. Горбачева.

Умилительно звучит в наши дни утопия об экономически независимых, а значит полностью свободных людях при капитализме. Да ведь вся эта система основана именно на экономическом закрепощении трудящихся владельцами капиталов. Об этом написано множество великих литературных произведений и серьезных научных и философских исследований.

«3. Пробуждающаяся инициатива города и деревни «на авось» не продержится. Давняя установка отца: энергичное внедрение новейших технологий на конкурентной основе. Государство выбирает лучшее, препятствуя какой-либо монополизации в производстве и проектировании. Особенно — крупнейших строек. А лучшее — это то, что помогает снижать производственные затраты при высоком качестве. Функция государства — всячески (налоговыми, кредитными и другими льготами) поощрять тех,

кто вкладывает средства в энерго- и материалосберегающие технологии».

КОММЕНТАРИЙ. Вновь высказаны самые общие и не связанные с действительностью рекомендации. Какая-то странная смесь представлений о государственной регуляции и ответственности при свободе частного предпринимательства. Такова наиболее благоприятная ситуация для установления коррупционных связей государственных чиновников и владельцев капиталов.

«4. Планирование, считал отец, надо сделать недирективным, а прогностическим. Однажды сказал: «Тут решающий голос — за Академией наук. Но и ответственность за свои рекомендации она должна нести по всей строгости». Он знал, что говорил: у него на столе постоянно лежал и тщательно им изучался двухтомник, в котором были напечатаны научные прогнозы по развитию экономики США».

КОММЕНТАРИЙ. Этот двухтомник в те же годы приобрел и проработал я. Он убедил меня в том, что американцы успешно стали использовать наш социалистический опыт планирования народного хозяйства. Однако у нас при господстве партократии планирование стали «корректировать» по ее указаниям. При Ленине и Сталине в нашей стране перспективные планы развития экономики, культуры составлялись при участии крупнейших ученых.

«5. Следовать мировому опыту: каждый регион развивает именно те отрасли сельского хозяйства, которые издавна обусловлены его природными возможностями. Например, в Казахстане надо в первую очередь развивать традиционное животноводство и промышленность по переработке его продукции. В Центральной России — многоотраслевое земледелие в сочетании с высокопродуктивным животноводством и исконными народными промыслами. Много раз отец говорил мне о необходимости возродить старорусское льноводство в районе Верхней Волги».

КОММЕНТАРИЙ. Упомянутый мировой опыт настолько тривиален, что тут вроде бы и спорить не о чем. Хрущев попытался «навязать» природе «волю партии», вот вышел конфуз и с кукурузой в северных районах, и с тотальным наступлением на целину. Однако

мировой опыт свидетельствует еще и о том, что с прогрессом техники, технологий меняется и хозяйственная ориентация тех или иных районов.

«6. Средства, необходимые для перехода страны от командно-распределительной экономики к конкурентно-инициативному хозяйствованию, должны, по мысли отца, образоваться в результате разумного сокращения затрат на тяжелую промышленность, военно-промышленный комплекс, а также резкого повышения отдачи от раскрепощенной деревни, что не только поможет насытить продуктами внутренний рынок, но и позволит возродить экспорт сельхозпродукции на мировой рынок. Росту производительности общественного труда, а значит, и накоплению государственных средств будет способствовать не только продуманное и быстрое технологическое обновление всей (и сельской и городской) производственной сферы, но и демократизация общества, обеспечивающая каждому человеку экономическую, а значит, и личную независимость. Я записал одно из его высказываний: «Нельзя быть свободным у лагерного раздатка или чиновничьего «корыта», когда человек получает от начальства паек в зависимости от своего послушания».

КОММЕНТАРИЙ. Мы уже говорили о внедренном в сознание значительной части интеллектуалов, плохо знающих реальную жизнь общества, мифе об экономической свободе при капитализме. Насчет отдачи от «раскрепощенной» при этом строе деревни мы можем судить по результатам последних трех пятилеток: нынешняя РФ обеспечивает лишь на две трети (если не меньше) свои потребности в сельскохозяйственной продукции. При изобилии всяческих товаров для богатых значительная часть населения не обеспечена минимальным набором продуктов питания. В результате — полуголодное существование, болезни, истощение, вымирание.

Вновь сошлюсь на свой опыт. В отличие от Г. М. Маленкова, занимавшего номенклатурные должности, и его семьи, я не находился никогда ни у чиновничьего «корыта», ни у лагерного раздатка. Работал геологом, писал статьи, книги. Вокруг меня были тысячи таких же нормальных трудящихся. И все мы при социализме были несравненно более свободны в выборе профессии, в отношениях с начальством, чем теперь, при господстве капитала. Были ограничены политические свободы, это факт. Но они, как выясняется, выгодны прежде всего

демагогам, пройдохам, богатым. Экономическое рабство — самое безнадежное.

«7. Государство в этом переходном процессе берет на себя функции:

— обеспечения соблюдения всех законов и безопасность граждан от всяческих мафий;

— путем создания планов-прогнозов, систематического повышения квалификации кадров, препятствования монополизации и поощрения конкуренции, кредитного и налогового стимулирования ресурсосберегающих, «экологичных» технологий государство координирует производственные, финансовые, социальные и экологические усилия общества;

— проводит комплекс мер по борьбе с коррупцией и другими формами разложения управляющего слоя. (Напомню: этой функции государства отец придавал особое значение еще в 1953 году, а в последний год жизни не раз говорил: «С нетерпением жду, когда политические забастовки рабочих сметут коррумпированную верхушку».)»

ПРИМЕЧАНИЕ. С последним пожеланием Георгия Максимилиановича трудно не согласиться. Однако все произошло иначе. В коррумпированном государстве (при господстве капитала это неизбежно, хотя и проявляется в разных формах) имущие власть служат богатым, а потому народные волнения подавляются в зародыше. Для этого используются СМРАП, а при необходимости и внутренние войска. Государственные структуры могут бороться с коррупцией и разложением управляющего слоя только в том случае, если они обладают независимостью. А это исключено при абсолютном господстве правящей политической и/или экономической партии. (Под экономической партией подразумевается сообщество владельцев крупных капиталов. Исходя из этого можно утверждать, что в США, например, существует однопартийная — в экономическом аспекте — система, имеющая два политических крыла.)

«8. Но как от монополии КПСС перейти к политической демократии? Отец считал, что важнейшим реальным противовесом партии должны стать независимые профсоюзы. По его мысли, партия (после очищения от коррумпированных элементов, при условии ликвидации института номенклатуры) и независимые профсоюзы образовали бы двухпартийную систему.

С постоянной оппозицией одной из партий. «Например, как в Британии», — говорил Георгий Максимилианович до конца 70-х годов. А затем, в связи с польскими событиями, видел наглядную аналогию в массовом рабочем движении «Солидарность», которое в 80-е годы уже показывало свою силу именно как оппозиционная по отношению к ПОРП партия».

КОММЕНТАРИЙ. Вновь приходится говорить о таких мечтаниях, как весьма далеких от реальности. Вот и «Солидарность», как выяснилось, вовсе не защищала права трудящихся. Это была антисоветская организация, замаскированная под свободные профсоюзы. Признаться, я ей поначалу симпатизировал. У меня сохранился ее значок (подарила редактор моей книги, переведенной в Польше). Но разве случайно «герой «Солидарности «» Лех Валенса, стае президентом страны, не сделал для своего народа ничего хорошего и с треском провалился на следующих выборах? Надо же извлекать уроки из происходящего, а не упиваться иллюзиями.

«9. Необходимым условием для демократизации общества отец считал реальную юридическую и экономическую независимость судебной власти от местной исполнительной власти».

КОММЕНТАРИЙ. Мечтать не запретишь.

«10. В области культуры так же, как и в экономике, отец полагал важнейшей задачей государства борьбу с монополизацией любой сферы деятельности не только государственными, но и общественными организациями, снятие всяческих препятствий и преград на пути творческой активности личности и коллектива. (Иными словами, он был за отмену контроля со стороны исполнительной власти, лишения ее разрешительных функций, а также за ликвидацию «казарменной», как он говорил, монополии творческих союзов.)»

КОММЕНТАРИЙ. Затронутая проблема не так проста, как может показаться. Как член Союза писателей СССР я пользовался некоторыми льготами, которые предоставлял Литфонд. За это от меня не требовали каких-либо идеологических выступлений. Ни в одной из моих примерно четырех десятков книг, изданных при советской власти, не прославляются КПСС и ее вожди (были неприятные конфликты с цензурой, порой острые).

Хотя кое о чем приходилось умалчивать или говорить обиняками. Полагаю, это было результатом именно единовластия партаппарата, установившегося с хрущевских времен.

Безусловно, в творческих союзах тогда присутствовало немало бездарных приспособленцев. Да, государство контролировало деятельность этих организаций. Это, увы, вполне естественно: ведь они были частью именно социалистической системы. А что произошло после буржуазной революции? Для меня, например, ситуация в идейном смысле резко изменилась к лучшему. Появилась возможность публиковать остро публицистические философские и общественно-политические работы.

Однако столь же резко ухудшилась общая ситуация с изданием познавательной, просветительской, интеллектуальной литературы (а не развлекательной). Уничтожается, как говорится, на корню любознательный квалифицированный читатель. Тиражи соответствующих книг сократились в десятки, а то и в сотни раз…

Вывод. Там, где господствует принцип материальной выгоды, прибыли, а СМРАП находятся в руках имущих власть и капиталы, происходит деградация культуры, интеллектуальной и, шире, духовной жизни. Стояниями в церквях со свечками и молитвами этот дефицит не восполнишь. Я категорический противник воинствующего атеизма. Но и сводить многообразие духовной культуры к гегемонии религии тоже нельзя.

«11. Во внешней политике Маленков и раньше, будучи у власти, и потом, в годы опалы, считал необходимым исходить из реальных национальных интересов СССР. Он был убежден, что войны можно избежать. Для этого нашей стране надо наконец-то проводить честную, нелицемерную политику, завоевывая доверие политических партнеров и соперников. Действительно миролюбивая политика (с отказом от имперских амбиций и поползновений в странах третьего мира) должна сочетаться с сильной обороной, основанной на квалифицированной, профессиональной армии, в распоряжении которой должны быть все необходимые для эффективной обороны современные технологии. Технологическое отставание в военной технике отец считал недопустимым. Настаивая же на сокращении военных расходов, он основывался на следующих внешнеполитических соображениях:

— коренное улучшение отношений с Китаем, во-первых, позволит полностью снять войска с протяженной советско-китайской границы и из Монголии, а во-вторых, вообще создаст для нас наивыгоднейшую позицию в мире;

— улучшение отношений с Западной Европой (особенно с Германией) и Японией, основанное на использовании реальных противоречий между этими странами и США, а также вывод наших войск с территорий других государств, прекращение военного противостояния в «горячих точках» планеты и прекращение военной помощи тоталитарным режимам (вроде Ливии, Ирака и т. д.) — все это, в свою очередь, поможет высвободить огромные материальные и трудовые ресурсы для преобразования страны;

— к той же цели приведут профессионализация армии и рациональное использование оборонной промышленности (отец превосходно знал порядки, царящие в «оборонке», и был убежден в том, что ликвидация ведомственных барьеров, обусловленных сверхсекретностью, дала бы широкую возможность внедрить технологические достижения ВПК в развитие мирных отраслей)».

> КОММЕНТАРИЙ. Некоторые из этих тезисов не вызывают возражений. Скажем, наши взаимоотношения с Китаем наладились. Но многое из того, что перечислено, повторяет демагогию Е. Гайдара, полностью опровергнутую реальностью. Сомневаюсь, чтобы Г. М. Маленков так упорно ратовал за профессиональную армию. Ее до сих пор не удается создать. При огромнейшей протяженности наших границ и слабой экономике она вряд ли целесообразна. О состоянии нашей оборонной промышленности лучше и не говорить: она работает преимущественно на экспорт, а доходы от этой деятельности обогащают лишь некоторые коррумпированные группировки. По своему общему военному потенциалу, если исключить ядерное и ракетное оружие, РФ — слабая страна.

«12. И, наконец, весь этот комплекс конкретных мер, тактических и стратегических задач был пронизан глубочайшей и искренней верой Георгия Максимилиановича в плодотворность коммунистической идеи. Естественно, и здесь с ходом времени его взгляды развивались: всматриваясь в реальные изменения, происходившие в нашей стране и в мире, он шаг за шагом преодолевал в себе приверженность к коммунистической риторике с ее жесткой аксиоматичностью и унылым схематизмом. Но, думаю, решающим моментом в раздумьях отца о

«коммунистическом далеко» стала его встреча с трудами В. И. Вернадского. Захваченный концепцией этого великого ученого о ноосфере, то есть сфере разума, облегающей нашу планету мощным биоэнергетическим полем, отец пришел к выводу, что извечная коммунистическая идея со всеми ее мучительными трансформациями есть, может быть, одно из ведущих слагаемых этого поля. Отвергая примитивное, да просто невежественное представление о коммунизме, которым руководствовался Хрущев в своем громогласном обещании такового именно к 1980 году, Георгий Максимилианович не вкладывал в понятие «коммунизм» конкретного политического содержания (кроме принципа «от каждого по способности, каждому по потребности») и уж тем более не озадачивал себя установлением сроков наступления коммунизма ни годом, ни десятилетием, ни даже веками. Опираясь на общефилософское учение о сфере разума, он считал, что именно коммунистическая идея наиболее полно соответствует основному вектору движения человечества. (Выделено А. Маленковым. — *Р. Б.)* Постепенно реализуясь в историческом процессе, именно она обеспечит земной цивилизации выживание, развитие и процветание…»

КОММЕНТАРИЙ. Как специалист по творчеству В. И. Вернадского вынужден отметить: его идея ноосферы (области господства на планете научной мысли) не отвечает реальности и остается трудно достижимым идеалом. На Земле и в околоземном космосе сформирована техносфера, подавляющая и разрушающая область жизни, биосферу. Да, Вернадский писал, что идеалы нашей — советской — демократии идут в унисон глобальному процессу создания ноосферы. Писал он это в конце Великой Отечественной войны, преисполненный оптимизма и верный своим гуманистическим идеалам. Увы, последующие события опровергли его предположения. Даже наука во второй половине XX века превратилась в прислужницу техники.

«Если еще раз окинуть беглым взглядом экономическую и политическую программу, то при всей эскизности ее изложения легко можно подметить некоторые принципиальные черты государственного мышления Г. М. Маленкова — предельную реалистичность в практических действиях при смелом взгляде в будущее — ближнее и дальнее; строгую последовательность в выборе приоритетов и продуманную постепенность в их осуществлении; наконец, основательность, базирующуюся на тщательной проработке вопроса, включая научные данные и

рекомендации. Вообще слова «основательно», «основательность», равно как и «жизнедеятельность» он употреблял постоянно. И согласно им поступал: всегда отдавал предпочтение жизнедеятельности перед любой абстрактной идеей, а к любому своему шагу в общественной практике готовился основательно.

Но была в государственном, да и просто обыденном, мышлении Георгия Максимилиановича и еще черта — своеобразный автократизм. Тут, очевидно, к унаследованной от матери властности добавилось и «благоприобретенное» — суровая школа тиранического режима. Выше, если читатель помнит, я отметил, что, мол, у отца между словом и делом было кратчайшее расстояние. Сказано это не в упрек нашим сегодняшним демократам. Просто, приступая к реформам, Г. М. Маленков действовал в иных условиях: ему не требовалось «проводить» свои реформы через несуществовавшие тогда институты демократической власти. Основательное изучение проблемы, выработка механизмов ее решения, указание сверху — и вся система, приученная к повиновению, со скрипом, но без промедления разворачивалась по предложенному руслу. Кстати, авторитарно поступал и Хрущев (вспомним хотя бы целинную эпопею, когда по мановению его рук в движение пришли миллионы людей). А разница между авторитарностью Хрущева и Маленкова была в том, что один действовал кавалерийским наскоком, на авось, а другой — разумно и целесообразно, что и отмечалось сразу же в сознании народа. Короче говоря, отец был просвещенным автократом, т. е. он считал, что переходный период от тоталитарного режима к демократии должен осуществляться сильной исполнительной властью, опирающейся на законы. Многие не четко понимают различие между деспотизмом и авторитарной властью, между тем отличие это принципиальное и в основе его лежит признание авторитарной властью первенства законов, тогда как деспотизм… не признает над собой никаких законов».

> КОММЕНТАРИЙ. Абстрактные рассуждения о «тираническом режиме» и «демократической власти», характерные для кухонных бесед диссидентов советского времени, производят тяжелое впечатление в наши дни.

«Отец, например, был убежден в том, что так называемая «вся правда», разглашенная не вовремя, принесет больше вреда, чем пользы (запомнилась его фраза: «Не нужно говорить людям всего не потому, что нельзя, а потому, что обо всем не нужно знать»). И вообще он считал, что к восприятию всего комплекса демократических идей необходимо тщательно готовиться, надо к

ним продвигаться шаг за шагом, а сразу ничего не получится.

В этом вопросе мы с отцом сильно расходились во мнениях. Я-то как раз считал, что наш народ уже выстрадал право на полную правду о нашем прошлом и настоящем. Помню, как однажды в горячей полемике с отцом я задал ему вопрос: почему ты отдал власть без борьбы, почему не обратился к народу?» Отец посмотрел на меня, как на несмышленыша: мол, тебе, беспартийному, не уразуметь, что такое партийная дисциплина, что такое историческая реальность.

Думаю, читателям интересно будет узнать и об отношении Маленкова к церкви и вообще к религии. Я знал, что в конце сороковых годов, когда Сталин решил ликвидировать патриаршество, отец сумел убедить его не делать этого. Каким образом, не знаю, но, должно быть, со временем обнаружатся документы, которые помогут осветить этот эпизод. Уважительное отношение к церкви, насколько я понимаю, не противоречило державным представлениям отца.

Одной из коренных установок отца было утверждение, которое он любил повторять: «Хорошо то, что объединяет людей, и плохо то, что их разъединяет». В религии отец видел больше начал объединяющих, чем разъединяющих. Тут мы были друг с другом полностью согласны, а вот дальше у нас начинались расхождения и споры. В результате озарения для меня стало очевидным существование некоего Высшего Мирового Разума, предопределяющего все и вся во Вселенной. А затем, в размышлениях над этим вопросом, пришел к выводу, что существование этого всеобщего разумного начала во Вселенной можно без всяких логических натяжек назвать Богом, в том смысле, как понимают христиане.

В пору, когда мы с отцом работали над статьей: «О всеобщности принципа: жизнь противостоит гравитации», у нас нередко возникали разговоры о том, что сугубо физикалистская картина мира (иными словами: в полном согласии с известными нам физическими законами) недостаточна для объяснения многих феноменов живой и неживой материи (в этом, кстати, суть и пафос нашей статьи, как убедится читатель, заглянув в приложение к книге). Как выяснилось, отец в целом разделял мою веру в наличие Мирового Разума. Словом, мировоззрение Георгия Максимилиановича в этой области я бы назвал мировоззрением верующего вольнодумца, т. е. он верил в Бога и не считал, что кто-либо из людей может претендовать на владение истиной в последней инстанции.

На все, что касалось Ленина в наших разговорах, было наложено табу. Но означало ли это, что и в потаенных мыслях

отца ленинская фигура была столь же непререкаемой? Взять хотя бы благополучно дожившее до первых лет перестройки идеологическое заклинание о «возвращении к ленинским нормам». Ведь не мог же не видеть Георгий Максимилианович, что к ним «возвращались» едва ли не при каждой очередной смене генсека. Конечно же видел, да к тому же, уверен, и знал об этих «нормах» куда больше, чем все мы в те годы. Так, может быть, и здесь работала та же непререкаемая установка — надо созреть до осознания. И не здесь ли, кстати, кроется один из возможных ответов на вопрос, почему отец не оставил мемуаров? Писать без какой-либо утайки обо всем, что пережито, — время не пришло, а писать с купюрами и подтасовками — лишь увеличивать количество лжи на Земле…

В связи с этими своими размышлениями расскажу об эпизоде, который в свое время глубоко меня потряс и остался со мной на всю жизнь. За неделю до смерти отца я, брат и сестра собрались вместе, чтобы поздравить его с днем рождения. Было это 7 января 1988 года, в светлый праздник Рождества Христова. Словно по какому-то наитию я в нашей беседе с отцом упомянул о яростном непримиримом отношении Ленина к религии. Возникла тягостная пауза, и тогда я не нашел ничего лучшего, как усугубить неловкую ситуацию вопросом: «Как считаешь, отец, — не величайшая ли это ошибка?» Снова тягостная пауза, а затем последовал короткий ответ: «Да, считаю так». Эти слова прозвучали, как нелегкое, но необходимое признание. И у меня словно камень с души свалился.

Сейчас, вспоминая об этом, задаюсь новыми вопросами: как воспринял бы отец опубликованные недавно архивные документы (в том числе поистине страшное письмо Ленина «Об ограблении церквей во имя голодающих Поволжья»), которые окончательно разрушили десятилетиями насаждавшееся представление о непогрешимости вождя революции? Явились бы они для него неожиданным и сокрушительным ударом? Или трагически подтвердили бы потаенный ход его раздумий о сути ленинского большевизма? И не подвели бы отца к мысли о том, что народ уже должен знать все обо всем. Я лично уверен, что это так бы и было.

И еще три разговора с отцом, которые помогут высветить его сложную и, по-моему, очень цельную личность. Произошли они в разное время, но по своей внутренней логике слились для меня в один. Да к тому же, если быть точным, это были не столько разговоры, сколько обычные для Георгия Максимилиановича реплики без каких-либо комментариев. По неписаному между нами правилу предполагалось, что их я должен осознать сам…

Как-то отец протянул мне страничку со своими записями и

сказал: «Прочти на досуге». Естественно, досуга я ждать не стал и прочел сразу же, как отец вышел из комнаты: «Скоро 300 лет со дня открытия Ньютоном всемирного закона тяготения. Я думаю, однако, что не все еще в этом явлении осознано до конца. Ведь яблоко, которое, по преданию, упало Ньютону на голову и тем самым подвигнуло его к озарению, для того чтобы упасть, должно было сначала подняться над землею, преодолев тяготение». Собственно, этот набросок и стал толчком к работе над статьей о противостоянии жизни и гравитации, которую читатель может прочесть в приложении к моей книге. Так вот: когда мы трудились над текстом, мне и в голову не приходило, что афористическая фраза: «Чтобы упасть, яблоко должно сначала подняться над землею», — имеет для отца не только чисто физический, но еще и нравственный — этический смысл.

А понял я это после того, как Георгий Максимилианович положил передо мной том с пьесами любимого им А. К. Толстого и опять, ничего не объясняя, посоветовал внимательно прочесть историческую пьесу «Посадник». Сюжет ее таков: средневековый Новгород осажден врагами, завтра предстоит решающая битва, и тут вдруг выясняется, что новгородский военачальник, ослепленный любовью к женщине, по неосторожности помог ей выкрасть ключи от потайного хода в город и они могли оказаться во вражеских руках; и тогда, понимая, что обвинение в измене лишит новгородское воинство полководца, посадник новгородский берет вину на себя, ради города, говорит он, отдам не только жизнь, но и честь… Не о своем ли жизненном пути размышлял отец, советуя мне прочесть пьесу А. К. Толстого?

Наверное, по дорогам прошлого и проносилась его мысль. Во всяком случае в пору, когда отец буквально зачитывался народным эпосом — от Манаса до нартских преданий, — я случайно увидел в одной из прочитанных им книг подчеркнутую фразу: «Победитель без упрека». По-моему, подчеркивание это о многом говорит. Выпрямившийся после смерти Сталина и вскоре отброшенный от власти, отец до самой своей смерти уже не сгибался. И в этом смысле, на мой взгляд, он действительно победитель без упрека.

Само собой, я не рассказал отцу о том, что натолкнулся на подчеркнутую фразу, а потому не поделился с ним своими догадками по этому поводу. И все-таки однажды («по касательной», так сказать) затронул близкую тему — о человеческом достоинстве. И вдруг отец, как всегда, оставляя многое про себя, высказал вслух, видимо, давно выношенное: «Достоинство… Пожалуй, это и неотступное следование цели своей жизни. Вернуть людям землю — это значит вернуть им

достоинство…» Комментариев больше не было, но я знал, что отец всегда понимал под словом «земля» не только участок, надел, передаваемый крестьянам в полное их пользование, но и в широком смысле — самостоятельное, независимое хозяйствование, достойное свободного человека…

Когда я мучился вопросом, как закончить свою книгу, мне на глаза попались замечательные слова Семена Людвиговича Франка. Вот они: «Нравственный идеализм всегда прав в своем бичевании пороков и несовершенств существующего; и он привлекает к себе сердца своим мученичеством во имя высших начал, своей преданностью мечте о добре, подлежащем осуществлению. Но когда его провозвестники из роли мечтателей, обличителей и борцов за правду переходят в роль осуществителей этой правды, реальных распорядителей и властителей жизни, они возбуждают ненависть своей тиранией, невниманием к конкретно-сложным нуждам жизни, к многообразию человеческих потребностей и слабости человеческой природы» (Крушение кумиров. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 159).

Для отца никакие догмы никогда не заслоняли реальную жизнь, живых людей, их страдания, надежды и радости».

notes

Примечания

1

XIV съезд (1925) в связи с образованием СССР переименовал РКП(б) в ВКП(б).

2

Esprit de corps (франц.) — корпоративный дух; солидарность, чувство локтя.